

Opp. 659^b (3)

XVc, 19-3

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

С
СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

3

МОСКВА,

Въ Типографіи С. Селивановскаго,

1803.

За 1641547

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Съ дозволєнія
Московскаго Гражданскаго Губернатора.

Опечатки въ Трешлемъ Томѣ.

Стран. строк. напечатано: читай:

19	—	9	часть я до-	часть доми-
			мика	ка
30	—	16	бООООО	бОООО
60	—	2	ы	мы
78	—	7	хшо	чшо

Опечатки въ Четвертомъ Томѣ.

Стран. строк. напечатано: читай:

36	—	14	Палигенезіи	Палингене- зіи
170	—	8	называе- мыѣ	называе- мыхъ
219	—	19	n eclats	en éclats
250	—	3	смѣслѣ	смыслѣ
251	—	7	намѣ	вамѣ
297	—	4	состоятъ	состоятъ

П И С Ь М А

РУСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Ч А С Т Ь ІІ.

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

ASTEN LENOX TILDEN FOUNDATION

505 N. 5TH ST. NEW YORK, N.Y.

1885 MAR 11

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

ASTEN LENOX TILDEN FOUNDATION

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ III.

ПИСЬМА

РУСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

ЧАСТЬ II.

Юля 31.

Нынѣ ѣздилъ я въ деревню Гергенъ, которой имя очень извѣстно: подлѣ нее было въ 1759 году, 13 Апрѣля, кровопролитное сраженіе между Французами и соединенною

ГанOVERскою и Гессенскою арміею; послѣднею командовалъ Брауншвейгской Принцъ Фердинандъ, а первыми, которые остались побѣдителями, Маршалъ Броль.

Въ здѣшней рапушѣ, называемой *Римляниномъ* (Römer), показывающъ путешественникамъ ту залу, въ которой обѣдаешъ новоизбранной Императоръ, и гдѣ сполнѣ портреты всѣхъ Императоровъ отъ Конрада I до Карла VI. Кто не пожалѣетъ червонца, тотъ тамъ же въ архивѣ можетъ видѣть и славную золотую *Буллу*, или договоръ Императора Карла IV съ Государственными Чинами, написанной на 43 пергаментныхъ листахъ и названной симъ именемъ отъ золотой печати, висящей на черныхъ и желтыхъ шелковыхъ шнурахъ. На сей печати изображенъ Императоръ, сидящій на тронѣ, а на другой сторонѣ Римская крепость, или такъ называемой

замокъ Св. Ангела (il castello di S. Angelo) съ словами aurea Roma (золотой Римъ), которыя расположены въ трехъ линіяхъ такимъ образомъ :

$$\left. \begin{array}{c} \text{aur} \\ \text{ear} \\ \text{oma} \end{array} \right\}$$

Я былъ и въ кафедральной церкви Каполиковъ, гдѣ по уставу Майнцкой Архіепископъ коронуемъ избраннаго Императора. Тутъ бросилась мнѣ въ глаза спашуя Маріи въ бѣломъ кисейномъ плащѣ. Часто ли шьютъ ей обновы? спросилъ я у моего провожатаго. Изъ году въ годъ, отвѣчалъ онъ.— Хотя главная церковь въ городѣ принадлежитъ Каполикамъ, однакожь господствующая Религія во Франкфуртѣ есть Лютеранская, и Каполицкому Духовенству запрещено ходить въ процессіи по улицамъ. Здѣсь очень много и Реформатовъ, по большой части Фран-

цузовъ, выгнанныхъ изъ опечества Людовикомъ XIV ; но они не могутъ имѣть участія въ правленіи города, и даже не смѣютъ всенародно опправлять своего богослуженія, въ такомъ городѣ, гдѣ Жиды имѣютъ Синагогу. Такая неперпимостъ конечно не служишь къ чеспи Франкфурпскаго Правительспва.

Жидовъ считаеися здѣсь болѣе 7000. Всѣ они должны жишь въ одной улицѣ, копорая такъ нечиста, что не лзя иппи по ней не зажавъ носу. Жалко смотрѣшь на сихъ несчастныхъ людей, споль униженныхъ между челоѣками ! Плапье ихъ состоипъ по большой часпи изъ засаленныхъ лоскушковъ, сквозь копорые видно нагое тѣло. По воскресеньямъ, въ попъ часъ, когда начинаеися служба въ Христіянскихъ церквахъ, запираютъ ихъ улицу, и бѣдные Жиды какъ невольники сидятъ въ своей

клѣпкѣ до окончанія службы ; и на ночь запирають ихъ такимъ же образомъ. Сверхъ сего принужденія , еспли случится въ городѣ пожаръ , то они обязаны везти пуда воду и пушить огонь.

Между Франкфуртскими Жидами естъ и богатые ; но сіи богатые живутъ по большой части такъ же нечисто, какъ бѣдные. Я познакомился съ однимъ изъ нихъ, умнымъ, знающимъ человекомъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ , и принялъ очень учтиво. Молодая жена его , родомъ Француженка , говоритъ хорошо и по-Французски и по-Нѣмецки. Съ удовольствіемъ провелъ я у нихъ около двухъ часовъ ; но только въ сіи два часа чего не вытерпѣло мое обоняніе!

Мнѣ хотѣлось видѣть ихъ Синагогу. Я вошелъ въ нее какъ въ мрачную пещеру, думая: Богъ Израилевъ , Богъ народа избраннаго ! здѣсь ли должно поклоняться Те-

бѣ? Слабо горѣли свѣтильники въ обремененномъ гнилостію воздухѣ. Уныніе, горестъ, страхъ, изображались на лицѣ молящихся; нигдѣ не видно было умиленія; слеза благодарной любви ни чьей ланипы не орошала; ни чей взоръ въ благоговѣйномъ восхищеніи не обращался къ небу. Я видѣлъ какихъ-то преступниковъ, съ препенномъ ожидающихъ приговора къ смерти, и едва дерзающихъ молишь судію своего о помилованіи. „За чѣмъ вы пришли сюда? (сказалъ мнѣ шопъ умной Жидъ, у котораго я былъ въ гостяхъ.) Пощадите насъ! Нашъ храмъ былъ въ Іерусалимѣ; шамъ Всевышній благоволилъ являться своимъ избраннымъ. Но разрушенъ храмъ великолѣпной, и мы, разсѣянные по лицу земли, приходимъ сюда съ шовапъ о бѣдспвіи народа нашего. Оспавъте насъ; мы представлемъ для васъ печальную кар-

„пину.“ — Я не могъ опвѣчать ему ни слова, пожалъ руку его, и вышелъ вонъ.

Давно уже замѣчено, что общее бѣдствіе соединяетъ людей тѣснѣйшимъ союзомъ. Такимъ образомъ и Жиды, гонимые рокомъ и угнетенные своими сочеловѣками, находясь другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей связи, нежели мы, порожествующіе Хриспіяне. Я хочу сказать, что въ нихъ видно болѣе *духа общественности*, нежели въ другомъ народѣ. Жидъ, въ раздранномъ рубищѣ, пришелъ ко мнѣ нынѣ поутру съ разными бездѣлками. У меня сидѣлъ Докшоръ Н*. Не покупайте ничего у Жидовъ, сказалъ онъ мнѣ: изъ нихъ рѣдкой не обманщикъ. „Не правда, государь мой! опвѣчалъ съ жаромъ Израильшанинъ: мы не безчестнѣе Хриспіянъ.“ Сказалъ, и съ сердцемъ ушелъ изъ горницы. Вчера же зашелъ я къ одному Жиду

для того, чшобы размѣнять нѣ-
 сколько червонцевъ на Француз-
 скіе талеры. На столѣ у него
 лежала развернутая книга, *Мен-
 дельзоновъ Иерусалимъ*. Мендель-
 зонъ былъ великой человѣкъ, ска-
 залъ я, взявъ книгу въ руки. „Вы
 знаете его? (спросилъ онъ у меня
 съ веселою улыбкою). Знаете и
 то, что онъ былъ одной націи со
 мною, и носилъ такую же бороду,
 какъ я?“ Знаю, отвѣчалъ я, знаю.
 Тупъ Жидъ мой бросилъ на столъ
 талеры, и началъ мнѣ хвалишь
 Мендельзона съ жаромъ и восхи-
 щеніемъ, и заключилъ свою хвалу
 повтореніемъ, что сей великой
 мужъ, сей Сократъ и Платонъ
 нашихъ временъ, былъ Жидъ, былъ
 Жидъ! — Здѣшніе Актеры недав-
 но предспавляли Шекспирову дра-
 му, *Венеціянскаго Купца*. На дру-
 гой день Франкфуртскіе Жиды
 прислали сказать Директору Ко-
 медіи, что ни одинъ изъ нихъ не

будетъ ходить въ Театръ, естъ-
ли сія драма, въ которой обру-
тана ихъ нація, будетъ предсав-
лена въ другой разъ. Директоръ
не захотѣлъ лишиться части сво-
его сбора, и отвѣчалъ, что она
будетъ выключена изъ списка пі-
есъ, играемыхъ на Франкфурт-
скомъ Театрѣ.

Августа 1.

Отсюда двѣ дороги въ Страз-
бургъ: черезъ Дармштадтъ, Гей-
дельбергъ и Карлсру, или черезъ
Фальцъ. И ту и другую мнѣ хва-
лили: я избираю послѣднюю. Но
какъ мнѣ хотѣлось видѣть Штар-
ка, придворнаго Дармштадтскаго
Проповѣдника, то я нынѣ поуспру
нанялъ себѣ лошадь и поѣхалъ въ
Дармштадтъ верхомъ. И съ этой
стороны окрестности Франк-
фуртскія очень пріятны; но да-

лѣе кѣ Дармштаду (до котораго
считается сѣмь Франкфурта при
мили) мѣста уже не такъ хороши.
Дорога индѣ очень песчана, индѣ
очень выбиша — и попому я еще
болѣе ушвердился въ своемъ на-
мѣреніи ѣхати черезъ Фальцъ.
Деревни всѣ хорошо выстроены,
и вездѣ находилъ я пракширы
подъ разными, опчаспи спранны-
ми выѣсками. На послѣдней милѣ
кѣ Дармштаду начинается очень
хорошая мостовая. Тутъ открыл-
ся мнѣ и городъ, лежащій близъ
покрытыхъ лѣсомъ горъ, и пред-
ставляющій въ семъ разстояніи
очень изрядную картину.

Остановясь въ пракширѣ, по-
славъ я слугу съ письмецомъ кѣ
Шпарку, а самъ бросился на кре-
сла отдыхать; но черезъ нѣсколь-
ко минутъ позвали меня обѣдать.
Въ столовой комнаѣ нашелъ я
человѣкъ восемь, порядочно одѣ-
тыхъ. Въ томъ числѣ былъ одинъ

путешествующій Французъ, для котораго надлежало всѣмъ говорить по-Французски. Молодой человекъ, прїѣхавшій изъ Стразбурга, подробно рассказывалъ намъ, какимъ образомъ за нѣсколько дней передъ симъ бунтовала тамошняя чернь; но по-Французски говорилъ онъ такъ худо, что трудно было отъ смѣха удержаться — на примѣръ: *илъз-онъ дешуре ла мезонъ де виль; илъз-онъ бриле (brulé) ле докиманъ (les documents); илъ ву-ле бандръ (prendre) ле машистра (magistrats).* — Тутъ слуга принесъ мнѣ печальную вѣсть, что Шпарка нѣтъ въ Дармштайтъ: онъ уѣхалъ къ водамъ въ Швальбахъ. „Господинъ Проповѣдникъ былъ очень боленъ, сказалъ сидѣвшій подлѣ меня человекъ: Берлинцы зажгли въ немъ кровь, и наши Медики съ прудомъ могли потушить пожаръ.“ Отъ всего сердца жалѣю о Шпаркѣ. Дорога человеку доб-

рая слава — и съ какимъ легко-
мысліемъ похищаемъ мы другъ у
друга сіе сокровище! О Шекспиръ,
Шекспиръ! кто зналъ такъ хорошо
сердце человѣческое, какъ ты?
Кто убѣдительное своею пред-
ставилъ все безумство злословія?

Good name in man and woman, dear my
Lord,
Is the immediate jewel of their souls.
Who steals my purse, steals trash; 'tis
something, nothing;
'Twas mine, 'tis his, and has been slave
to thousands;
But he, that filches from me my good
name,
Robs me of that, which not enriches
him,
And makes me poor indeed (*).

(*) Т. е. „Доброе имя есть первая
драгоцѣнность души нашей. Кто
крадеши у меня кошелекъ, крадеши
бездѣлку; онъ былъ мой, теперь

Златые Пифагоровы стихи кажутся мѣдными подлѣ сихъ спрокъ, копорыя всякому человѣку, Христіянину и Турку, Индѣйцу и Африканцу, надлежало бы вписать незагладымыми буквами въ свое сердце.

Я видѣлъ въ Дармштатѣ такъ называемой *домъ экзерциціи*, въ копоромъ можешъ учисья цѣлой полкъ, и въ копоромъ хранился множество всякаго оружія; гулялъ въ большомъ придворномъ саду; ходилъ по городу, въ копоромъ считается не болѣе 300 домовъ; потомъ сѣлъ на своего коня и отправился назадъ во Франкфуртъ.

сталъ его, и прежде служилъ тысячѣ другихъ людей. Но кто похищаетъ у меня доброе имя, тотъ самъ не обогащается, а меня дѣлаетъ бѣднѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ.“

Два раза былъ я въ здѣшнемъ Театрѣ, но въ оба раза, къ неудовольствію моему, играли очень неважныя Французо-Нѣмецкія комедіи. Вниманіе мое занимали болѣе зрители, нежели актеры; а замѣтилъ я единственно то, что молодыя люди здѣсь хорошо одѣваются, и приходящѣ въ Театрѣ не шумѣтъ, а слушаютъ піесы, или—зѣваютъ.

Майнцъ, 2 Августа.

Нынѣ въ шесть часовъ вечера пріѣхалъ я въ Майнцъ въ дилижансѣ или въ почтовой каретѣ, въ которой поѣду до самаго Стразбурга.

Какая гладкая дорога отъ Франкфурта до Майнца! Какіе пріятные виды! Какія прекрасныя мѣста! Приближаясь къ Майнцу, увидѣлъ я на лѣвой сторонѣ вели-

чественной Рейнъ и тихой Майнъ, текущiе почти рядомъ; а на правой виноградные сады, которыхъ не лзя обнять глазами. Любезные друзья! какъ радостно билось мое сердце! Рейнъ, Рейнъ! наконецъ вижу тебя (думалъ я) — вижу, и благословляю царя водъ Германскихъ въ гордомъ его печенiи!

Майнцъ лежитъ на западномъ берегу Рейна, гдѣ впадаетъ въ него Майнъ. Въ городѣ улицы узки, хорошихъ домовъ мало, церквей, монастырей и монаховъ великое множество. — „Угодно ли вамъ видѣть кишки Св. Бонифація, которыхъ хранятся въ церкви Св. Іоанна?“ спросилъ у меня съ важнымъ видомъ наемной слуга. Нѣтъ, другъ мой! опвѣчалъ я: хопя Св. Бонифацій былъ доброй человѣкъ и обрашилъ въ Хриспіянство Баварцевъ, однакожь кишки его не имѣютъ для меня никакой прелести. Поведи меня лучше за го-

родѣ. — Мы вышли съ нимъ за городскія ворота. Я сѣлъ на берегу Рейна, и видѣлъ въ его водахъ вечерній лучъ солнца и каршину зеленыхъ береговъ.

Возвращаясь въ пракпиръ, ужиналъ я за общимъ столомъ съ путешественниками разныхъ земель. Всѣ пили рейнвейнъ какъ воду. Я попросилъ у пракпирщика бутылку Гохгеймскаго вина, и припомъ самага спараго, какое только есть у него въ погребѣ. Надобно знать, что Гохгеймское считается самымъ лучшимъ изъ всѣхъ Рейнскихъ винъ. „Вы конечно поблагодарите меня за этотъ нектаръ (сказалъ мнѣ услужливой пракпирщикъ, ставя передо мною бутылку): я получилъ его въ наслѣдство отъ отца моего, котораго уже придаютъ лѣтъ нѣтъ на свѣтѣ.“ Въ самомъ дѣлѣ вино было очень хорошо, и равно пріятно для вкуса и обо-

нянія. Мысль, что пью рейнвейнъ на берегу Рейна, веселила меня какъ ребенка. Я наливалъ, пѣнилъ, любовался свѣтлоспїю вина, подчивалъ сидѣвшихъ подлѣ меня, и былъ доволенъ какъ царь. Скоро бутылка опорожнилась. Тракпирщикъ увѣрялъ меня, что у него есть еще прекрасное Коспгеймское вино, полученное имъ также въ наслѣдство отъ отца его, котораго уже тридцать лѣтъ нѣтъ на свѣтѣ. Вѣрю, что оно дѣлаетъ честь памяти покойника, сказалъ я, — вспалъ и пошелъ въ свою комнату.

Мангеймъ, 3 Августа.

Нынѣ рано поутру выѣхалъ я изъ Майнца въ большой почтовой каретѣ съ пятью поварищами, и по западному берегу Рейна, черезъ Оппенгеймъ и Вормсъ, прїѣхалъ

въ Мангеймѣ въ семь часовъ ве-
чера.

Сію верхнюю часть Германіи можно назваѣть земнымъ раемъ. Дорога гладка какъ сполъ—вездѣ прекрасныя деревни—вездѣ богатые виноградные сады — вездѣ плодами обремененныя деревья — груши, яблоки и грецкія орѣхи распушѣ на дорогѣ (зрѣлище, въ воспоргѣ приводящее сѣвернаго жишеля, привыкшаго видѣть печальныя сосны и попомѣ орошаемыя сады, гдѣ Аргусы съ дубинами сшоятѣ на караулѣ!). И между сими-то щедрыми долинами мчишся почтенной, винородной Рейнѣ, неся на волнистомъ хребтѣ благословенныя плоды своихъ береговъ, плоды, веселящіе сердце людей въ спранахъ опдаленныхъ и не столь облагодѣтельствованныхъ Природою!

Но гдѣ бѣдствие не посѣщаетъ
отъ женъ рожденныхъ? Гдѣ небо

грозными шучами не покрывається?
 Гдѣ слезы горести не ліюпся?
 Здѣсь ліюпся онѣ, и я видѣлъ ихѣ
 — видѣлъ шоску поселянѣ неща-
 спныхѣ. Рейнѣ и Неккерѣ, напoл-
 нившись опѣ дождей, яроспно
 разлили воды свои и запопили
 сады, поля и самыя деревни. Здѣсь
 неслась часпѣ я домика, гдѣ оби-
 тали передѣ шѣмѣ покой и доволь-
 спвіе — шупѣ бурная волна мчала
 запасѣ оспорожного, но шщепно
 оспорожного поселянина — шамѣ
 плыла бѣдная, блеющая овца. Мы
 должны были ѣхашѣ по водѣ, ко-
 порая вѣ иныхѣ мѣспахѣ вливалась
 кѣ намѣ вѣ карешу. Но самое сіе
 наводненіе возвышало великолѣпіе
 вида, опкрывшагося намѣ при
 вѣздѣ вѣ длинную алею, верспы
 за при до Мангейма — алею, ко-
 порая, будучи облипа водою, ка-
 залась моспомѣ. —

Вѣ Оппенгеймѣ, Курфальцскомѣ
 городѣ, мы завпракали и пили
III.

славное Ниреншпейнское вино, которое однакожь показалось мнѣ не такъ хорошо, какъ Гохгеймское. — Пропивъ Оппенгейма, на другой споронѣ Рейна, споймѣ высокая пирамида, а на ней левъ, держащій въ правой лапѣ большой мечъ. Шведской Король, Густавъ Адольфъ, поставилъ сей памятникъ въ 1631 году, перешедши съ своею арміею черезъ Рейнъ, разбивъ Гишпанцевъ и взявъ Оппенгеймъ.

Въ Вормсѣ доспойна примѣчанія старинная рапуша, въ которой Императоръ Карлъ V со всѣми Имперскими Князьями судилъ Лютера въ 1521 году. И нынѣ еще показываютъ тамъ лавку, на которой лопнулъ спаканъ съ ядомъ, для него приготовленнымъ. Путешественники отрѣзываютъ по кусочку отъ того мѣста, гдѣ будто бы стояла сія оправа, и почти насквозь долбили доску.

Мангеймъ есть прекрасной городъ. Улицы совершенно регулярны, и перерѣзываютъ одна другую прямыми углами, что для глазъ — по крайней мѣрѣ при первомъ взорѣ — очень пріятно. Ворота Рейнскія, Неккерскія и Гейдельбергскія украшены барельефами, хорошо выработанными. Въ разныхъ мѣстахъ города есть площади, окруженныя большими домами. Дворецъ Курфюрста построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Неккеръ сливается съ Рейномъ. Если бы я не поропился въ Швейцарію, то остался бы здѣсь на нѣсколько недѣль: такъ полюбился мнѣ Мангеймъ!

Мангеймъ, Августа 4.

Въ Академіи Скульптуры видѣлъ я собраніе статуй, и между ими самыя вѣрнѣйшія копіи славныхъ

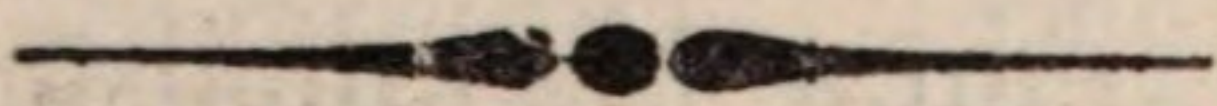
Бельведерскихъ антиковъ. Надобно удивляться древнему искусству, которое умѣло влагать душу въ мраморъ, и прекрасную душу. М^{*}съ восхищеніемъ говорилъ намъ о Лаокоонѣ: я видѣлъ эту группу, одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ Греческаго художества, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, произведеніе Фидіасова рѣзца. Утверждають, что она подала Виргилію мысль къ описанію несчастнаго Лаокоонова конца (*). Смотри на нее, прочишалъ я нѣсколько разъ сіе мѣсто въ безсмертной Энеидѣ, которая была у меня въ рукахъ:

(*) Лаокоонъ, братъ Анхизовъ, не хотѣлъ допустить, чтобы Трояне приняли въ городъ деревянную лошадь, въ которой скрывались Греческіе воины; боги, опредѣлившіе погибель Трои, наказали его за сіе сопрошивленіе.

„Другое, ужаснѣйшее происше-
 „ствіе вселяетъ трепетъ въ сер-
 „дца наши. Лаокоонъ, избранный по
 „жребію въ жрецы Неппуновы,
 „поржественно приносилъ въ
 „жертву тучнаго быка—и вдругъ
 „на поверхности пихихъ водъ,
 „отъ страны Тенедоса, являюш-
 „ся... (спрашнсе воспоминаніе!)...
 „являюшся два ужасные змїя, и
 „рядомъ плывушъ къ берегу; кро-
 „вавая глава и грудь ихъ гордо
 „возвышаюшся надъ волнами; не-
 „измѣримый хребетъ ихъ изви-
 „ваеиъ въ кругахъ безчисленныхъ;
 „плывушъ, съ шумомъ разсѣкаюшъ
 „пѣниспую влагу, и доспигаюшъ
 „брега. Пламя и кровь въ очахъ
 „ихъ. Спрашно шипятъ они, спра-
 „шно зіяюшъ — и народъ въ ужа-
 „сѣ спасается бѣгствомъ. — Сїи
 „чудовища спѣшащъ къ Лаокоону;
 „бросаются сперва на двухъ юныхъ
 „сыновъ его, и терзаюшъ неща-
 „стныхъ. Лаокоонъ стремится съ

„копіемъ на помощь къ нимъ : о-
 „щецъ злополучный ! Зміи обвива-
 „ются вокругъ его шѣла , вокругъ
 „шеи , и шипятъ надъ его голо-
 „вою. Тщепно хочетъ онъ освобо-
 „диться отъ чудовищъ ужасныхъ ;
 „руки спарца безсильны. Покры-
 „тый ихъ нечислымъ гноемъ, ихъ
 „ядомъ смертоноснымъ, Лаокоонъ
 „спенаетъ—и вопль его до звѣздъ
 „возносится.“

Съ какою живостию изображена
 физическая боль въ лицѣ перзае-
 маго спарца ! Какъ сильно изобра-
 жена въ немъ и горестъ неща-
 сшнаго родителя, копорой видитъ
 гибель дѣтей своихъ , и не мо-
 жетъ спасти ихъ ! — Фидіасъ
 былъ Поэтъ.

Стразбургъ , Августа 6.

Черезъ обширныя, зеленыя рав-
 нины — гдѣ роскошная Природа въ

садахъ и въ поляхъ изливаєть весь шукъ своего плодородія, и въ пѣнящейся чашѣ подаєть смертному нектаръ вдохновенія и сладкой радости — прїѣхалъ я изъ Мангейма въ Стразбургъ, вчера въ 7 часовъ вечера.

Пріятно, весело, друзья мои, переѣзжаешь изъ одной земли въ другую, видишь новые предметы, съ которыми, кажется, самая душа наша обновляется, и чувствовашь неоцѣненную свободу человека, по которой онъ подлинно можетъ назваться царемъ земнаго творенія. Всѣ прочія животныя, будучи привязаны къ нѣкоторымъ климатамъ, не могутъ выпити изъ предѣловъ, начертанныхъ имъ Натурою, и умирають, гдѣ родятся; но человекъ, силою могущественной воли своей, шагаетъ изъ климата въ климатъ — ищетъ вездѣ наслажденій, и находитъ ихъ — вездѣ бываетъ любимымъ гостемъ

Природы, повсюду отверзающей для него новые источники удовольствія — вездѣ радуется бытіемъ своимъ, и благословляетъ свое человечество.

А мудрая связь общественности, по которой нахожу я во всякой землѣ всѣ возможные удобства жизни, какъ будто бы нарочно для меня придуманные; по которой жители всѣхъ странъ предлагаютъ мнѣ плоды своихъ трудовъ, своей промышленности, и призываютъ меня участвовать въ своихъ забавахъ, въ своихъ весельяхъ — —

Однимъ словомъ, друзья мои, путешествіе питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй гипохондрикъ, чтобы исцѣлиться отъ своей гипохондріи! Путешествуй мизантропъ, чтобы полюбить человечество! Путешествуй, кто только можетъ!

На границѣ нашѣ постиллионѣ остановился. Vous êtes déjà en France, Messieurs, сказалъ намъ худо-одѣтой человекъ, подошедши къ нашей каретѣ : et je vous en félicite. Это былъ осмотрщикъ, копорой за свое поздравленіе хотѣлъ взять съ насъ по нѣскольку Французскихъ копѣекъ.

Вездѣ въ Эльзасѣ примѣтно волненіе. Цѣлыя деревни вооружаются, и поселяне пришивають кокарды къ шляпамъ. Почтмейстеры, постиллионы, бабы, говоряють о революціи.

А въ Спразбургѣ начинается новой бунтъ. Весь здѣшній гарнизонъ взволновался. Солдаты не слушаються Офицеровъ, пьють въ трактирахъ даромъ, бѣгають съ шумомъ по улицамъ, ругають своихъ начальниковъ и пр. Въ глазахъ моихъ толпа пьяныхъ солдатъ остановила ѣхавшаго въ каретѣ Прелапа, и принудила его пить

пиво, изъ одной кружки съ его кучеромъ, за здоровье націи. Преплашъ поблѣднѣлъ отъ страха, и препенцующимъ голосомъ повторялъ: *mes amis, mes amis!* — *Oui, nous sommes vos amis!* кричали солдаты: *ней же съ нами!* Крикъ на улицахъ продолжается почти безпрерывно. Но жители запыкаятъ уши и спокойно отправляютъ свои дѣла. Офицеры сидятъ подъ окномъ, и смѣются, смотря на неисповыхъ. — Я былъ нынѣ въ Театръ, и кромѣ веселости ничего не примѣшилъ въ зрѣтеляхъ. Молодые Офицеры перебѣгали изъ ложи въ ложу, и отъ всего сердца били въ ладоши, стараясь заглушить шумъ пьяныхъ бунтовщиковъ, которой раза при приводилъ въ замѣшательство актеровъ на сценѣ.

Между тѣмъ въ самыхъ окрестностяхъ Спразбурга толпы разбойниковъ грабятъ монастыри.

Сказывающѣ , что по деревнямъ
 ѣздилъ какой-то человекъ , копо-
 рой называлъ себя Графомъ д'Ар-
 пуа , и возбуждалъ поселянъ къ
 мятежу, говоря, что Король даетъ
 народу полную свободу до 15 Ав-
 густа, и что до сего времени вся-
 кой можетъ дѣлать, что хочетъ.
 Сей слухъ заставилъ здѣшняго
 начальника обнародовать, что *од-
 на адская злоба, достойная неслы-
 ханнаго наказанія* , могла распу-
 сшить такой слухъ. —

Здѣшняя кафедральная церковь
 есть величественное готическое
 зданіе, и башня ея почиается за
 самую высочайшую пирамиду въ
 Европѣ. Вошедши во внутрен-
 ность сего огромнаго храма , въ
 копоромъ никогда яснаго свѣта не
 бываетъ , не лзя не почувство-
 вать благоговѣнія ; но кто хо-
 четъ питать въ себѣ это священ-
 ное чувство, пусть не смотри на
 барельефы корнизовъ и колоннъ ,

гдѣ вы увидите преспранныя и смѣшныя аллегорическія фигуры. На прим. ослы, обезьяны и другіе звѣри изображены въ монашеской одеждѣ разныхъ орденовъ; иные съ важностію идуть въ процессіи, другіе прыгають, и пр. На одномъ барельефѣ представленъ монахъ съ монахиною въ самомъ непристойномъ положеніи. — Богатыя одежды священниковъ и украшеніе олшарей показывають за диковинку. Вообразите, что одно серебряное Распятіе, подаренное церкви Людовикомъ XIV, стоить 600000 палеровъ! — По круглой лѣсницѣ, состоящей изъ 725 ступеней, всходилъ я почти на самой верхъ башни, откуда безъ нѣкопорого ужаса не могъ смотрѣть внизъ. Люди на улицахъ представлялись ползающими насѣкомыми, и цѣлой городъ, казалось, можно было въ минуту измѣрить аршиномъ. Деревни вокругъ Спраз-

бурга едва были примѣтны; миль за десять и болѣе снѣжались горы. Говорящъ, что въ самую ясную погоду можно видѣть и снѣжные верьхи Альпійскихъ горъ; но я не видалъ ихъ, сколько ни напрягалъ свое зрѣніе. — Часы сей башни, по разнообразнымъ своимъ движеніямъ, считались нѣкогда чудомъ Механики; но вѣроятно, что нынѣшніе гордые художники не такъ думаютъ. — Между колоколами, изъ которыхъ самой большой вѣсомъ въ 204 центнера, показывали мнѣ такъ называемой *серебряной*, вѣсомъ въ 48 центнеровъ, и сказывали, что въ него благовѣстятъ только въ Ивановъ день. Тамъ же хранился большой охопничій рогъ, копорымъ, лѣтъ за 400 передъ симъ, здѣшніе Жиды хотѣли подать сигналъ непріятелю для взятія Спразбурга. Заговоръ открылся; многіе изъ Жидовъ были сожжены, многіе раззорены, а другіе вы-

гнаны изъ города. Въ память щасливо разрушеннаго заговора прубяшъ въ эпошъ рогъ всякую ночь два раза. — На стѣнахъ колокольни пупешеспвенники пишутъ свои имена, или спихи, или чпо кому вздумается. Я нашелъ и Рускія слѣдующія надписи: *Мы здѣсь были, и устали до смерти. — Высоко! — Здравствуй, братъ землякъ! — Какой же видъ!*

Въ Люперанской церкви Св. Томаса видѣлъ я мраморной монументъ Маршала, Графа Саксонскаго, славное произведеніе рѣзца Пигалева. Маршалъ съ жезломъ своимъ сходитъ по ступенямъ въ могилу, и съ презрѣніемъ смотритъ на смерть, копорая открываетъ гробъ. На правой споронѣ два льва и орелъ, въ ужасѣ и смятеніи, изображающъ соединенныя арміи, побѣжденные Графомъ во Фландріи. На лѣвой споронѣ предсшавлена Франція въ образѣ пре-

красной женщины, которая, со всѣми знаками живой горести, хочѣвъ одною рукою удержатъ его, а другою оппалкиваетъ смерть. Печальной Геній жизни обращаетъ къ землѣ свой факелъ; и на сей же сторонѣ развѣваются побѣдоносныя знамена Франціи. — Художникъ хотѣлъ, чшобы удивлялись его искусству: по мнѣнію знапоковъ, онъ доспигъ своей цѣли. Я, не будучи знапокомъ, смотрѣлъ на фигуры — на ту, на другую, на прешью — и былъ въ своемъ сердцѣ шакъ холоденъ, какъ мраморъ, изъ котораго онъ сдѣланы. Смерть, въ образѣ скелета, одѣшата маншіею, была мнѣ прошивна. Древніе не шакъ изображали ее, — и горе новымъ художникамъ, пугающимъ насъ шакими представленіями! На лицѣ Героя желалъ бы я видѣть другое выраженіе. Мнѣ хотѣлось бы, чшобы онъ имѣлъ болѣе вниманія къ го-

респной Франціи, нежели кь гнусному скелешу. Коротко сказаць, Пигаль, по моему чувству, есть искусной художникъ, но худой Поэтъ.—Подъ симъ монументомъ, въ темномъ сводѣ, поставленъ гробъ, въ которомъ лежишь бальзамированное тѣло Маршала; сердце заключено въ сосудъ, споящемъ на гробъ, а внутренность погребена въ землѣ. Людовикъ XV, по своей чувствительности или по чему иному, не хотѣлъ исполнить послѣдняго желанія умирающаго Маршала, которое состояло въ томъ, чтобы тѣло его было сожжено. *Qu'il ne reste rien de moi dans le monde*, сказалъ онъ, *que ma mémoire parmi mes amis!* —

Здѣшній Университетъ такъ же почти славенъ, какъ Лейпцигской и Геттингенской. Многіе Нѣмцы и Англичане пріѣзжаютъ сюда учиться. Только изъ Спраз-

бургскихъ Профессоровъ очень не многіе извѣстны въ ученѣ свѣтѣ какъ Авторы. Ихъ называють лѣнивыми въ сравненіи съ другими. Можетъ быть они богаче другихъ ; а въ Германіи бѣднѣе дѣлаютъ многихъ Авторами. —

Наконецъ о городѣ скажу вамъ, что онъ многолюденъ ; но что улицы очень широкы, и не лѣзя похвалишь архитектуры домовъ.

Головной уборъ женщинъ здѣсь весьма страненъ. Крѣпко счесанные и насаленные волосы связываются (т. е. передніе съ задними) на срединѣ головы; а на верьху пришивается маленькая корона. Ничего не можетъ быть безобразнѣе такова убора. —

Что принадлежитъ до здѣшняго Нѣмецкаго языка, то онъ очень испорченъ. Въ лучшихъ обществахъ говорятъ всегда по-Французски.

III.

Я надѣялся здѣсь найти письмо отъ А*, но не нашелъ. Когда-то отъ васъ, мои любезные, получу письма! Живы ли вы? Здоровы ли вы? Чпо съ вами дѣлается? Спрашиваю, и никакой Геній не шепчетъ мнѣ на ухо отвѣта. Путешествовать пріятно, но расставайтесь съ друзьями больно. — —

П. П. Мнѣ сказывали, чпо Лафатеръ за нѣсколько дней передъ симъ былъ въ Базелъ для свиданія съ Неккеромъ. Я познакомился здѣсь съ однимъ Магистеромъ, очень любезнымъ человекомъ, который водилъ меня въ Университетъ, въ анатомической театръ, въ медицинскую садъ, и которой нынѣ за обѣдомъ и за ужиномъ пилъ здоровье опечеспвленныхъ друзей моихъ. За ужиномъ у насъ былъ превеликой споръ между Офицерами о томъ, чпо дѣлать въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ честному человеку, Французу и О-

фицеру? Положишь руку на ефесъ, говорили одни, и будешь въ готовности защищать правую сторону. Взяшь абшидъ, говорили другіе. Пить вино и надъ всѣмъ смѣяться, сказалъ пожилой Капишанъ, опорожнивъ свою бутылку.

Базель.

Берегитесь, государи мои! сказалъ намъ въ Спразбургѣ одинъ Офицеръ, когда я съ другими путешественниками садился въ дилижансъ: *дорога не совсѣмъ безопасна; въ Эльзасѣ много разбойниковъ.* Мы посмолпрѣли другъ на друга. „У кого не много денегъ, тотъ не боится разбойниковъ“ — сказалъ молодой Женевецъ, копорой пріѣхалъ со мною изъ Франкфурта. „У меня есть коршикъ и собака“ — сказалъ молодой человекъ въ красномъ камзолѣ, сѣвшій

подлѣ меня. „Чего бояться!“ сказали всѣ мы; побѣхали, и пріѣхали въ Базель благополучно.

Эльзасъ есть прекрасная земля. Города и деревни, черезъ которые мы проѣзжали, всѣ хорошо выстроены. На той и на другой сторонѣ дороги плодоносныя поля. Лопарингскія горы, съ развалинами рыцарскихъ и разбойничьихъ замковъ, представляющъ для глазъ нѣчто романическое, и придающъ разнообразіе виду обширныхъ равнинъ, упомицельныхъ для зрѣнія. Сіи горы болѣе и болѣе удаляющся и темнѣющъ, такъ что наконецъ не можно видѣть на нихъ ничего, кромѣ мрака. Съ другой стороны, за Рейномъ, возвышающся черныя хребты Шварцвальдскихъ горъ и въ неизмѣримомъ разстояніи ограничивающъ горизонтъ. Близъ дороги изрѣдка попадающся въ глаза дерева и маленькія рощицы.

Французская почта гораздо скорѣе Нѣмецкой. Поспилліонъ (въ синемъ камзолѣ съ краснымъ воротникомъ, и въ такихъ сапогахъ, копорые были бы впору Гиганпу въ водяной болѣзни) безпреспанно машетъ хлыстомъ, и понуждаетъ коней своихъ бѣжать рысью. На шести, девяти и двѣнадцати версахъ перемѣняющъ лошадей, и на каждой станціи надобно платитъ прогоны впередъ, на наши деньги копѣекъ по двадцати за милю (lieue). Изъ Спразбурга выѣхали мы въ шесть часовъ поутру, а въ восемь часовъ вечера были уже за три версты отъ Базеля, то есть переѣхали въ день 29 Французскихъ миль, или 87 верстъ. Тутъ надлежало намъ ночевать, для того что ровно въ восемь часовъ запираются въ Базель ворота, копорыхъ уже до утра ни для кого и ни для чего не отворяютъ.

Съ молодымъ человекомъ въ красномъ камзолѣ успѣлъ я корпшкѣ познакомиться. Онъ сынъ придворнаго Коппенгагенскаго Аптекаря Беккера, учился въ Германіи Медицинѣ и Химіи (послѣдней у славнаго Берлинскаго Профессора Клапроша), и прошелъ большую часть Германіи пѣшкомъ, одинъ съ своею собакою и съ корпшикомъ на бедрѣ, пересылая черезъ почту чемоданъ свой изъ города въ городъ. Въ Спразбургѣ заболѣла у него нога, и принудила его сѣсть въ дилижансъ. Теперь хочеть онъ видѣть все примѣчанія доспойнѣйшее въ Швейцаріи, а потомъ опправитъ ся во Францію и въ Англію. Со всею нѣжноспію дружбы любитъ онъ свою собаку, и дорогою безпрестанно смотрѣлъ, бѣжитъ ли она за карешою; когда же примѣпилъ, мила за двѣ не добзжая до нашего ночлега, что она уснула и начала оп-

спавати, що, пожелавши намъ щасливого пуши, вышелъ самъ изъ дилижанса, чшобы бреспи попи-хоньку съ своимъ другомъ.—Здѣсь въ Базелѣ оспановились мы съ нимъ въ одномъ пракширѣ, подѣ вывѣскою аиспа.

И такъ я уже въ Швейцаріи, въ странѣ живописной Напуры, въ землѣ пишины и благополучія! Кажется, что здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ нѣчто оживляющее: дыханіе мое спало легче и свободнѣе, спаніе мой распрямился, голова моя сама собою подымается вверхъ, и я съ гордостію помышляю о своемъ человѣчествѣ.

Базель болѣе всѣхъ городовъ въ Швейцаріи; но кромѣ двухъ огромныхъ домовъ Банкара Саразеня, не замѣтилъ я здѣсь никакихъ хорошихъ зданій, и улицы чрезмѣрно худо вымощены. Жителей по обширности города очень не много, и нѣкоторыя переулки за-

росли правою. Рейнъ раздѣляетъ Базель на двѣ части; и хопя сія рѣка здѣсь не такъ широка, какъ въ Майнцѣ, однакожь, по быспрѣйшему своему печенію и по зеленому цвѣту воды своей, показалась мнѣ гораздо пріятнѣе. Только здѣсь она совершенно пуста; не видно на ней ни одного судна, ни одной лодочки. Не знаю, для чего Базельцы не пользуются выгодами судоходства, производя довольно важной торгъ съ Нѣмцами, и отправляя въ Германію полотна, ленны, шелковыя матеріи и другія произведенія своихъ мануфактуръ.

Въ такъ называемомъ Минсперѣ, или главной Базельской церкви, видѣлъ я многіе старыя монументы, съ разными надписями, показывающими бѣдность разума человѣческаго въ среднихъ вѣкахъ. Монументы Эразма и супруги Императора Рудольфа I были для

меня примѣчательнѣе другихъ. Первой считался въ свое время ученѣйшимъ и остроумнѣйшимъ человекомъ въ Европѣ; въ доказательство чего можетъ служить слѣдующій, можетъ быть уже извѣстной вамъ анекдотъ: Эразмъ, прїѣхавъ въ Лондонъ, посѣтилъ Томаса Моруса, Великаго Государственнаго Канцлера, и, не сказавъ ему своего имени, вступилъ съ нимъ въ разговоръ о Полипикѣ, Религіи и другихъ предметахъ. Морусъ, будучи восхищенъ его разумомъ и краснорѣчіемъ, вскочилъ наконецъ съ своего мѣста и воскликнулъ: *ты Эразмъ или Демонъ!* — Изъ сочиненій его самое извѣстнѣйшее есть Похвала Дурачеству, въ которомъ онъ смѣется надъ всѣми состояніями жизни, а наиболѣе надъ монашескимъ, не щадя и самого Папы. Нѣкоторыя шутки конечно довольно остры; но многія грубы,

сухи и напянупы — и вообще книга сія довольно скучна для тѣхъ, которые уже чипали оспроумныя сочиненія Вольперовъ и Виландовъ осьмага-надесять вѣка. — Минсперъ споипѣ на високомъ мѣспѣ, обсаженномъ деревьями, опкуда видѣ очень хорошѣ.

Вѣ публичной библіотекѣ показываюпѣ многія рѣдкія рукописи и древнія медали, копорыхъ цѣну знаюпѣ только Анпикваріусы и Нумисмапографы; а чпо принадежипѣ до меня, то я сѣ большимъ примѣчаніемъ и удовольствіемъ смопрѣлѣ тамъ на карпины славнаго Гольбеина, Базельскаго уроженца и друга Эразмова. Какое прекрасное лице у Спасителя на вечери! Іуду, какѣ онѣ здѣсь предспавленѣ, узналѣ бы я всегда и вездѣ. Вѣ Хриспѣ, сняпомѣ со креста, не видно ничего божеспвеннаго; но какѣ умершій человекѣ изображенѣ онѣ весьма

еспештвенно. По преданію разска-
зываютъ, что Гольбеинъ писалъ его
съ одного утѣшаго Жида. Спра-
спи Христовы изображены на
осьми карпинахъ. — Въ рапушѣ
есть цѣлая зала, расписанная *аль-
фреско* Гольбеиномъ. Знапоки го-
ворятъ о семъ живописцѣ, что
фигуры его вообще весьма хороши;
что шѣло писалъ онъ опмѣнно
живо, но одежду очень дурно. —
Въ оградѣ церкви Св. Пепра, на
спѣнѣ за решеткою, видѣлъ я и
славной *танецъ мертвыхъ*, копо-
рой, по крайней мѣрѣ опчасши,
считаютъ за Гольбеинову работу.
Смерть ведетъ на топъ свѣтъ
людей всякаго соспоянїя: и Папу
и Нимфу радости, и Короля и
нищаго, и добраго и злаго. Не бу-
дучи знапокомъ, могу сказаъ,
что конечно не одно воображеніе
и не одна кисть произвели сей
рядъ фигуръ: споль хороши нѣ-
копорыя, и споль дурны прочія!

Я замѣтилъ три или четыре лица, весьма выразительныя, и конечно достойныя лѣвой Гольбеиновой руки (*). Впрочемъ вся картина очень испорчена воздухомъ и сыростию.

Между прочими Гольбеиновыми картинами, которыми гордился Базель, есть прекрасной поршрешъ одной молодой женщины, славной въ свое время. Живописецъ изобразилъ ее въ видѣ Лаисы (по чему легко можно догадаться, какого роду была слава ея), а подлѣ нее представилъ Купидона, облокопившагося на ея колѣни, и держащаго въ рукѣ стрѣлу. Сія картина найдена была на олтарѣ, гдѣ народъ поклонялся ей подвѣ именемъ Богоматери; и на черныхъ рамахъ ея написано золотыми буквами: *Verbum Domini manet in aeternum* (слово Господне пребываетъ вовеки.)

(*) Гольбеинъ писалъ лѣвою рукою.

Кабинетъ Господина Феша есть
 достойной предметъ любопыт-
 ства всѣхъ путешественниковъ,
 любящихъ искусство. Его цѣнятъ
 во 150000 палеровъ. Конечно не
 многіе изъ частныхъ людей въ
 Европѣ имѣютъ такое собраніе
 прекрасныхъ картинъ, и конечно
 не многіе изъ богачей имѣютъ
 такой вкусъ, какъ Г. Фешъ. Но
 сколько завидны драгоцѣнныя его
 картины, столько же, или еще бо-
 лѣе, завиденъ для меня и поэтъ
 прекрасной видъ, которымъ на-
 слаждается сей любимецъ форту-
 ны, смотря изъ оконъ своего ка-
 бинета на величественной Рейнъ,
 и взоромъ своимъ слѣдуя за его
 теченіемъ между двумя великими
 государствами. Тутъ Франція,
 Швейцарія и Германія представ-
 ляются глазамъ въ разнообразной
 картинѣ, подъ голубымъ сводомъ
 неба — и я могъ бы цѣлой день
 неподвижно простоять въ семъ

магическомъ кабинетѣ, смотрѣть и тихо въ душѣ восхищаться, естли бы не побоялся быть въ пягоспѣ Господину Фешу. — На дворѣ передъ его домомъ показывающъ деревянную, и очень попорно выработанную спашую Императора Рудольфа I. Онъ представленъ сидящимъ на тронѣ въ порфирѣ и со всѣми знаками своего достоинства. Его избрали въ Императоры въ самое то время, когда онъ войсками своими окружилъ Базель; послѣ чего опворили ему городскія воропа — и онъ жилъ здѣсь, сказывающъ, почно въ томъ домѣ, въ которомъ живешъ теперь Г. Фешъ.

Нынѣ за обѣдомъ былъ я свидѣтелемъ прогапельнаго явленія. Пожилой человекъ, Кавалеръ Св. Людовика, сидѣлъ на концѣ спола съ пожилою дамою. На лицахъ ихъ изображалась горестъ и блѣдность изнеможенія. Они не брали участія

въ общемъ разговорѣ; взглядывали иногда другъ на друга, и упирали плапкомъ покраснѣвшіе глаза свои. Всѣ смотрѣли на нихъ съ почтительнымъ сожалѣніемъ и съ видомъ скрываемаго любопытства. Молодой Женевецъ, сидѣвшій подлѣ меня, сказалъ мнѣ на ухо: *это знатной французской дворянинъ съ своею женою, которой по нынѣшнимъ обстоятельствамъ долженъ былъ бѣжать изъ Франціи.* Въ то время, какъ подавали намъ десертъ, вошли въ залу молодой человекъ и молодая дама въ дорожномъ плащѣ. *Mon père! ma mère! mon fils! ma fille!* — и при сихъ восклицаніяхъ Кавалеръ Св. Людовика и сидѣвшая подлѣ него дама вдругъ очутились на срединѣ комнапы въ объятіяхъ молодыхъ людей. Глубокое молчаніе въ залѣ — всѣ мы, сидѣвшіе за споломъ, казались оцѣпенѣвшими: одинъ держалъ въ рукѣ бисквитъ,

другой рюмку, и оспался неподвиженъ въ семъ положеніи; шѣ, копорые говорили и замолчали, не успѣли зашворишь рта, успремивъ взоры свои на обнимающуюся группу. Ты пролепѣла, минуша молчанія и пишины! но глубокія черты оспавила ты въ моемъ сердцѣ, копорыя всегда будутъ воспоминашь мнѣ чувствительность людей — ибо она превратила насъ въ камень, когда мы увидѣли отца и мать, сына и дочь, съ жаромъ, съ воспоргомъ обнимающихъ другъ друга! — Наконецъ Кавалеръ Св. Людовика, опирая лѣющія слезы свои, оборотился къ намъ и сказалъ перерывающимся голосомъ: *Простите, государи мои, простите радостному изступленію нѣжныхъ родителей, которые трепетали о жизни милыхъ дѣтей своихъ (*)*, но, благодаря Всевышняго!

(*) Слово въ слово съ Французскаго;

видятъ ихъ въ цѣлости и прижимаютъ къ своему сердцу! Мы лишились своего имѣнія и отечества; но когда живъ сынъ нашъ, когда жива дотъ наша, то забываемъ все прочее горе! Попомъ, держа другъ друга за руки, вышли они изъ залы. Всѣ мы вспали, пошли за ними, и нашедши на крыльцѣ слугу ихъ, окружили его и пребовали, чпобы онъ обьяснилъ намъ видѣнную нами сцену. — „Я могу вамъ сказаць единспвенно то, опвѣчалъ онъ, что бунтуюціе поселяне хотѣли убити моего господина; что онъ принужденъ былъ искаць спасенія въ бѣгспвѣ, оставивъ замокъ свой въ огнѣ и въ пламени, и не зная объ участи дѣтей своихъ, копорыя были въ гостяхъ у брата его, и копорыя шеперь, по его письму, благополучно сюда пріѣхали.“ —

но галлицизмы такого рода простительны.

Естьли вы въ полдень спросите здѣсь, *какой часъ?* по вамъ скажутъ въ отвѣтъ: *по общимъ часамъ двѣнадцать, а по Базельскимъ часъ* — то есть, здѣшнія часы идутъ всегда впереди противъ общихъ. Напрасно будете вы приспугать къ Базельцамъ и требовать, чтобы они сказали вамъ подлинную причину сей странности. Никто ее не знаетъ; но за старое преданіе рассказываютъ, что будто бы причиною того былъ нѣкогда уничтоженной заговоръ, — и такимъ образомъ: Нѣкоторые зломыслящіе люди въ Базелѣ уговорились въ двѣнадцать часовъ ночи собраться и перерѣзать въ городѣ всѣхъ судей; одинъ изъ Бургомиспровъ узналъ о томъ, и велѣлъ на колокольнѣ главной церкви ударить часъ, вмѣсто двѣнадцати; каждой изъ заговорщиковъ подумалъ, что назначенное время уже прошло, и возвратился до-

мой — послѣ чего всѣ Базельцы, въ память щасливой Бургомистровой выдумки, переспавили часы свои часомъ впередъ. По другому преданію, сдѣлалось сіе во время Базельскаго *церковнаго конциліума*, для того, чшобы лѣнныя Кардиналы и Епископы вспавали и собирались ранѣе. — Какъ бы то ни было, только Базельцы уже привыкли обманывать себя во времени дня, и народъ почипаетъ сей обманъ за драгоцѣнное право своей вольности.

Хотя въ Базелѣ народъ не имѣетъ законодательной власпи и не можетъ самъ избиратьъ начальниковъ, однакожь правленіе сего Кантона можно называть опчаспи демократическимъ; по тому что каждому гражданину опкрытъ путь ко всѣмъ достоинствамъ въ Республикѣ, и люди самага низкаго соспоянія бывають Членами Большаго и Малаго Совѣта, копо-

рые дають законы , обьявляють войну , заключають миръ , налагають подати , и сами избирають Членовъ своихъ. — Хлѣбники , сапожники , портные , играють часпо важнѣйшія роли въ Базельской Республикѣ.

Во всѣхъ жителяхъ видна здѣсь какая-то важность , похожая на угрюмость , которая для меня не совсѣмъ пріятна. Въ лицѣ , въ походкѣ и во всѣхъ ухваткахъ имѣють они много характеристическаго. — Въ домахъ гражданъ и въ практикахъ соблюдается опмѣнная чистота , которую путешественники называютъ вообще Швейцарскою добродѣтелію. — Только женщины здѣсь опмѣнно дурны ; по крайней мѣрѣ я не видалъ ни одной хорошей , ни одной изрядной. —

Въ семи верстахъ отъ Базеля находится такъ называемая *пустыня* , или обширной садъ , при-

надлежащій одному изъ здѣшнихъ богачей. Туда ходилъ я пѣшкомъ съ двумя молодыми Берлинцами, здѣсь живущими. Кажется, будто бы искусство не имѣло никакого участія въ разведеніи сего сада. Надобно вездѣ ходить по узенькимъ пропинкамъ и взбираться на утесы по каменнымъ ступенямъ. Индѣ видишь частой, зеленой куспарникъ — индѣ глубокія пещеры, или разбросанные шалаши. Во глубинѣ дикаго гроба, гдѣ чистая вода, спруясь съ высокихъ камней, ископала себѣ маленькой бассейнъ, стоишь монументъ покойнаго Геснера, печальною дружбою сооруженной. . . . Поздно, поздно пріѣхалъ я въ Швейцарію: умолкъ голосъ нѣжнаго пѣвца ея! Въ семъ пихомъ гробѣ, въ семъ святилищѣ меланхоліи, душа чувствуетъ томное уныніе и погружается наконецъ въ сладкую дремоту. Здѣсь изобразилъ бы я Ночь,

Сонъ и Смерть, какъ они, по описанію Павзаніеву, на Ципселовомъ сундукѣ изображены были (*). — Мы сходили въ подземной храмъ Прозерпины, и видѣли образъ сей богини, освѣщаемый слабымъ свѣтомъ шихо горящихъ лампадъ. Чрезвычайной холодъ и сырость не позволили намъ ни минуты побыть тамъ. — Мы обѣдали въ мѣстечкѣ Арлестеймъ, принадлежащемъ Базельскому Епископу, и въ семь часовъ возвратились назадъ въ Базель. —

Верспахъ въ двухъ или въ трехъ опсюда, гдѣ построена такъ называемая гошпиталь Св. Якова, было нѣкогда жестокое сраженіе

(*) Ночь представлена была въ видѣ молодой женщины, держащей въ своихъ объятіяхъ двухъ мальчиковъ, изъ коихъ одинъ былъ блѣлой, а другой черной; одинъ спалъ, а другой казался спящимъ; одинъ означалъ сонъ, а другой смерть.

между Французами и Швейцарами, копорые почти всѣ легли на мѣспѣ. Базельскіе жишели всякой годѣ въ Маѣ мѣсяцѣ приходяшѣ шуда воспѣвашѣ геройскія дѣла своихъ предковъ, и пишѣ красное вино, называемое *Швейцарскою кровью*.

Я имѣлъ любопытство видѣшѣ пошѣ домѣ, въ копоромѣ жилѣ Парацельсѣ. Сказываюшѣ, чшо въ саду, принадлежащемѣ къ сему дому, и по нынѣ находяшѣ еще огарки изѣ химическихъ или алхимическихъ печей сего чуднаго человека, копорому, по признанію Ученыхъ, обязана Медицина многими минеральными лекарствами, и нынѣ съ великою пользою употребляемыми, но копорой опѣ спрашнаго хвас повсѣва своего прослылѣ шарлапаномѣ въ цѣлой Европѣ (*). —

(*) Пишутѣ, чшо онѣ часто лекціи свои начиналѣ шакѣ: *Знайте, о Ме-*

Вообразите, чпо новой мой зна-
 комець Б*, съ копорымъ я угова-
 ривался вмѣстѣ путешествовать
 по Швейцаріи, умираетъ — уми-
 раетъ отъ любви! Здѣсь въ прак-
 тирѣ живетъ молодая дама изъ
 Ивердона. Сегодня ужинала она за
 общимъ столомъ, сидѣла подлѣ Б*
 и нѣсколько разъ начинала съ
 нимъ говорить. Нѣжное сердце
 моего Дапчанина распоролось отъ
 огненныхъ ея взоровъ. Онъ весь
 покраснѣлъ, забылъ пить и ѣсть,
 и только что подчивалъ красави-
 цу; а при концѣ ужина подалъ ей
 записную книжку свою и каран-
 дашь, прося, чпобы она написала
 ему какое нибудь наставленіе.
 Красавица взяла книжку, каран-

*дики ! что коллакъ мой утенѣ всѣхъ
 васъ , и что борода моя олытнѣ ва-
 шихъ Академій. Греки , Римляне ,
 Французы , Италіянцы ! я буду ва-
 шимъ царемъ.*

дашь—взглянула на него умильно, нѣжно — и написала по-Французски: *Сердце, подобное вашему, не имѣетъ нужды въ наставленіяхъ; слѣдуя своимъ побужденіямъ, оно слѣдуетъ предписаніямъ добродѣтели*— написала и подала ему съ улыбкою. Madame! сказалъ восхищенной Б*... Madame!... Въ самую сію минуцу всѣ изъ за-стола встали, и красавица, присѣвъ передъ нимъ, подала руку своему брату и ушла. Б* споялъ, смотрѣлъ въ слѣдъ за нею, и наконецъ сказалъ мнѣ, когда я подошелъ къ нему, что онъ едва ли можетъ завтра ѣхать со мною въ Цирихъ, чувствуя себя очень нездоровымъ.

Базель, Августа 9.

Молодая Дама изъ Ивердона нынѣ поутру уѣхала, и Дапчанинъ Б* исцѣлился отъ любовной своей

болѣзни. Вмѣстѣ съ нимъ наняли
 ы здѣсь извозника, или такъ на-
 зываемаго *кутера* (Kutscher), ко-
 торой за два луидора съ палеромъ
 повезетъ насъ въ Цирихъ на парѣ
 жирныхъ лошадей, въ двумѣспной
 старомодной каретѣ; и такимъ
 образомъ за 60 верстѣ плашимъ
 мы 17 руб. Въ Швейцаріи нѣтъ
 почты. — *Ступайте, господа!* кри-
 чить намъ почпенной Швейцар-
 ской извозникъ въ плисовомъ фра-
 ктѣ: *ступайте! телемоданы ваши при-
 вязаны.* И такъ проспише!

Въ каретѣ дорогою.

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею,
 милые друзья мои! Всякое дуно-
 веніе вѣтерка проникаетъ, ка-
 жется, въ сердце мое и развѣва-
 етъ въ немъ чувство радости.
 Какія мѣста! какія мѣста! Отъ-
 ѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я
 выскочилъ изъ кареты, упалъ на

цвѣтущій берегъ зеленого Рейна,
и готовъ былъ въ воспоргъ цѣло-
вать землю. Щасливые Швейца-
ры! всякой ли день, всякой ли часъ
благодарите вы Небо за свое ща-
стіе, живучи въ обѣщаніяхъ пре-
лестной Напуры, подъ благодѣ-
тельными законами братскаго со-
юза, въ простотѣ нравовъ, и слу-
жа одному Богу? вся жизнь ваша
есть конечно пріятное сновидѣ-
ніе, и самая роковая спрѣла дол-
жна крѣпко влѣпаться въ грудь ва-
шу (*), не возмущаемую пиран-

(*) Чипашель можетъ быть вспо-
мнить о спрѣлахъ Аполлоновыхъ, ко-
торыя крѣпко умерщвляли смерт-
ныхъ. Греки въ мѣтахъ своихъ пре-
дали намъ памятники нѣжнаго свое-
го чувства. Что можетъ быть въ
самомъ дѣлѣ нѣжнѣе сего вымысла,
приписывающаго разрушеніе наше
дѣйствию сѣтунюнаго Аполлона, въ ко-
торомъ Древніе воображали себѣ со-
вершенство красоты и стройности?

скими спрашнями! — Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей Природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! если бы теперь, въ самую сію минушу, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно Природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому щасію; что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, переменна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой — когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красоты Природы — чувствую я поже, и не нахожу въ смерти ничего спрашнаго. Высочайшая Благость не была бы высочайшею Бла-

госпію , еспѣли бы Она съ копто-
рой нибудь спороны не усладила
для насъ всѣхъ необходимостей
—и съ сей-то услажденной спо-
роны должны мы прикасаться къ
нимъ устами нашими! — Прости
мнѣ, мудрое Провидѣніе , еспѣли
я когда нибудь какъ буйный мла-
денецъ , проливая слезы досады ,
ропсалъ на жребій человѣка ! Те-
перь, погружаясь въ чувство Тво-
ей благоспіи , лобызаю невидимую
руку Твою, меня ведущую! — —

Мы ѣдемъ подлѣ Рейна , съ у-
жаснымъ шумомъ и волненіемъ
спремящагося между шихихъ лу-
говъ и садовъ виноградныхъ. Тупѣ
мальчики и маленькія дѣвочки и-
граютъ, рвутъ цвѣты и бросають
ими другъ въ друга ; шамъ покой-
ный селянинъ, насвистывая весе-
лую пѣсню , поправляетъ въ саду
своемъ сошки , увишья гибкимъ
винограднымъ стеблемъ — смо-
тришь на пробѣзжихъ, и ласковымъ

мановеніємъ желаємъ имъ добраго дня. — Высокія горы у насъ передъ глазами; но Альпы скриваючися еще въ лазури опдаленія. Юра изгибаємъ за нами хребємъ свой, опбрасывающій синюю пѣню на долины. — — Нѣмъ, я не могу писати; красочы, меня окружающія, опвлекають глаза мои опъ бумаги.

Реинфельденъ, Австрійской городокъ.

И такъ я теперь во владѣніи нашего Союзника! — Кучеръ нашъ кормитъ своихъ лошадей хлѣбомъ, а я сажу въ пракширъ подъ окномъ, и смотрю на Рейнъ, котораго пѣна чупъ до меня не доле-таємъ.

Брукъ.

Мы обѣдали въ маленькой Швейцарской деревенькѣ, куда въ одно время съ нами пріѣхала Француженка въ печальномъ плащѣ, съ девятилѣтнимъ сыномъ и съ блѣдкою. Печальное платье, блѣдное лице и помнось въ глазахъ, дѣлали ее привлекательною для меня, а еще болѣе для моего мягкосердечнаго Б*. „Я надѣюсь, сударыня, что вы позволите намъ вмѣстѣ съ вами обѣдать“ — сказалъ онъ ей съ такимъ видомъ и такимъ голосомъ, копорой для Датчанина былъ очень нѣженъ. „Естьли это не будетъ вамъ прошивно“ — отвѣчала Француженка съ пріятнымъ движеніемъ головы. „Господинъ пракпиріцикъ!“ закричалъ мой Б* повелительнымъ голосомъ: „вы конечно не заставите насъ жаловаться на худой обѣдъ?“ *Увидите,* отвѣчалъ Швейцаръ съ нѣкоторою досадою, поправивъ на

головѣ своей шапку. — „Швейцары добрые люди“ — сказала Француженка съ улыбкою, сѣвъ за накрытой столѣ — „только немного грубовапы.“ Поспавили кушанье. Б* рѣзалъ, раздавалъ, и всячески спарался услуживать Дамѣ и сыну ея. Онѣ не могѣ уперпѣть, чшобы не спросить у нее, по комѣ носилъ она праурѣ. „По братѣ, опвѣчала Француженка со вздохомъ. Онѣ писалъ ко мнѣ изъ Т* о своей болѣзни; я побѣхала къ нему съ маленькимъ своимъ Пьеромъ, и — нашла его лежащаго въ гробѣ.“ Тутѣ обшерла она слезу, которая выкапилась изъ *праваго* глаза ея, какъ сказалъ бы Йорикъ. — А въ какихъ лѣпахъ былъ вашъ брапецъ? спросилъ Б*, и заставилъ меня опѣ досады повернуться на спулѣ. — „Спарѣе меня пяпью годами“ — опвѣчала она, и обшерла *другую* слезу, блиспавшую на *нижней ресницѣ лѣваго* гла-

за ея. Господинъ Б*! сказалъ я :
 вы оскорбляете чувствительность
 Госпожи Н. Н. горестными воспо-
 минаніями. Я этого не думалъ (оп-
 вѣчалъ онъ покраснѣвши), право
 не думалъ. Проспите меня, суда-
 рыня! „Рана въ сердцѣ моемъ такъ
 еще свѣжа, сказала она, что кровь
 не пересыхала изъ нее липься.“
 — Маленькой Пьеръ бросилъ лож-
 ку, посмотрѣлъ на мать, вспалъ,
 подбѣжалъ къ ней, началъ цѣло-
 вать ея руку, и между поцѣлуя-
 ми взглядывалъ на нее такъ умиль-
 но, и говорилъ ей такъ нѣжно :
маменька, не плачьте! не плачьте,
любезная маменька! что я пошелъ
 въ карманъ за бѣлымъ платкомъ,
 а Б* въ испугѣ вскочилъ со спу-
 ла, схватилъ руку ея, которою
 обнимала она сына своего, и при-
 жалъ ее къ своимъ губамъ. Въ са-
 мую сію секунду вошелъ прак-
 тирщикъ. *Ба! что это?* сказалъ
 онъ грубымъ голосомъ: *я думалъ,*

III.

то вы обѣдаете. Никто не отвѣчалъ ему. Госпожа Н. Н. высвободила свою руку (на которой осталось розовое пятно), и помнымъ взоромъ наказала чувствительнаго Б* за нескромной жаръ его. Вели подать намъ кофе, сказалъ я пирщику; но онъ споялъ какъ вкопаной, выпучивъ глаза на Француженку, которой блѣдныя щеки, отъ внутренняго ея движенія, покрылись алымъ румянцемъ. Между тѣмъ она указала маленькому Пьеру мѣсто его. Б* сѣлъ на свое, и мы принялись за десертъ. Госпожа Н. Н. успокоилась, и рассказала намъ, что она возвращается теперь къ своему мужу, коимъ родомъ Швейцаръ, но по торговымъ дѣламъ жилъ долгое время во Франціи, и будучи въ Т*, влюбился въ нее, сыскалъ ея любовь, женился на ней и переѣхалъ жить въ К*. Онъ очень щасливъ, сударыня (сказалъ я), имѣя такую

супругу; но онъ конечно достоинъ своего щастія, попому чпо вы нашли его достойнымъ любви вашей. — Тупъ кучеръ объявилъ намъ, чпо лошади впряжены. Надо было расплапиться съ пракпирщикомъ и проспиться съ нѣжною Французенкою. Она позволила намъ расцѣловать своего Пьера, — изъ чего вышла опяпъ чувспвительная сцена, и вопъ какимъ образомъ. Въ самую ту мину, какъ Б* обнималъ маленькаго Пьера, рѣзвая бѣлка, прыгавшая по сполу, вскочила ему на голову, и передними своими лапками такъ ласково ухватила его за носъ, чпо онъ закричалъ. Госпожа Н. Н. ахнула; а пракпирщикъ, споявшій у дверей, захохопалъ во все горло. Бѣлку спащили съ головы моего пріятеля, и маленькой Пьеръ, верпя ее за хвостъ, кричалъ: *ахъ, бѣлка! злая бѣлка! на что ты схватила за носъ Господина Б*? Учпивой*

пріяпель мой увѣрялъ Госпожу Н. Н., чпо ему не приключилось въ самомъ дѣлѣ никакого вреда, кромѣ испуга. „Ахъ, государь мой! сказала она: я вижу кровь, я вижу кровь!“ . . . и бѣлымъ своимъ плащкомъ обперла двѣ красныя капли на его переносицѣ. „Ахъ, сударыня! опвѣчалъ Б*, будучи пронупѣ до глубины сердца: какъ мнѣ благодарить васъ за вашу попечительность! Воспоминаніе объ ней будетъ для меня всегда пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ; и самой вашей бѣлки я никогда не забуду.“ Госпожа Н. Н. подарила ему прубочку Англійскаго пласпыря, желая, чпобы цѣлишельная сила его загладила пресупленіе ея звѣрка. Тупѣ мы снова простились, получивъ отъ нее адресъ ея, и записавъ ей наши имена. Маленькой Пьерѣ проводилъ насъ до кареты. Милая Француженка смотрѣла изъ окна, когда мы сѣдлись. Про-

сшипте, сударыня, просшите! кричалъ ей Б*. Просшите! отвѣчала она. Просшите! кричалъ маленькой Пьеръ, кивая головою. — Мы побѣхали, и долго еще говорили о любезной Госпожѣ Н. Н., которая въ воображеніи моего Б* затемнила образъ молодой Госпожи изъ Ивердона. —

Пробѣжая черезъ одну деревню, увидѣли мы великое спеченіе народа; велѣли кучеру остано­виться, вышли изъ кареты и вѣтерлись въ толпу. Тутъ вязали одного молодого человека, которой со слезами просилъ, чтобы его освободили. Что такое онъ сдѣлалъ? спросили мы. „Онъ укралъ, укралъ два талера въ лавкѣ“ — отвѣчали намъ вдругъ человека четыре: „у насъ никогда не бывало воровства; это бродяга, пришедшій изъ Германіи; его надобно наказать.“ — Однакожь онъ плачетъ, сказалъ я: добродушные Швейцары! пусшите

его! — „Нѣтъ, его надобно наказать, чѣобы онъ пересталъ красѣть“ — отвѣчали мнѣ. По крайней мѣрѣ, добродушные Швейцары, накажиѣ его такъ, какъ опцы наказывающѣ дѣшей своихъ за ихъ просѣупки, — сказалъ я, и пошелъ къ своей каретѣ. — Можеѣ быѣ ни въ какой землѣ, друзья мои, не бываеѣ такъ мало преступленій, какъ въ Швейцаріи, а особливо воровствѣ, коѣорое считаеѣся здѣсь за великое злодѣяніе. О разбояхъ и убивствахъ всѣмъ не слышно; миръ и тишина царствуюѣ въ щасливо й Гельвеціи. —

Спускаясь съ высокой горы, коѣорая виситъ надъ городомъ, могъ я обняѣ глазами великое пространство; и все сіе пространство усѣяно щедроѣами Напурѣ! Здѣсь мы ночуемъ; а завтра поутру будемъ въ Цирихѣ.

Цирихъ.

Съ опмѣннымъ удовольствіемъ подбѣзжалъ я къ Цириху ; съ опмѣннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на его пріятное мѣстоположеніе, на ясное небо, на веселыя окрестности, на свѣтлое, зеркальное озеро, и на красные его берега, гдѣ нѣжной Геснеръ рвалъ цвѣты для украшенія паспуховъ и паспушекъ своихъ; гдѣ душа безсмертнаго Клопштока наполнялась великими идеями о священной любви къ отечеству, копорыя послѣ съ дикимъ величіемъ излились въ его *Германъ*; гдѣ Бодмеръ собиралъ черты для картинъ своей Ноахиды, и пишался духомъ временъ Папріаршихъ; гдѣ Виландъ и Гете въ сладостномъ упоеніи обнимались съ Музами, и мечтали для потомства; гдѣ Фридрихъ Шполбергъ, сквозь шуманъ двадцати девяти вѣковъ, видѣлъ въ духѣ своемъ древнѣйшаго изъ творцевъ Греческихъ, пѣвца

боговъ и Героевъ, сѣдаго старца Гомера, лаврами увѣнченнаго, и пѣснями своими восхищающаго Греческое юношеспво — видѣлъ, внималъ, и въ вѣрномъ опзывѣ повпорялъ пѣсни его на языкъ Тевпоновъ (*); гдѣ нашъ Л* бродилъ съ любовною своею груспію, и всякой цвѣпочикъ со вздохомъ посвящалъ Беймарской своей богинѣ. —

Мы пріѣхали сюда въ 10 часовъ утра. Въ пракширѣ, подѣ вывѣскою *ворона*, опвели намъ большую, свѣплую комнапу. Обширное Цирихское озеро разливаеця у насъ передѣ глазами, и почти подѣ самыми нашими окнами выпекаетъ изъ него рѣка Лиммапа, копорой шумное и быспрое спремленіе пріятнымъ образомъ опличаетъ опѣ тихой зыби водѣ его; прямо

(*) Т. е. Нѣмцовъ. — Штолбергъ перевелъ Иліаду.

прошивъ насъ , за озеромъ , сползавъ высокія горы въ ущелье ; далѣе, въ сторону, видны Швицкія, Унпервальденскія и другія высочайшія и снѣгомъ покрышыя горы , сославляющія для меня совершенно новое зрѣлище ; и все это могу я видѣть вдругъ , сидя подъ окномъ въ своей комнаѣ, — Намъ принесли кушанье. Послѣ обѣда пойду — нужно ли сказывать къ кому?

Въ 9 часовъ вечера. Вошедши въ сѣни, я позвонилъ въ колокольчикъ, и черезъ минуту показался сухой, высокой, блѣдной человекъ, въ которомъ мнѣ не трудно было узнать — Лафатера. Онъ ввелъ меня въ свой кабинетъ, и услышавъ, что я попъ Москвитянинъ , которой выманилъ у него нѣсколько писемъ, поцѣловался со мною — поздравилъ меня съ прїѣздомъ въ Цюрихъ — сдѣлалъ мнѣ два или

при вопроса о моемъ путешествіи — и сказалъ: „Приходите ко мнѣ въ шесть часовъ; теперь я еще не кончилъ своего дѣла. Или о-спаньтесь въ моемъ кабинетѣ, гдѣ можете читать и разсма-привать, что вамъ угодно. Будьте здѣсь какъ дома.“ — Тутъ онъ показалъ мнѣ въ своемъ шкапѣ нѣсколько фоліантовъ, съ надписью: *Физиогномической Кабинетъ*, и ушелъ. Я постоялъ, подумалъ, сѣлъ и началъ разбирать физиогномическіе рисунки. Между тѣмъ признаюсь вамъ, друзья мои, что сдѣланной мнѣ пріемъ оставилъ во мнѣ не совсѣмъ пріятныя впечатлѣнія. Уже ли я надѣялся, что со мною обойдуся дружелюбно, и услышавъ мое имя, окажутъ болѣе ласковаго удивленія? Но на чемъ же основывалась такая надежда? Друзья мои! не пребудьте отъ меня оповѣща, или вы приведете меня въ краску. Улыбнитесь

про себя на счетъ вѣтреннаго, безразсуднаго самолюбія человѣческаго, и предайте забвенію слабость вашего друга. — Лафатеръ раза при приходилъ опять въ кабинетъ, запрещалъ мнѣ вставать со спула, бралъ книгу или бумагу, и опять уходилъ назадъ. Наконецъ вошелъ онъ съ веселымъ видомъ, взялъ меня за руку и повелъ — въ собраніе Цирихскихъ Ученыхъ, къ Профессору Брейтингеру, гдѣ рекомендовалъ меня хозяину и гостямъ, какъ своего пріятеля. Небольшой человѣкъ съ проницательнымъ взоромъ, — у котораго Лафатеръ пожалъ руку сильнѣе, нежели у другихъ, — обратилъ на себя мое вниманіе. Это былъ Пфенингеръ, издатель Христіанскаго Магазина, и Лафатеровъ другъ. При первомъ взглядѣ показалось мнѣ, что онъ очень похожъ на С. И. Г., и хопя, разсматривая лице его по частямъ, уви-

дѣлѣ я, что глаза у него другіе, лобѣ другой, и все, все другое; однакъ первое впечатлѣніе осталось, и мнѣ никакѣ не можно было разувѣрить себя въ семѣ сходствѣ. Наконецѣ я положилѣ, что хотя и нѣтъ между ими сходства въ наружной формѣ частей лица, однакъ оно должно быть во внутренней структурѣ мускуловѣ!! Вы знаете, друзья мои, что я еще и въ Москвѣ любилѣ заниматься разсмащиваніемѣ лицѣ человѣческихѣ, искать сходства тамѣ, гдѣ другіе его не находили, и проч. и проч. а теперь, будучи обвѣянѣ воздухомѣ того города, копорой можно назваѣ колыбелю новой Физіогномики, Метропоскопіи, Хиромантіи, Подоскопіи — теперь и вы бойтесь мнѣ на глаза показаться! — Честные Швейцары курили табакѣ и пили чай, а Лафатерѣ рассказывалѣ имѣ о свиданіи своемѣ съ Неккеромѣ.

Послушаемъ, что онъ говоритъ объ немъ. „Естьли бы хотѣлъ я „вообразить совершеннаго Министра, то представилъ бы себѣ „Неккера. Лице, голосъ и движенья не измѣняются у него сердцу. „Вѣчное спокойствіе есть его „спихія. Однакожь онъ не рожденъ великимъ, такъ какъ Невшонъ, Вольперъ, и проч. Великость его есть приобрѣтеніе; онъ сдѣлалъ изъ себя все возможное.“ Лафатеръ видѣлъ его въ самой потѣ часъ, какъ онъ рѣшился повиноваться волѣ Короля и Національнаго Собранія, и посвятивъ сердечной вздохъ спокойному пристанищу, ожидавшему его при подшвѣ горы Юры (*), возвративъ-

(*) Гдѣ онъ теперь провождаетъ тихіе дни свои; но можетъ ли единообразная, непрерывная, праздная тишина быть щастіемъ для того, кто привыкъ уже къ дѣятельной жизни государственнаго челоѣка? Сія

ся въ бурной Парижѣ. — Я былъ слушателемъ въ бесѣдѣ Цирих-

жизнь, при всѣхъ своихъ безпокойствахъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто весьма пріятное, и Неккеръ, при шумѣ горныхъ вѣтровъ, потрясающихъ уединенное жилище его, шепчется въ уныніи, и помышляя о пропекшихъ часахъ, посвященныхъ имъ благу Французовъ, внутренне укоряетъ сей народъ неблагодарностію, и взываетъ съ Царемъ Леаромъ или Лиромъ: Blow winds, rage, blow! J tax not you, you elements, with unkindness; J called not you my children; J never gave you kingdom! (*Шумите, свирѣлые вѣтры, шумите! я не жалуюсь на свирѣлость вашу, раздраженные стихіи! вы не дѣти мои; вамъ не отдавалъ я царства*). Читая сіе мѣсто въ новой книгѣ его, sur l'Administration de M. Necker, par lui-même, едва могъ я опъ слезъ удержаться. Французы! вы кричали нѣкогда: да здравствуетъ Нація, Король и Неккеръ! а теперь кто изъ васъ думаетъ о Неккерѣ?

скихъ Ученыхъ, и къ великому своему сожалѣнію не понималъ всего, что говорено было; пошому что здѣсь говорящъ самымъ нечистымъ Нѣмецкимъ языкомъ. Черезъ часъ Лафатеръ взялъ шляпу, и я пошелъ съ нимъ вмѣстѣ. Онъ проводилъ меня до пракшира, и проспился со мною до завтрашняго дня.

Вы конечно не попребуете отъ меня, чтобы я въ самой первой день личнаго моего знакомства съ Лафатеромъ описалъ вамъ душу и сердце его. На сей разъ могу сказать единственно то, что онъ имѣетъ весьма почтенную наружность: прямой и стройной станъ, гордую осанку, продолговатое блѣдное лице, острые глаза и важную мину. Всѣ его движенія живы и скоры; всякое слово говоритъ онъ съ жаромъ. Въ тонѣ его есть нѣчто учительское или цовелительное, происшедшее ко-

нечно опѣ навѣка говоришь проповѣди, но смягчаемое видомъ непришворной искренности и чистосердечія. Я не могъ *свободно* говорить съ нимъ, первое по тому, что онъ, казалось, взоромъ своимъ заснавлилъ меня говоришь какъ можно скорѣе; а второе по тому, что я безпрестанно боялся не понять его, не привыкнувъ къ Цирихскому выговору.

Пришедши въ свою комнату, почувствовавъ я великую грусть; и чтобы не дать ей усиливаться въ моемъ сердцѣ, сѣлъ писать къ вамъ, любезные, милые друзья мои! Для того, чтобы узнать всю привязанность нашу къ опеческву, надобно изъ него выѣхать; чтобы узнать всю любовь нашу къ друзьямъ, надобно съ ними разстаться.

Какая пріятная, тихая мелодія нѣжно потрясаетъ нервы моего слуха! Я слышу пѣніе; оно несетъ

ся изъ оконъ сосѣдняго дома. Это
голосъ юноши — и вопль слова
пѣсни:

*Отчество мое! любовію къ тебѣ
горитъ вся кровь моя; для пользы
твоея готовъ ее пролить; умру
твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.*

*Отчество мое! ты все въ себѣ
вмѣщаешь, тѣмъ смертный можетъ
наслаждаться въ невинности сеою.
Въ тебѣ прекрасенъ видъ Природы;
въ тебѣ цѣлителенъ и ясенъ воздухъ;
въ тебѣ земныя блага рѣкою пол-
ною лѣются.*

*Отчество мое! любовію къ тебѣ
горитъ вся кровь моя; для пользы
твоея готовъ ее пролить; умру
твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.*

*Мы всѣ живемъ въ союзѣ брат-
скомъ; другъ друга любимъ, не
боимся, и тѣмъ того, кто добръ
и мудръ. Не знаемъ роскоши, ко-
торая свободныхъ въ рабовъ, въ ти-
рановъ превращаетъ. На то намъ
блескъ искусства, когда Природа*

здѣсь сіяетъ во всей своей красѣ—
когда мы изъ грудей ея піемъ
блаженство и восторгъ?

Отчество мое! любовію къ тебѣ
горитъ вся кровь моя; для пользы
твоея готовъ ее пролить; умру
твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.

Голосъ умолкъ; тишина ночи
царствуетъ въ городѣ. Проспише,
друзья мои!

II Августа, въ 10 часовъ вечера.

Пришедши въ 11 часовъ къ Ла-
фаперу, нашелъ я у него въ ка-
бинетѣ жену владѣтельнаго Гра-
фа Шполберга, которая чила
про себя какой-то манускриптъ,
между пѣмъ какъ хозяинъ (НВ. въ
песпромѣ своемъ шлафрокѣ) пи-
салъ письма. Черезъ полчаса ком-
ната его наполнилась гостями.
Всякой чужестранецъ, прїѣзжаю-

щій вѣ Цирихѣ, считаеѣ за должностѣ быѣ у Лафатера. Сіи посѣщенія могли бы иному наску-
чиѣ; но Лафатерѣ сказалѣ мнѣ, чѣо онѣ любиѣ видѣѣ новыхѣ людей, и чѣо онѣ всякаго пріѣз-
жаго можно чѣму нибудѣ научиѣ-
ся. Онѣ повелѣ насѣ кѣ своей же-
нѣ, гдѣ пробыли мы сѣ часѣ—по-
говорили о Французской револю-
ціи, и разошлись. Послѣ обѣда я
опяѣ пришелѣ кѣ нему, и нашелѣ
его опяѣ заняпаго дѣломѣ. Кѣ
тому же всякую чѣшверѣ часа
кѣо нибудѣ входилѣ кѣ нему вѣ
кабинетѣ, или пребоватѣ совѣта,
или просиѣ милосѣни. Бся-
кому отвѣчалѣ онѣ безѣ сердца,
и давалѣ, чѣо могѣ. Между тѣмѣ
я познакомился сѣ живописцомѣ
Липсомѣ, копорой не давно пріѣ-
халѣ изѣ Италіи, и живетѣ у него
вѣ домѣ. Кѣ намѣ пришелѣ еще
Пфеннингерѣ, сѣ копораго Липсѣ
началѣ списыватѣ портретѣ, и сѣ

копорымъ мы проговорили до самаго вечера; а хозяинъ ушелъ опѣ насъ въ чепыре часа, и не возвращался.

О городѣ скажу вамъ, что онъ не прельщаетъ глазъ, и кромѣ публичныхъ зданій, на прим. ратуши и проч., не замѣтилъ я очень хорошихъ или огромныхъ домовъ; а многіе улицы или переулки не будупъ ни въ сажень шириною.

Въ здѣшнемъ арсеналѣ показываюпъ спрѣлу, копорою славной Вильгельмъ Тель сшибъ яблоко съ головы своего сына и заспрѣлилъ Императорскаго Губернатора Гейслера, — что было знакомъ къ общему бунту. — Въ публичной Цирихской библіотекѣ между прочими манускриптами храняпся при Лапинскія письма опѣ шеснадцатилѣтней Анны Гре къ Реформатору Буллингеру, писанныя собственною ея рукою, и наполнен-

ныя чувспвами сердечнаго благо-
 чеспія. Разныя мѣста, приведен-
 ныя ею въ сихъ письмахъ изъ
 Еврейскихъ и Греческихъ книгъ,
 показывають, что она знала и
 пополь и другой языкъ. Такая уче-
 носць въ шеснадацилѣтней дѣ-
 вицѣ могла бы и нынѣ удивить
 насъ: что же тогда? Несчастная
 Гре! ты была украшеніемъ свое-
 го времени, и скончала цвѣтущую
 жизнь споль ужаснымъ образомъ!
 Тронъ былъ тебѣ погибелью.

Августа 12.

Нынѣ рано поутру прислалъ за
 мною Лафатеръ, чтобы вмѣстѣ
 съ нимъ и съ нѣкоторыми изъ
 друзей его иппи обѣдать къ де-
 ревенскому Священнику Т*. Это
 путешесствіе упомяло меня до
 крайности. Надобно было всхо-
 дишь по камнямъ на высокую и

крупую гору. Нѣкоторые изъ на-
 шихъ сопутниковъ, для облегче-
 нія своего, скинули съ себя каф-
 паны, и шли въ однихъ камзолахъ.
 На вершинѣ горы мы остано-
 вились отдохнуть и любоваться
 прекрасными видами, которые на-
 градили меня за все преперпѣнное
 мною. „Удивительно ли (сказалъ
 мнѣ Г. Гесъ, указывая рукою на
 свѣшное озеро, на горы и плодо-
 носныя долины) удивительно ли,
 что Швейцары такъ привязаны
 къ своему опеческу? Смотрише,
 сколько красотъ здѣсь разсѣяно!“
 — На узкой долині между горъ,
 въ семи версахъ отъ Цюриха,
 лежила та маленькая деревенька,
 копорая была цѣлю нашего путеше-
 шествія. Тамъ принялъ насъ доб-
 родушной Священникъ со всѣми
 знаками дружелюбія. Вмѣстѣ съ
 нимъ вышли къ намъ на встрѣчу
 жена его и двѣ дочери, копорыя
 всякому живописцу могли бы слу-

жить образцемъ красоты, и копорыя напомнили мнѣ Томсоновы стихи:

As in the hollow breast of Appenine,
Beneath the shelter of encircling hills,
A myrtle rises, far from human eye,
And breathes its balmy fragrance o'er
the wild:
So flourish'd blooming, and unseen by all,
The sweet Lavinia (*) — —

Сестры прелестницы! я хотѣлъ бы щасливою черпою пера изобразить красоту вашу, копорую сама Напура возлелѣяла; хотѣлъ бы сравнять блорумяныя щеки

(*) „Подобно какъ въ лонѣ горъ Аппенинскихъ, подъ кровомъ холмовъ, восходитъ миртъ, удаленный отъ глазъ человеческихъ, и бальзамическое свое благовоніе изливаетъ въ пустынь: такъ цвѣла въ уединеніи любезная Лавинія.“

ваши съ чистымъ снѣгомъ высо-
кихъ горъ, когда восходящее сол-
нце сыплетъ на него алыя розы;
хотѣлъ бы уподобить улыбку ва-
шу улыбкѣ весенней Природы, гла-
за ваши звѣздамъ вечернимъ—но
скромность вашихъ взоровъ опни-
маетъ у меня смѣлосць хвалишь
васъ. — Никогда еще не видывалъ
я двухъ женщинъ, столь между
собою сходныхъ, какъ сіи двѣ кра-
савицы. Кажется, что Граціи об-
разовали ихъ въ одно время и по
одной модели. Ростъ одинакой,
лица одинакія; у обѣихъ черные
глаза и русые волосы, по плечамъ
распущенные; на обѣихъ и бѣлыя
плащья одинакаго покроя (*). —
„Я привелъ къ вамъ Рускаго (ска-
залъ Лафатеръ), копорой знакомъ

(*) Одной изъ нихъ нѣтъ уже на свѣ-
тѣ! Горы Швейцарскія! вы не защи-
тили ее отъ безвременной, жесто-
кой смерти!

сѣ вашейю родспвенницею, дѣвицею
 Т*.“ Хозяйка меня спрашивала,
 а дочери слушали, наливая чай
 для госпей своихъ. Признаюсь, я
 выпилъ лишнюю чашку, и выпилъ
 бы еще десять, еспльи бы кра-
 савицы не переспали меня под-
 чивапъ. — Между тѣмъ я об-
 рапилъ глаза свои на большой
 шкапъ сѣ книгами, и нашелъ
 тупъ почти всѣхъ лучшихъ дре-
 внихъ и новыхъ Спихопворцевъ.
 Вы конечно любите Поэзію? (про-
 силъ я у хозяина. *Родясь въ ро-
 мантической землѣ*, отвѣчалъ онъ,
какъ не любить Поэзіи? Между
 тѣмъ мы отдохнули, и пошли гу-
 ляпъ по саду. Со всѣхъ сторонъ
 представлялись намъ дикіе виды
 горъ, полагавшихъ тѣсныя предѣ-
 лы нашему зрѣнію.—Еспльи мнѣ
 когда нибудь наскучитъ свѣтъ;
 еспльи сердце мое когда нибудь
 умретъ всѣмъ радостямъ общежи-
 тія; еспльи уже не будетъ для

III.

него ни одного сочувствующаго сердца: по я удалюсь въ эту пустыню, копорую сама Напура оградила высокими стѣнами, неприступными для пороковъ, — и гдѣ все, все забыть можно, все, кромѣ Бога и Напуры. — Возвратясь въ комнапу, нашли мы на столѣ кушанье. Обѣдъ былъ самой изобильной; говорили, шутили, смѣялись. Лафашеръ, сидѣвшій рядомъ со мною, сказалъ, попрепавъ меня по плечу: *думалъ ли я дни за три передъ этимъ, что буду нынѣ обѣдать съ моимъ Московскимъ пріятелемъ?* Послѣ обѣда началась игра — однакожь не карточная, друзья мои! Всѣ сѣли вокругъ стола; всякой взялъ лиспочикъ бумаги и написалъ вопросъ, какой ему на мысль пришелъ. Попомъ бумажки смѣшались и роздали. Всякой долженъ былъ отвѣчать на свой вопросъ, копорой ему доспался, и написать но-

вой. Такимъ образомъ продолжались вопросы и отвѣты, пока на листочкахъ не оспалось благомѣсна. Тутъ прочли вслухъ все написанное. Нѣкоторыя отвѣты были довольно остроумны; а Лафатеровы опличались отъ другихъ, какъ луна отъ звѣздъ. Сестры прелестницы отвѣчали всегда просто и хорошо. Вотъ вамъ нѣчто для примѣра. Вопросъ: *Кто есть истинной благодѣтель?* Отвѣтъ: *Тотъ, кто помогаетъ ближнему въ настоящей его нуждѣ.* Сей отвѣтъ, при всей своей простотѣ, заключаетъ въ себѣ разительную истину. Давай всякому, то, въ чемъ онъ на сей разъ имѣетъ нужду; не читай нравоученій тому человеку, который умираетъ съ голоду, а дай ему кусокъ хлѣба; не бросай рубля тому, кто утопаетъ, а вытащи его изъ воды. — Вопросъ: *Нужна ли жизнь такого-то телѣска для совершенія такого-то*

дѣла? Ошвѣпѣ: *Мужна, естѣли онѣ живѣ останетѣя; не нужна, естѣли онѣ умретѣ.* — Вопросѣ: *Что всего лучше въ томѣ мѣстѣ, гдѣ мы теперѣ?* Ошвѣпѣ: *Люди.* — Пошомѣ изѣ нѣсколькихѣ заданныхѣ словѣ, между копорыми не было никакой связи, надлежало всякому сочинитѣ что нибудѣ связное. Тупѣ выходило все смѣшное. — Желалѣ бы я, чшобы мы переняли у Нѣмцовѣ сіи оспряція разумѣ игры, копорыя могутѣ бытѣ столь забавны въ пріятельскихѣ обществахѣ (*).

Наконецѣ, поблагодаривѣ хозяина за угощеніе, опправились мы назадѣ въ Цюрихѣ. Добродушной Священникѣ съ двумя своими Ореадами пошелѣ насѣ провожаѣ; красавицы очень успали, и я на силу могѣ упроситѣ одну изѣ нихѣ

(*) Желаніе Авшора исполнилось: нѣкопорыя изѣ нашихѣ Дамѣ полюбили играѣ въ волросы и отвѣты.

взять мою прость. На вершинѣ горы мы съ ними распались, и возвратились въ городъ почти ночью. Я проспился съ Лафатеромъ на два дни; попому что намѣренъ завтра вмѣстѣ съ пріятелемъ моимъ Б* ийти пѣшкомъ въ Шафгаузенъ, до котораго считается отсюда пять миль.

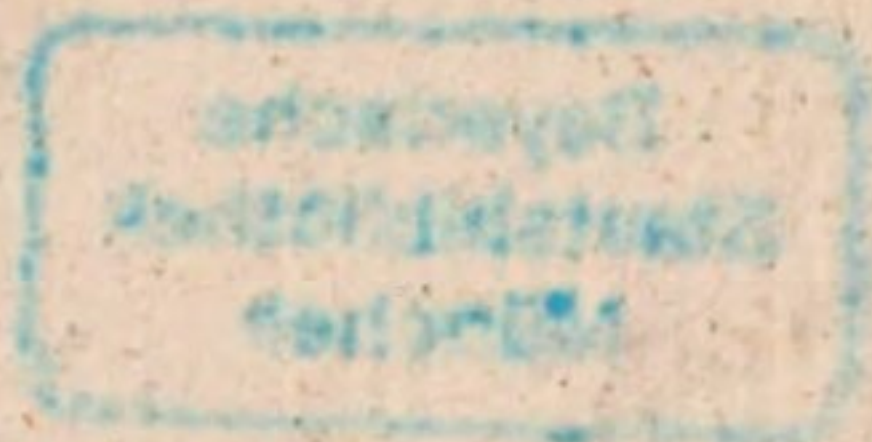
Элизау, Августа 14.

Вчера въ восемь часовъ утра пошли мы съ Б* изъ Цюриха. Сперва шелъ я довольно бодро; но скоро силы мои начали истощаться — день былъ самой ясной — жаръ безпрестанно усиливался — и наконецъ, прошедши мили двѣ, я отъ слабости упалъ на правую подлѣ дороги, къ великой досадѣ моего Б*, которому хотѣлось какъ можно скорѣе дойти до Рейнского водопада. Изъ практира

вынесли намъ воды и вина, которое подкрѣпило силы мои; и мы черезъ ч. в. опять пустились въ путь. Однакожь до Шафгаузена я еще раза приостанавливался отдыхать. Наконецъ, въ семь часовъ вечера, услышали мы шумъ Рейна, удвоили шаги свои, пришли на край высокаго берега, и увидѣли водопадъ. Не думаете ли вы, что мы при семъ видѣ закричали, изумились, пришли въ восторгъ, и проч.? Нѣтъ, друзья мои! мы стояли очень тихо и смирно, минуя съ пяты не говорили ни слова, и боялись взглянуть другъ на друга. Наконецъ я осмѣлился спросить у моего поварища, что онъ думаетъ о семъ явленіи? „Я думаю, опвѣчалъ Б*, что оно — слишкомъ — слишкомъ возвеличено путешественниками.“ Мы одно думаемъ, сказалъ я: рѣка, съ пѣною и съ шумомъ низпадающая съ камней, конечно споитъ того,

чпобы взглянуть на нее; однакожь гдѣ шопѣ громозвучной, ужасной водопадѣ, которой вселяетѣ препетѣ въ сердце? — Такимѣ образомѣ мы поговорили другѣ съ другомѣ, и боясь, чпобы въ Шафгаузенѣ не заперли воротѣ, опложили до слѣдующаго дня посмотрѣть на водопадѣ вблизи. Насилу могѣ я дошащиться до города: такѣ ноги мои успали! Мы пришли прямо въ пракширѣ *въица*, гдѣ обыкновенно останавливаются путешественники, и гдѣ — не смотря на то, чпо мы были пѣшеходцы и съ головы до ногѣ покрышпы пылью — приняли насѣ очень учтиво. Сей пракширѣ почитаетѣся однимѣ изѣ лучшихѣ въ Швейцаріи, и существуетѣ болѣе двухѣ вѣковѣ. Монпанѣ упоминаетѣ обѣ немѣ, и припомѣ съ великою похвалою, въ описаніи своего путешествія; а Монпанѣ былѣ въ Шафгаузенѣ въ 1581 году. — Послѣ хо-

рошаго ужина бросился я на поспелю и заснул мершвымъ сномъ. На другой день поутру, т. е. сегодня, былъ я у Кандидаша Миллера, Автора хорошо-принятой книги, подъ пишуломъ *Philosophische Aufsätze*, и у богатаго купца Гауппа, къ которымъ далъ мнѣ Лафатеръ рекомендапельныя письма. Оба они приняли меня очень ласково, и оба удивлялись тому, что паденіе Рейна не сдѣлало во мнѣ сильнаго впечатлѣнія; но услышавъ, что мы видѣли его съ горы, со спороны Цириха, переспали они дивисься, и увѣряли меня, что я конечно перемѣню свое мнѣніе, когда посмопрю на него съ другой спороны, и вблизи. — О городѣ не могу вамъ сказать ничего примѣчанія достойнаго, друзья мои. Не буду описывать вамъ и славнаго деревяннаго моста, построенаго не Архишекторомъ, но плошн-

комъ ; моста , которой дрожитъ подъ ногами одного человека , и по которому безъ всякой опасности вьдвигаютъ самыя тяжелыя кареты и фуры.

Послѣ обѣда поѣхали мы въ наемной коляскѣ къ водопаду , до котораго отъ города будетъ около двухъ верстъ. Приѣхавъ туда , сошли съ горы и сѣли въ лодку. Спрямленіе воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась ; и чѣмъ ближе подвѣзжали мы къ другому берегу , тѣмъ яростнѣе мчались волны. Одинъ порывъ вѣтра могъ бы погрузить насъ въ кипящей быстринѣ. Приставъ къ берегу , съ великимъ трудомъ взлѣзли мы на высокой утесъ , попомъ опять спустились ниже , и вошли въ галерею , построенную , такъ сказать , въ самомъ водопадѣ. Теперь , друзья мои , представьте себѣ большую рѣку , которая , преодолевая въ

печеніи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростію, и наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранишной преграды, и не находя себѣ пути подъ сею швердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ, и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшіе брызги разнообразныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростію лепящихъ одна за другою, міріадами подымаюшся вверхъ, и соспавляюшъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на копорыхъ мы спояли, пряслись безпреспанно. Я весь облипъ былъ водяными частицами, молчалъ, смопрѣлъ и слушалъ разные звуки низпадающихъ волнъ: ревуцій концерпъ, оглушающій душу! Здѣсь живописецъ бросаетъ кисть свою, и Поэтъ не находипъ словъ для описанія сего ужасно-великаго

явленія. Развѣ только въ спраш-
 ные дни древняго потопа, когда
 правосудный Богъ превратилъ зем-
 ные пары во влажной гробъ раз-
 вратнаго человѣческаго, водная
 стихія ярилась такъ, какъ она
 здѣсь ярилась. Я готовъ былъ на
 колѣняхъ просить прощенія у
 Реина, въ томъ, что вчера гово-
 рилъ о паденіи его съ такимъ
 неуваженіемъ. Долѣе часа были
 мы въ сей галлерей; но это вре-
 мя показалось мнѣ минутою. Пе-
 ребѣзжая опять черезъ Рейнъ, уви-
 дѣли мы безчисленные радуги,
 производимыя солнечными лучами
 въ водяной пыли: что составля-
 етъ прекрасное, великолѣпное зрѣ-
 лище. Послѣ сильныхъ движеній,
 бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нуж-
 но было отдохнуть. Я сѣлъ на
 Цюрихскомъ берегу, и спокойно
 разсматривалъ картину водопада
 съ его окрестностями. Каменная
 стѣна, съ которой низвергается

Реинъ , вышиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ срединѣ сего паденія возвышаюпся двѣ скалы, или два огромные камня, изъ которыхъ одинъ, не смотря на усиліе волнъ, спремящихся сокрушитъ его , стоишъ непоколебимъ — (подобно великому мужу, скажетъ спихотворецъ, непреклонному среди бѣдспвій, и щипомъ душевной пвердоспи опражающему всѣ удары злаго рока); — а другой камень едва держишся на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крутомъ берегу представлялись мнѣ старой замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградные сады и деревья : все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятной ландшафтъ.

Наконецъ , оппустивъ коляску назадъ въ Шафгаузенъ, наняли мы лодку и поплыли внизъ по Реину. Нѣсколько разъ обращались глаза

мои на водопадѣ; онѣ скрылся — но шумѣ его долго еще опзывался въ моемѣ слухѣ. — Лодошникѣ почелѣ за нужное сказаць намѣ, что въ Америкѣ естѣ подобной водопадѣ. Онѣ не умѣлѣ назваць его; но мы поняли, что онѣ говоришь о Ніагарѣ.

Элизау.

Шумящія волны быспро несли нашу лодку между плодоносныхъ береговъ Рейна. День склонялся къ вечеру. Я былѣ такѣ доволенѣ, такѣ веселѣ; качаніе лодки приводило кровь мою въ такое пріятное волненіе; солнце такѣ великолѣпно сіяло на насѣ сквозь зеленныя решетки въпвиспыхъ деревѣ, которыя въ разныхъ мѣстахъ увѣнчевають высокой берегѣ; жаркое золото лучей его такѣ прекрасно мѣшалось съ чистымѣ се-

ребромъ Рейнской пѣны; уединенныя хижины такъ гордо возвышались среди виноградныхъ садиновъ, копорые составляютъ богатство мирныхъ семействъ, живущихъ въ простотѣ Напуры — ахъ, друзья мои! для чего не было васъ со мною?

Въ Эглизау, маленькомъ городкѣ, на половинѣ дороги отъ Шафгаузена къ Цириху, вышли мы на берегъ, заплашивъ лодошнику новой Французской палеръ, или два рубли. Хоть солнце уже садится, однакожь мы не намѣрены здѣсь ночевать. Выпивъ въ пракпирѣ чашекъ пять кофе, я чувствую въ себѣ такую бодрость, что готовъ пуспиться пѣшкомъ на десять миль. Товарищъ мой Б*, копорой съ корпикомъ и съ собакою прошелъ всю Германію, совсѣмъ не знаетъ усталости — всегда уходитъ впередъ, оборачивается и смѣется надъ моею дряхлостію.

До Цириха оспается намъ перей-
ти еще болѣе двухъ миль. Зав-
тра воскресенье, и Лафатеръ по-
упру въ семь или въ восемь ча-
совъ будетъ говоришь проповѣдь
въ церкви Св. Петра; мнѣ хочется
прийти туда къ сему времени.—
Б* подаетъ мнѣ посохъ и шляпу.
Проспите!

Кортма.

Лишь только вышли мы изъ
Эглизау, солнце закатилось; сѣрая
облака покрыли небо; вечеръ спа-
новился часъ отъ часу темнѣе, и
скоро наступила самая мрачная
ночь. Намъ надобно было идти
лѣсомъ, въ которомъ царствовала
мертвая тишина. Мы останавли-
вались и слушали — но ни одинъ
листочекъ на деревѣ не шевелил-
ся. Я громко произнесъ имя Силь-
вана: эхо повторило его, и опять

все умолкло. Мнѣ казалось, что я приближаюсь къ святилищу едиеннаго бога лѣсовъ, и вижу его вдали стоящаго съ кипарисною вѣтвью. Сердце мое чувствовало вѣспѣ и страхъ и тихое, неизяснимое удовольствіе. Такимъ образомъ шли мы около двухъ часовъ, не встрѣясь ни съ однимъ человекомъ. Тупѣ повѣялъ сильной, холодной вѣтеръ, и Б* признался мнѣ, что онъ желалъ бы скорѣе дойти до какойнибудь деревни или до пракпира, гдѣ бы намъ можно было ночевать. Я и самъ желалъ того же: лѣпній мой кафтанъ худо защищалъ меня отъ холоднаго вѣтра. Наконецъ мы пришли въ маленькую деревеньку, гдѣ уже всѣ спали; только въ одномъ домѣ свѣтился огонь, и сей домъ былъ пракпиръ. Съ видомъ удивленія посмотрѣвъ на насъ пракпирщикъ, покачалъ головою, и сказавъ: *въ темную ночь*

бродить пѣшкомъ не прилично такимъ господамъ! отвѣрилъ намъ дверь. Мы вошли въ большую горницу, въ которой не было ничего, кромѣ пяти или шести столовъ и дюжины деревянныхъ стульевъ. Прежде всего заговорили мы объ ужинѣ. Тотчасъ все будетъ готово, сказалъ пракпирщикъ, и принесъ намъ сыру, масла, хлѣба и бутылку кислаго вина. Что же еще будетъ? спросили мы. Ничего, отвѣчалъ онъ. Дѣлать было нечего, и пожавъ плечами, принялись мы за ужинъ. Попомъ хозяинъ проводилъ насъ [въ спальню, по естъ на чердакъ, въ маленькой чуланѣ, гдѣ мы нашли постелю, очень не мягкую и не чистую; однакожь усталость принудила насъ искать на ней успокоенія. Черезъ два часа я проснулся, взявъ свѣчу, сошелъ внизъ, въ ту горницу, гдѣ мы ужинали, и сѣлъ на-писать къ вамъ нѣсколько строкъ,

III.

друзья мои! Между пѣмъ повар-
ищъ мой спитъ очень покойно.
Однакожь я намѣренъ шеперь раз-
будить его, чшобы, напившись
кофе, ийти въ Цирихъ. Въперъ
ушихъ, и небо прояснилось; скоро
будетъ свѣпашь.

Цирихъ.

Въ половинѣ девятаго часа при-
шли мы въ Цирихъ, въ самое по
время, когда весь народъ шелъ изъ
церкви; и такимъ образомъ въ сіе
воскресенье не удалось мнѣ слы-
шашь Лафатеровой проповѣди. Всѣ
мушцины и женщины, копорые мнѣ
вспрѣчались на улицахъ, были о-
дѣпы по-праздничному: первые по
большой часпи въ темныхъ каф-
танахъ, а послѣднія, всѣ безъ
исключенія, въ черномъ длинномъ
плащѣ изъ шерстяной матеріи;
на головахъ у нихъ были или чеп-

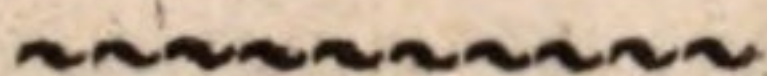
чики или покрывала. Парадное плашье Цирихскихъ Сенапоровъ состоитъ въ черномъ суконномъ кафтанѣ, съ черною шелковою епанчею и съ превеликимъ бѣлымъ крагеномъ. Въ такомъ нарядѣ приходятъ они обыкновенно въ Совѣтъ и въ церковь по воскресеньямъ.

Нынѣ послѣ обѣда принялъ меня Лафатеръ очень ласково, и наговорилъ мнѣ довольно пріятнаго. Ему хочется, чтобы я выдалъ на Рускомъ языкѣ извлеченіе изъ его сочиненій. „Когда вы возвратитесь въ Москву, сказалъ онъ, я буду пересылаю кѣ вамъ черезъ почту рукописной оригиналъ. Вы можете собрать подписку, и увѣрить Публику, что въ извлеченіи моемъ не будетъ ни одного недуманнаго слова.“ Что вы обѣ этомъ скажете, друзья мои? Найдутся ли у насъ чипатели для такой книги? По крайней мѣрѣ

сомнѣваюсь, чѣмъ ихъ нашлось много. Однакожь я принялъ Лафатерово предложеніе, и мы ударили съ нимъ по рукамъ. — Опѣ него ходилъ я на Цирихское загородное гульбище, большой прекрасной лугъ, на берегу рѣки Лимматъ, осѣняемый старыми, почтенными липами. Тутъ нашелъ я очень много людей, копорые всѣ кланялись мнѣ какъ знакомому. Таковъ обычай въ Цирихѣ: всякой встрѣчающійся на улицѣ человекъ говоритъ вамъ: *добрый день*, или *добрый вечеръ*! Учпивость хороша; однакожь рука успанетъ снимать шляпу — и я рѣшился наконецъ ходитъ по городу съ открытою головою. Въ девятомъ часу возвратился я къ Лафатеру, и ужиналъ у него съ нѣкоторыми изъ его пріятелей и со всѣмъ его семействомъ, кромѣ сына, копорой теперь въ Лондонѣ. Большая Лафатерова дочь не хороша лицомъ, а меньшая очень

пріятна и рѣзва ; первой будетъ около двадцати, а послѣдней около двѣнадцати лѣтъ. Хозяинъ нашъ былъ веселъ и говорливъ ; шутилъ, и шутилъ забавно. Между прочимъ зашла рѣчь объ одномъ изъ его извѣстныхъ непріятелей — я обрашилъ на Лафатера все свое вниманіе — но онъ молчалъ, и на лицѣ его не видно было никакой переменъ. Едва ли справедливо будетъ требоваъ отъ него , чшобы онъ хвалилъ тѣхъ, копорые бранятъ его такъ жестоко ; довольно , еспъли онъ не плашилъ имъ такою же бранью. Пфеннингеръ сказывалъ мнѣ, что Лафатеръ давно уже поставилъ себѣ за правило не чипать тѣхъ сочиненій, въ копорыхъ объ немъ пишуть ; и такимъ образомъ ни хвала , ни хула до него не доходитъ. Я считаю это знакомъ рѣдкой душевной пвердоспи; и чловѣкъ, копорой, поступая сообраз-

но съ своею совѣстію , не смопрѣвъ на то , что думаютъ объ немъ другіе люди, естъ для меня великой человѣкъ. Между тѣмъ , друзья мои, желаю вамъ покойной ночи.

Нынѣ поуспру пилъ я кофе у Господина Т*, опца извѣстной вамъ дѣвицы Т*, и познакомился со всѣмъ его семействомъ , довольно многочисленнымъ. Удивляюсь , какъ отецъ и мать могли оппустить дочь свою въ такую опдаленную землю! Состояніе ихъ (сколько я видѣлъ и слышалъ) очень не бѣдно — да и много ли надобно для содержанія одной дочери! Къ тому же Швейцары такъ спраспно любятъ свое опечество, что почируютъ за великое нещастіе надолго оспавлять его. — Вмѣстѣ съ Господиномъ Т* ходили мы смотрѣть ученья Цирихской милиціи. Почти всѣ жишели

были зришелями сего спектакля, для нихъ рѣдкаго. Тутъ случилось со мною нѣчто смѣшное и — непріятное. Г. Профессоръ Брейпингеръ, съ которымъ я еще не видался по возвращеніи своемъ изъ Шафгаузена, воспользовался мною въ полѣ народа, когда уже кончилось ученье, и послѣ перваго привѣтствія спросилъ, каково показалось мнѣ *видѣнное* мною? Я подумалъ, что онъ говоритъ о паденіи Рейна; воображеніе мое поспѣхъ предспавило мнѣ эпу величественную сцену — земля запряслась подо мною — все вокругъ меня зашумѣло — и я съ жаромъ сказалъ ему: *ахъ! кто можетъ описать великолѣпіе такого явленія? Надобно только видѣть и удивляться.* „Эпо были наши волонтеры“ — оповѣчалъ мнѣ Г. Профессоръ, и съ поклономъ ушелъ отъ меня. Тутъ я почувствовалъ, что онъ спрашивалъ меня не о па-

деніи Рейна , а обѣ ученїи Цирихскихъ солдатъ: каковымъ же показался ему отвѣтъ мой? Признаюсь, я досадовалъ и на себя и на него, и хотѣлъ-было бѣжать за нимъ, чѣмбы вывести его изъ заблужденія, столь оскорбительнаго для моего самолюбія; но между тѣмъ онъ уже скрылся.

Я болѣе и болѣе удивляюсь Лафатеру, любезные друзья мои. Вообразите, что онъ часа свободнаго не имѣетъ, и дверь кабинета его почти никогда не закрывается; когда уйдетъ нищій, придетъ печальный, пребывающій утѣшенія, или путешественникъ, не пребывающій ничего, но отвлекающій его отъ дѣла. Сверхъ того посѣщаетъ онъ больныхъ, не только живущихъ въ его приходѣ, но и другихъ. Нынѣ въ семь часовъ, отправивъ на почту нѣсколько писемъ, схватилъ онъ шляпу, побѣжалъ изъ комнаты, и сказалъ

мнѣ , что я могу иппи съ нимѣ
вмѣспѣ. Посмотримѣ , куда, —
думалѣ я , и пошелѣ за нимѣ
изѣ улицы вѣ улицу , и наконецѣ
совсѣмѣ вонѣ изѣ города , вѣ ма-
ленькую деревеньку , и на крестъ-
янской дворѣ. *Жива ли Анна?* спро-
силѣ онѣ у пожилой женщины ,
копорая вѣспрѣпила насѣ вѣ сѣ-
няхѣ. *Буть душа держится*, оп-
вѣчала она со слезами , и опворила
намѣ дверь вѣ горницу , гдѣ увидѣлѣ
я спарую , изсохшую и блѣдную
женщину , лежащую на постелѣ.
Два мальчика и двѣ дѣвочки стоя-
ли подлѣ постели и плакали ; но уви-
дѣвѣ Лафатера , бросились кѣ не-
му , схватили его за обѣ руки и
начали цѣловать ихѣ. Онѣ подо-
шелѣ кѣ больной , и ласковымѣ го-
лосомѣ спросилѣ у нее , какова она?
Умираю — умираю , опвѣчала спа-
рушка , и болѣе не могла сказать
ни слова , устремивѣ глаза на грудь
свою , копорая спрашнымѣ обра-

зомъ вверхъ подымалась. Лафатеръ сѣлъ подлѣ нее, и началъ приготовлять ее къ смерти. „Часъ твой приближился, сказалъ онъ, и Спаситель нашъ ожидаетъ тебя. Не спрашайся гроба и могилы; не ты, но только бременное плѣло твое въ нихъ заключится. Въ самую ту мину, когда глаза твои закроются навѣки для здѣшняго міра, возсіяетъ тебѣ заря вѣчной и лучшей жизни. Благодаря Бога, ты дожила здѣсь до глубокой старости, — видѣла возросшихъ дѣтей и внуковъ своихъ, возросшихъ въ добронравіи и благочестіи. Они будутъ всегда благословлять память твою, и наконецъ съ лицомъ свѣплымъ обнимутъ тебя въ жилищѣ блаженныхъ. Тамъ, тамъ составимъ мы всѣ одно щасливое семейство!“ — При сихъ словахъ прервался Лафатеровъ голосъ; онъ утерся бѣлымъ платкомъ, и прочитавъ мо-

лишву, благословилъ умирающую, проспился съ нею — поцѣловалъ маленькихъ дѣтей—сказалъ, чпобы они не плакали, и давъ имъ по нѣскольку копѣекъ, ушелъ. Мнѣ было очень тяжело, однакъ слезы не хотѣли лишься изъ глазъ моихъ; насилу могъ я свободно вздохнуть на чистомъ вечернемъ воздухѣ.

Гдѣ вы берете сполько силъ и сполько перпѣнія? сказалъ я Лафашеру, удивляясь его дѣятельности. „Другъ мой! отвѣчалъ онъ съ улыбкою: человекъ можетъ дѣлать много, еспли захочетъ; и чѣмъ болѣе онъ дѣйствуетъ, тѣмъ болѣе находитъ въ себѣ силы и охоты къ дѣйствию.“

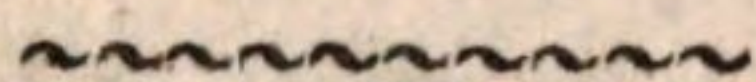
Не думаете ли вы, друзья мои, чпо Лафашеръ, помощникъ бѣдныхъ, очень богатъ? Нѣтъ, доходы его весьма не велики. Но онъ продаетъ многія изъ своихъ сочиненій, и печатныя и письменныя,

въ пользу неимущихъ брашій; и собирая такимъ образомъ изрядную сумму денегъ, раздаетъ ее просящимъ. Я купилъ у него два манускрипта: *сто тайныхъ физіогномическихъ правилъ* (въ заглавіи которыхъ написано: Lache des Elends nicht, und der Mittel das Elend zu lindern) и *памятникъ для любезныхъ странниковъ* (*); за послѣднюю рукопись онъ не взялъ съ меня денегъ, а велѣлъ мнѣ опдашь ихъ одному бѣдному Фран-

(*) Лафатеръ въ печатномъ своемъ Физіогномическомъ сочиненіи бережешся показывать въ лицахъ человѣческихъ тѣ черты, которыя означаютъ худое: въ семъ письменномъ (которое, по его словамъ, никогда не должно быть напечатано) говоритъ онъ вольнѣе. — *Памятникъ для путешественниковъ* есть для меня одно изъ лучшихъ его твореній; онъ напечатанъ въ Hand-Bibliothek für Freunde.

цузу , копорой пришелъ къ нему просить милосшныи.

Господинъ Т* пригласилъ меня ѣхать съ нимъ завтра на лодкѣ прогуливаться по Цирихскому озеру; надѣюсь, что эта прогулка будетъ для меня очень пріятна.

Я имѣлъ удовольствіе познакомиться сегодня съ человекомъ весьма любезнымъ — съ Архидіакономъ Тоблеромъ , копорой мнѣ извѣстенъ былъ по своимъ сочиненіямъ , а особливо по переводу Томсоновыхъ временъ года, изданному покойнымъ Теснеромъ , другомъ его. Онъ пришелъ ко мнѣ нынѣ поутру съ Господиномъ Т* , и прельстилъ меня проспошою своего обхожденія. Вмѣстѣ съ нимъ и съ двумя сестрами дѣвцы Т* побѣхали мы въ большой лодкѣ гулять по озеру. Не лзя было выбрать лучшаго дня: на небѣ не показывалось ни одно облач-

ко, и вода едва, едва спруилась. На томъ и на другомъ берегу озера видны опмѣнно хорошо-выстроенныя деревни, сельскіе домики богатыхъ Цирихскихъ гражданъ, и виноградные сады, копорые проспираются безпрерывно. Ровно за сорокъ лѣтъ передъ симъ, любезные друзья мои, бессмертной Клопшпокъ — съ молодыми своими друзьями и съ любезнѣйшими изъ Цирихскихъ молодыхъ дѣвицъ — капался по озеру. „Я какъ теперъ смотрю на Клопшпока (сказалъ Г. Тоблеръ). На немъ былъ красной кафпанъ. Въ томъ день опмѣнно нравилась ему дѣвица Шинцъ. Верпмиллеръ сдѣлалъ изъ ея перчапки кокарду для Клопшпоковой шляпы. Божеспвенной пѣвецъ Мессіады разливалъ радость вокругъ себя.“ Сію ээирную радость — радость, какую могушъ только чувспвовати великія души — воспѣлъ Клопшпокъ

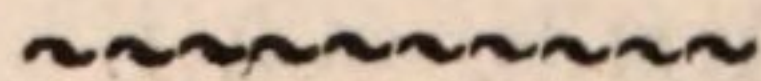
въ прекрасной одѣ своей Züricher-See, копорая оспалась вѣчнымъ памяникомъ пребыванія его въ здѣшнихъ мѣстахъ — пребыванія, лаврами и мирпами увѣнчаннаго. Г. Тоблеръ—говоря о томъ, какъ уваженъ былъ здѣсь Пѣвецъ Мессіады — сказывалъ мнѣ между прочимъ, что однажды изъ Кантона Гларуса пришли въ Цирихъ двѣ молодыя паспушки, единственно за тѣмъ, чтобы видѣть Клоппшока. Одна изъ нихъ взяла его за руку и сказала: Ach! wenn ich in der Clarissa lese und im Messias, so bin ich ausser mir! (*ахъ! читая Клариссу и Мессіаду, я внѣ себя бываю!*) Друзья мои! вообразите, что въ эту райскую мину чувствовало сердце Пѣснопѣвца! — Разговаривая такимъ образомъ съ почтеннымъ Архидіакономъ, не видалъ я, какъ мы опплыли отъ города двѣ мили, или около пятнадцати верстъ. Тутъ

надлежало намъ выпши на берегъ близъ небольшой деревеньки, въ которой Г. Тоблеръ родился, и гдѣ отецъ его былъ Священникомъ. Всѣ крестьянскіе домики въ сей деревнѣ имѣютъ очень хорошій видъ, и почти подлѣ всякаго естъ садикъ, съ плодовитыми деревьями и съ грядками, на которыхъ распускаются благовонные цвѣты и поваренныя травы. Во внутренности домовъ все очень чисто. Тутъ видѣлъ я семейной крестьянской обѣдъ. Когда всѣ собрались къ столу, хозяйка прочитала вслухъ молитву; послѣ чего сѣли вокругъ стола—мужъ подлѣ жены, братъ подлѣ сестры—и принялись за супъ, а потомъ за сыръ и масло. Обѣдъ заключенъ былъ также молитвою; при чемъ мужчины спояли безъ шляпъ, которыхъ они впрочемъ почти никогда съ головы не снимаютъ. Даже и городскіе жители не рѣдко обѣдаютъ въ шляпахъ,

— что почищается у нихъ зна-
комъ свободы и независимости.

Мы обѣдали въ сельскомъ прак-
тирѣ, и ѣли очень вкусную рыбу,
ловимую въ Цирихскомъ озерѣ.
Говорящъ, будто въ Швейцаріи
вообще больше ѣдятъ, нежели въ
другихъ земляхъ, и приписываютъ
это дѣйствію здѣшняго оспраго
воздуха. Что принадлежитъ до
меня, то хотя обѣдаю и ужи-
наю въ Швейцаріи съ добрымъ
аппетитомъ, однакожь не могу
назвать его чрезмѣрнымъ или оп-
мѣннымъ. Послѣ обѣда пере-
ѣхали мы на другую сторону озе-
ра, гдѣ встрѣшилъ насъ свой-
ственникъ Господина Т*, живу-
щій почти на самомъ берегу въ
большомъ домѣ. Онъ показывалъ
намъ свое хозяйство, своихъ ко-
ровъ, своихъ лошадей и большой
плодовой садъ. Когда мы при-
шли къ нему въ домъ, онъ подчи-
валъ насъ прекрасными абрикосами

и хорошимъ краснымъ виномъ, не купленнымъ, а домашнимъ; между тѣмъ дочь его играла пріятно на клавесинѣ. Часовъ въ семь поплыли мы назадъ въ Цирихъ, и я имѣлъ удовольствіе видѣть снѣжныя горы, позлащаемыя заходящимъ солнцемъ, и наконецъ помраченныя густыми тѣнями вечера. Огни городскіе представляли намъ вдали прекрасную иллюминацію, и мы вышли на берегъ въ исходѣ десятаго часа. Мнѣ оспавалось только благодарить Архидіакона Тоблера, Господина Т* и дочерей его за всѣ тѣ удовольствія, которыми я наслаждался сегодня въ ихъ обществѣ. — —

Въ Цирихѣ есть такъ называемая *дѣвчья школа* (Töchter-Schule), которая достойна вниманія всѣхъ, пріѣзжающихъ въ сей городъ. Въ ней безденежно учатся 60 мо-

лодыхъ двѣшекъ (опѣ двѣнадцати до шеснадцати лѣтъ) чипашъ, писашъ, ариѣметикѣ, морали и экономіи: то еспѣ, пригошовляюща бытъ хорошими хозяйками, супругами и маперьми. Пріятно видѣтъ вмѣстѣ сполько молодыхъ, опрятно и чиспо одѣтыхъ красавицъ, копорыя учаша въ пишинѣ и съ великою прилѣжноспію, подѣ надзираніемъ благодѣтельныхъ учительницъ, обходящихся съ ними кропко и ласково. Тутѣ дочь богатѣйшаго Цирихскаго гражданина сидитѣ подлѣ дочери бѣднаго сосѣда своего, и научается уважатѣ достоинство, а не богатство. — Сія благодѣтельная школа учреждена въ 1774 году Гм. Профессоромъ Устери, копорой, къ общему сожалѣнію своихъ согражданъ, умерѣ въ началѣ нынѣшняго лѣта.

Можетѣ бытъ ни въ какомъ другомъ Европейскомъ городѣ не найдете вы, друзья мои, такихъ

неиспорченныхъ нравовъ и такого благочестія, какъ въ Цирихѣ. Здѣсь-то еще строго наблюдающіяся законы супружеской вѣрности — и жена, которая осмѣлилась бы явно нарушить ихъ, сдѣлалась бы предметомъ общаго презрѣнія. Здѣсь мать почищаетъ воспитаніе дѣтей главнымъ своимъ упражненіемъ; а какъ и самые богатые изъ Цирихскихъ жителей не держатъ болѣе одной служанки, то всякая хозяйка находитъ для себя много дѣла въ домашней жизни, не угнещается праздноспію, матерью многихъ пороковъ, и рѣдко ходитъ въ гости. Театръ, балы, маскарады, клубы, великолѣпныя обѣды и ужины! въ здѣсь неизвѣстны. Иногда сходящаяся двѣ, три, четыре пріятельницы — разговариваютъ дружески — вмѣстѣ работаютъ, или читаютъ Геснера, Клоппшока, Томсона и другихъ Писателей и Поэтовъ, которые

не приводящѣ цѣломудрія въ краску. Рѣдко бывающѣ онѣ вмѣстѣ съ посторонними мущинами, а при чужестранцахъ спыдающагося говорить, думая, что Цирихской выговоръ прошивенъ ихъ ушамъ. Всѣ онѣ одѣваются просто, не думая о Французскихъ модахъ, и совсѣмъ не употребляютъ румянъ.—Мущины опправляютъ поутру дѣла свои: купецъ идетъ въ контору или въ лавку, Ученой садится читать или писать, художникъ берется за свою работу, и такъ далѣе. Въ полдень обѣдающѣ, а вечеру прогуливаются, или въ пріятельскихъ бесѣдахъ курятъ табакъ, пьютъ чай и кофе — купцы говорятъ о торговыхъ, Ученые объ ученыхъ дѣлахъ, и такимъ образомъ проводятъ время. Не знаю, продаются ли въ Цирихѣ карты; по крайней мѣрѣ въ нихъ здѣсь никогда не играютъ, и не знаютъ сего прекраснаго средства уби-

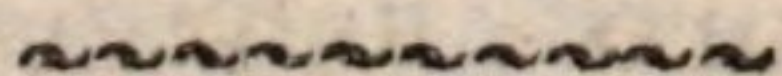
вашь время (проспите мнѣ эпопѣ Галлицизмѣ), средспва, которое въ другихъ земляхъ сдѣлалось почти необходимымъ.

Мудрые Цирихскіе законодате-
ли знали, что роскошь бываетъ
гробомъ вольности и добрыхъ нра-
вовъ, и постарались заградить ей
входъ въ свою Республику. Му-
щины не могутъ здѣсь носить ни
шелковаго, ни бархатнаго плаща,
а женщины ни брилліантовъ, ни
кружевъ; и даже въ самую холод-
ную зиму никто не смѣетъ на-
дѣть шубы, для того что мѣха
здѣсь очень дороги. Въ городѣ за-
прещено ѣздить въ каретахъ, и
поэтому здоровыя ноги здѣсь го-
раздо болѣе уважаются, нежели
въ другихъ мѣстахъ. Во внутрен-
ности домовъ не увидите вы ни-
какихъ богатыхъ уборовъ — все
просто и хорошо. Хотя чуже-
спранныя вина сюда привозятся,
однакожь ихъ позволено употребле-

ляпъ не иначе, какъ въ лекарство. Только думаю, что сей законъ не очень строго соблюдается. На прим. у Лафатера за споломъ пи-ли мы Малагу; но онъ взялъ ее можетъ быть изъ Апшеки, по предписанію своего Доктора Г*.

Я слыхалъ прежде, будто въ Швейцаріи жить дешево; теперь могу сказать, что это не правда, и что здѣсь все гораздо дороже, нежели въ Германіи: на прим. хлѣбъ, мясо, дрова, платье, обувь и прочія необходимости. Причина сей дороговизны есть богатство Швейцаровъ. Гдѣ богаты люди, тамъ дешевы деньги; гдѣ дешевы деньги, тамъ дороги вещи. Обѣдъ въ пракпирѣ стоить здѣсь во-семь гривенъ; то же самое пла-тилъ я въ Базелѣ и въ Шафгау-зенѣ. Правда, что въ Швейцар-скихъ пракпирахъ никогда не по-дають на столъ менѣе семи или осьми хорошо приготовленныхъ

блюдо, и попомъ десертъ на четырехъ или на пяти тарелкахъ.

Я всякой день бываю у Лафатера, обѣдаю у него, и хожу съ нимъ по вечерамъ прогуливаться. Онъ, кажется, любитъ меня; ласкаетъ и спрашиваетъ иногда о подробностяхъ жизни моей, позволяя и мнѣ предлагать ему разные вопросы, а особливо на письмѣ. Въ примѣръ переведу вамъ отвѣтъ его на одинъ изъ моихъ вопросовъ. Вопросъ: „Какая есть всеобщая цѣль бытія нашего, равно *достижимая* (*) для мудрыхъ и слабоумныхъ?“ — Отвѣтъ: „Бытіе есть цѣль бытія. — Чувство и радость бытія (*Daseyns-frohheit*) есть цѣль всего, чего мы искать можемъ. Мудрой и

(*) То есть, до которой достигнуть можно. Я осмѣлился по аналогіи употребить это слово.

„слабоумной ищущъ только
 „средствъ наслаждаться бытіемъ
 „своимъ, или чувствоватъ его —
 „ищущъ того, черезъ что они са-
 „михъ себя сильнѣе ощутишь мо-
 „гутъ. — Всякое *чувство* и всякой
 „предметъ, постигаемой копо-
 „рымъ нибудь изъ нашихъ чувствъ,
 „суть прибавленія (Beiträge) на-
 „шего самочувствования (Selbst-
 „gefühles); чѣмъ болѣе самочув-
 „ствования, тѣмъ болѣе блажен-
 „ства. — Какъ различны наши ор-
 „ганизациі или образованія, такъ
 „же различны и наши потребности
 „снѣ въ *средствахъ* и *предметахъ*,
 „которыя новымъ образомъ даютъ
 „намъ чувствоватъ наше бытіе,
 „наши силы, нашу жизнь. — Му-
 „дрой отличается отъ слабоум-
 „наго только средствами само-
 „чувствования. Чѣмъ простѣе, вез-
 „дѣсущнѣе, всенасладительнѣе,
 „постояннѣе и благодѣтельнѣе
 „есть средство или предметъ, въ

„копоромѣ или черезѣ копорой
 „мы сильнѣе сущеспвуемѣ, пѣмѣ
 „сущеспвеннѣе (exister) мы са-
 „ми, пѣмѣ вѣрнѣе и радоспнѣе
 „бытіе наше — пѣмѣ мы мудрѣе,
 „свободнѣе, любящѣе (liebender),
 „любимѣе, живущѣе, оживляющѣе,
 „блаженнѣе, челоѣчнѣе, боже-
 „спвеннѣе, съ цѣлію бытія наше-
 „го сообразнѣе. — Исслѣдуйте
 „почно, черезѣ что и вѣ чемѣ вы
 „пріятнѣе или пверже сущеспвуе-
 „те? Что вамѣ доставляетѣ бо-
 „лѣе наслажденія — разумѣетсѣ
 „такого, копорое никогда не мо-
 „жетѣ причинитѣ раскаянія—ко-
 „порое всегда съ спокойспвіемѣ и
 „внутреннею свободою духа мо-
 „жетѣ и должно бытѣ снова же-
 „лаемо? Чѣмѣ достойнѣе и сущес-
 „спвеннѣе избираемое вами сред-
 „ство, пѣмѣ достойнѣе и сущес-
 „спвеннѣе вы сами; чѣмѣ сущес-
 „спвеннѣе вы дѣлаетсѣ — по-
 „есть, чѣмѣ сильнѣе, вѣрнѣе и

„радостнѣе существованіе ваше
 „— шѣмѣ болѣе приближаетесь
 „вы ко всеобщей и особой цѣ-
 „ли бытія вашего. Отношеніе
 „(Anwendung) и изслѣдованіе се-
 „го положенія (отношеніе и из-
 „слѣдованіе есть одно) покажетъ
 „вамъ истину, или (что опять все
 „одно) всеобщность онаго. Ци-
 „рихъ, въ четвертокъ ввечеру, 20
 „Августа 1789. Іоаннъ Каспаръ
 „Лафатеръ.“ Каковъ вамъ кажет-
 ся сей отвѣтъ, друзья мои? Вы
 конечно не подумаете, чтобы я въ
 самомъ дѣлѣ надѣялся свѣдать
 отъ Лафатера цѣль бытія наше-
 го; мнѣ хотѣлось только узнать,
 что онъ можетъ о томъ сказать.
 Такимъ образомъ всякое упро-
 прихожу къ нему съ какимъ ни-
 будь вопросомъ. Онъ причесъ мою
 бумажку въ карманъ, и ввечеру
 отдаетъ мнѣ отвѣтъ, на ней же
 написанной, — оставляя у себя
 копію. Я увѣренъ, что все это

будетъ напечатано въ ежемѣсячномъ его сочиненіи, которое съ новаго года должно выходить въ Берлинѣ, подъ пипуломъ: *отвѣты на вопросы моихъ пріятелей* (*).

(*) Я угадалъ, — и первая піеса, напечатанная въ семъ ежемѣсячномъ сочиненіи, есть отвѣтъ на мой вопросъ о цѣли бытія. Берлинскимъ Рецензентамъ показалось забавно: *die constante, solideste, sutenabelste existenz* — или: *Daseyn ist der Zweck des Daseyns*, — — и проч. „Г. К* (говоришь Рецензентъ во Всеобщей Нѣмецкой Библіотекѣ) конечно больше нашего знакомъ съ игрою Лафатеровыхъ мыслей; ему оставляемъ мы разумѣть сіе изъясненіе цѣли бытія нашего.“ — Мнѣ кажется, что мысли Лафатеровы (не смотря на насмѣшки остроумныхъ Берлинцевъ) и понятны и справедливы, и даже весьма обыкновенны; здѣсь можно назвать новыми только одни выраженія. Но Г. Аделунгъ конечно имѣетъ причину жаловаться, что

Лафатеръ намѣренъ еще издавать, также съ будущаго года, *Библіотеку для друзей*, гдѣ будутъ помѣщаемы такія піесы, копорыхъ онъ, по какимъ нибудь причинамъ, не хочетъ сообщитъ публикѣ. Только пріятели его могутъ получать сію Библіотеку; и хотя она будетъ печатная, однакожь они обязываются считаться за манускриптъ.

По сіе время Лафатеровы сочиненія составляютъ около пятидесяти томовъ; если онъ проживетъ еще лѣтъ двадцать, то это число можетъ вдвое умножиться. За всѣмъ тѣмъ, по его словамъ, сочиненіе есть для него не работа, а отдыхъ.

Сверхъ того, что Лафатеръ пишетъ для публики и для пріятелей, ведетъ онъ журналъ жи-

Лафатеръ не всегда думаетъ о чистотѣ Нѣмецкаго слога.

зни своей, который есть тайна и для самых друзей его, и который останется в наследство его сыну. Тутъ описываетъ онъ всѣ свои важнѣйшіе опыты, сокровенныя связи съ нѣкоторыми людьми, свои надежды, радости и печали. — Вѣроятно, что въ сихъ запискахъ много интереснаго — и я почти увѣренъ, что онъ со временемъ будетъ напечатанъ — если не для меня и не для васъ, то по крайней мѣрѣ для друзей ваших, друзья мои. Девятой-надесять вѣкъ! сколько въ немъ откроется такого, что теперь считается тайною!

Разъ при былъ я у почтеннаго старика Тоблера, и провелъ у него часовъ пять или шесть, весьма пріятныхъ. Онъ такъ много рассказывалъ мнѣ о покойномъ Бодмерѣ и Швейцарскомъ Теокрипѣ! „Геснеръ украсилъ весну жизни „моей (говоритъ онъ) — и во всѣхъ „пріятныхъ сценахъ моей юности,

„о которыхъ теперь съ удоволь-
 „ствіемъ воспоминаю, вижу его
 „передъ собою. Часто проводили
 „мы вмѣстѣ длинные зимніе ве-
 „чера въ чтеніи Поэтовъ; и почти
 „всегда, когда я приходилъ къ
 „нему, встрѣчалъ онъ меня съ ка-
 „кою нибудь пріятною новостію,
 „имѣ сочиненною. Домъ его былъ
 „Академіею изящной Литтерату-
 „ры и Искусства — Академіею,
 „какой Государи основаць не мо-
 „гутъ.“ Вы знаете, что Геснеръ
 посвятилъ своего Дафниса одной
 дѣвицѣ; но не знаете, можетъ
 быть, что эта дѣвица была дочь
 Г. Гейдеггера, Цирихскаго Сена-
 тора, и что творецъ Дафниса
 скоро послѣ того женился на ней,
 и жилъ съ нею всегда какъ любов-
 никъ съ любовницею. — По любви
 къ человѣчеству, прискорбно было
 мнѣ слышать, что Геснеръ не
 могъ терпѣть Лафатера, и не
 смотря на всѣ старанія общихъ

друзей ихъ, никогда не хотѣлъ съ нимъ помириться. Тѣмъ болѣе чести Лафатеру, что онъ, по смерти Геснеровой, сочинилъ ему похвальные стихи!

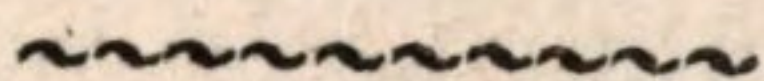
Съ Профессоромъ Мейстеромъ, — братомъ того Мейстера, которой написалъ на Французскомъ языкѣ извѣстную книгу *о естественной Морали*, и которой, будучи выгнанъ изъ Цириха за одно смѣлое сочиненіе, живетъ теперь въ Парижѣ — видѣлся я только одинъ разъ. Наружность его не очень привлекательна, однакожь обхожденіе его весьма пріятно. Онъ говоритъ почти такъ же хорошо, какъ пишетъ. Я съ удовольствіемъ читалъ нѣкоторыя изъ его сочиненій (*Kleine Reisen* и *Characteristik deutscher Dichter*), и поблагодарилъ его за это удовольствіе.

Въ нынѣшній вечеръ наслаждался я великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Около двухъ часовъ продолжалась ужасная гроза. Еспѣли бы вы видѣли, какъ пурпуровыя и золотыя молніи вились по хребтамъ горъ, при страшной канонадѣ неба! Казалось, что небесной Громовержецъ хотѣлъ превратить въ пепелъ сіи гордыя вышины; но онѣ стояли, и рука Его упомилась — громы умолкли, и шихая луна сквозь облака проглянула.

Въ Цирихскомъ Кантонѣ считается около 180000 жителей, а въ городѣ около 10000; но только двѣ тысячи имѣютъ право гражданства, избираютъ судей, участвуютъ въ правленіи и производятъ торгъ; всѣ прочіе лишены сей выгоды. Изъ тридцати цеховъ, на копорые раздѣлены граждане, одинъ называется главнымъ или дворянскимъ, имѣя передъ други-

ми по преимуществу, что изъ него выбирается въ члены верховнаго Совѣта осьмнадцать чело-вѣкъ,—изъ прочихъ же только по двѣнадцати. Сему Совѣту принад-лежитъ законодательная власть; а гражданскія и уголовныя дѣла судитъ такъ называемой *малой Совѣтъ*, или Сенатъ (состоящій изъ 40 членовъ и двухъ Бургомиспровъ), для котораго избирается особенно изъ cadaго цеха по ше-спи чело-вѣкъ; они называются Се-напорами, и всякой годъ смѣня-ются. Кому двадцать лѣтъ опъ роду, тотъ имѣетъ уже голосъ въ Республикѣ, то есть, можетъ избирать въ судьи; въ тридцать лѣтъ можно быть членомъ верховнаго Совѣта, а въ тридцать пять Сенапоромъ, или членомъ малаго Совѣта. Цирихской жительство, имѣющій право гражданства, такъ же гордится имъ, какъ Царь сво-ею короною. Уже болѣе 150 лѣтъ

никшо не получалъ сего права ;
однакожь его хотѣли дать Клоп-
шпоку, съ тѣмъ условіемъ, чтобы
онъ навсегда оспался въ Цирихѣ. —

Въ Субботу ввечеру Лафатеръ
запворається въ своемъ кабинетѣ
для сочиненія проповѣди — и че-
резъ часъ бываетъ она готова.
Правда, естли онъ говоритъ все
такія проповѣди, какую я нынѣ
слышалъ, то ихъ сочинять не
трудно. *Спаситель снялъ съ насъ*
бремя грѣховъ: и такъ будемъ бла-
годарить Его — сіи мысли, выра-
женныя различнымъ образомъ, со-
ставляли содержаніе всего поуче-
нія. Одни восклицанія, одна де-
кламація, и болѣе ничего! Призна-
юсь, что я ожидалъ чего нибудь
лучшаго. Вы скажете, что съ на-
родомъ такъ говоритъ надобно ;
но Лавренцій Спернъ говорилъ съ
народомъ, говорилъ просто, и про-
галъ сердце — мое и ваше. Видѣ,

сѣ какимъ проповѣдуетъ Лафатеръ, мнѣ понравился.

Цюрихскіе проповѣдники являющіеся на кафедрахъ въ какихъ-то спранныхъ черныхъ *шушунахъ*, сѣ большими бѣлыми и жестко-накрухмаленными крагенами. Обыкновенно же ходятъ они въ черныхъ или темныхъ кафтанахъ. Лафатеръ носитъ на головѣ черную бархатную скуфейку — но только онъ одинъ. Не для того ли почли его тайнымъ Каполикомъ ?

Когда въ церкви поютъ псалмы, мужчины стоятъ безъ шляпъ; когда же начинается проповѣдь, всѣ садятся, надѣвая шляпы, молчатъ и слушаютъ. — —

Я познакомился на сихъ дняхъ сѣ двумя молодыми соотечественниками моего пріятеля Б*: сѣ Графомъ М* и Господиномъ Баг*. Сей послѣдній сочинилъ на Датскомъ языкѣ двѣ большія Оперы, копо-

рыя опмѣнно полюбились Коппен-
 гагенской Публикѣ, а наконецъ бы-
 ли причиною того, что Авторъ
 лишился спокойствія и здоровья.
 Вы удивитесь; но путь нѣтъ
 ничего чуднаго. Зависть вооружи-
 ла противъ него многихъ Писате-
 лей; они вздумали увѣрять пуб-
 лику, что Оперы Господина Баг*
 ни къ чему не годятся. Молодой
 Авторъ защищался съ жаромъ; но
 онъ былъ одинъ въ полѣ непріа-
 телей. Въ газетахъ, въ журналахъ,
 въ комедіяхъ — однимъ словомъ,
 вездѣ его бранили. Нѣсколько мѣ-
 сяцовъ онъ собранивался; нако-
 нецъ почувствовалъ истощеніе
 силъ своихъ, съ больною грудью
 оставилъ мѣсто боя, и уѣхалъ въ
 Пирмонтъ къ водамъ, откуда Док-
 торъ прислалъ его въ Швейцарію
 лечиться горнымъ воздухомъ. Мо-
 лодой Графъ М*, учившійся въ
 Геттингенѣ, согласился вмѣстѣ
 съ нимъ путешествовать. Оба они

познакомились съ Лафатеромъ, и полюбились ему своею живоспію. И попъ и другой любипъ аханье и восклицанія. Графъ бьепъ себя по лбу и спучипъ ногами, а Поэпъ Баг* складываепъ руки крестомъ и смоприпъ на небо, когда Лафатеръ говорипъ о чемъ нибудь съ жаромъ. Нынѣ или завпра уѣдупъ они въ Луцернъ; любезной мой пріяпель Б* ѣдепъ съ ними же.

Цюрихъ, 26 Августа.

Наконецъ думаю ѣхатъ изъ Цюриха, проживъ здѣсь 16 дней. Нынѣ въ послѣдній разъ обѣдалъ я у Лафатера, и въ послѣдній разъ писалъ подъ его диктапурою (Подъ диктапурою? Точно — и учпивой Лафатеръ хопѣлъ увѣрипъ меня, будпо я пишу по-Нѣмецки не очень худо). Въ послѣдній разъ

ходилъ по берегу Лиммашы — и шумное печеніе сей рѣки никогда не приводило меня въ такую меланхолію, какъ нынѣ. Я сѣлъ на лавкѣ подѣ высокою липою, прошивъ самого того мѣста, гдѣ скоро поставленъ будетъ монументъ Геснеру. Томъ его сочиненій былъ у меня въ карманѣ (какъ пріятно читашь здѣсь всѣ его несравненныя Идилліи и Поэмы, читашь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ сочинялъ ихъ!) — я вынулъ его, развернулъ, и слѣдующія строки попались мнѣ въ глаза: „Попомство справедливо
 „читашь урну съ пепломъ Пѣсно-
 „пѣвца, котораго Музы себѣ по-
 „святили, да читашь онъ смерт-
 „ныхъ добродѣтели и невинности.
 „Слава его, вѣчно юная, живетъ и
 „погда, когда профеи завоевате-
 „ля гниютъ во прахъ, и великолѣп-
 „ный памятникъ недостойнаго
 „Владѣтеля среди пустыни зарос-
 „стаетъ дикимъ терновымъ ку-

„спарникомъ и сѣдымъ мхомъ, на
 „копоромъ иногда опдыхаетъ за-
 „блудшійся странникъ. Хотя,
 „по закону Напуры, не многіе мо-
 „гутъ достигнуть до сего вели-
 „чія, однако жъ похвально спре-
 „митъся къ оному. Уединенная
 „прогулка моя и каждый уединен-
 „ный часъ мой да будутъ посвя-
 „щены сему стремленію!“ Еооб-
 разите, друзья мои, съ какимъ чув-
 ствомъ я долженъ былъ чипатьъ
 сіе, въ двухъ шагахъ отъ того мѣ-
 ста, гдѣ Напура и Поэзія въ вѣч-
 номъ безмолвіи будутъ лишь сле-
 зы на урну незабвеннаго Гесне-
 ра (*). Не его ли посвящали Музы
 въ училищѣ невинности и добро-
 дѣтели? Не его ли слава, вѣчно
 юная, жить будетъ и тогда, когда

(*) На монументѣ Геснеровомъ изобра-
 жены Поэзія и Напура въ видѣ двухъ
 прекрасныхъ женщинъ, плачущихъ
 надъ урною.

профеи завоевателей исплабують во прахъ? Предчувствіемъ безсмертія наполнялось сердце его, когда онъ магическимъ перомъ своимъ писалъ сіи строки.

Рука времени, все разрушающая, разрушитъ нѣкогда и городъ, въ которомъ жилъ Пѣснопѣвецъ, и въ печеніе сполѣтій загладитъ развалины Цириха; но цвѣты Геснеровыхъ пвореній не увянутъ до вѣчносши, и благовоніе ихъ будетъ изъ вѣка въ вѣкъ переливаться, улаждая всякое сердце.

Друзья мои! писателямъ открыты многіе пути ко славі, и безчисленны вѣнцы безсмертія; многихъ хвалитъ попомсво — но всѣхъ ли съ одинакимъ жаромъ?

О вы, одаренные отъ Природы пворческимъ духомъ! пишите, и ваше имя будетъ незабвенно; но еспьли хошите заслужитъ любовь попомсва, то пишите такъ, какъ писалъ Геснеръ — да будетъ

перо ваше посвящено добродѣтели
и невинности!

Баденъ.

Нынѣ поупру выѣхалъ я изъ
Цириха. Лафатеръ не хотѣлъ про-
щаться со мною навсегда, говоря,
что я непременно долженъ въ
другой разъ пріѣхать на берегъ
Лиммапы. Онъ далъ мнѣ одиннад-
цать рекомендабельныхъ писемъ
въ разные города Швейцаріи, и у-
увѣрилъ меня въ неперемѣнности
своего дружелюбнаго ко мнѣ распо-
ложенія. Старикъ Тоблеръ про-
спился со мною до радостнаго
свиданія въ поляхъ вѣчности, ко-
торая есть любимый предметъ
упреннихъ и вечернихъ его раз-
мышленій. —

На каждой верстѣ отъ Цириха
до Бадена встрѣчались мнѣ коля-
ски и кареты, изъ которыхъ вы-

глядывали Англійскія, Нѣмецкія и Французскія лица. Опѣ Іюня до Октябрю мѣсяца Швейцарія бываетъ наполнена пупешеспвенниками, копорые пріѣзжаютъ сюда наслаждаться Природою.

Наконецъ видѣлъ я въ Швейцаріи нѣчто такое, что мнѣ очень не полюбилось. Почти безпре-
спанно подбѣгали къ коляскѣ моей ребятишки и пребывали подая-
нія. Не слушая отказа, бѣжали они за мною, кричали и разнымъ образомъ дурачились: одинъ спавился вверхъ ногами, другой кривлялся, прешій игралъ на дудкѣ, четвертой прыгалъ на одной ногѣ, пятой надѣвалъ на себя бумажную шапку, въ аршинъ вышиною, и проч. и проч. Не нужда заставляеиъ ихъ просить милоспыни; имъ нравиися только сей легкой способъ получать деньги. — Жаль, что опцы и мапери не унимаютъ ихъ! Маленькіе шалуны

могутъ со временемъ сдѣлаться большими — могутъ распространить въ своемъ опечесствѣ опасную моральную болѣзнь, отъ которой рано или поздно умираетъ свобода въ Республикахъ. Тогда, любезные Швейцары, не поможетеъ вамъ бальзамической воздухъ горъ и долинъ вашихъ — увянетъ краса нѣжной богини, и слезы ваши не оживятъ хладнаго прупа.

Въ Баденѣ остановился мой кучеръ кормить лошадей. Сей городокъ, спѣсненной со всѣхъ споровъ высокими горами, находящися подъ начальствомъ Цирихскаго, Бернскаго и Гларусскаго Кантоновъ, и славенъ своими цѣлебными шеплицами, копорыя были извѣстны Римлянамъ подъ именемъ *Гельветскихъ водъ* (Aquæ Helveticæ). Отъ города будетъ до нихъ не болѣе 300 шаговъ, и я поспѣшъ пошелъ туда. Два колодезя — самые ближайшіе къ главному испо-

чнику, и пошому самыя дѣйстви-
 тельнѣйшіе—бывающѣ всегда оп-
 крышы для бѣдныхъ. Въ нихъ си-
 дѣли при мнѣ человекѣ двадцать,
 опускась въ воду по горло; блѣд-
 ныя и желтыя лица ихъ показы-
 вали, что они не для забавы поль-
 зующся водами. Въ практирахъ,
 которыхъ штукъ очень много, сдѣ-
 ланы разныя бани, гдѣ моются
 больные и здоровые, плаща за то
 бездѣлку. Вода сносно горяча, и
 пахнетъ сѣрою. Она проведена съ
 другой стороны Лиммапы (кото-
 рая печенѣ здѣсь между горъ съ
 ужасною быспропой) и труба и-
 дещъ подѣ рѣкою. — Мнѣ связы-
 вали, что иногда бываетъ у водѣ
 до осьми сотѣ прѣзжихъ.

Женщины носятъ здѣсь на го-
 ловахъ предлинныя рога, опѣ чего
 всѣ онѣ кажутся похожими на
 Сапировѣ. — Въ Швейцарскихъ го-
 родахъ (по крайней мѣрѣ въ нѣхъ,
 въ которыхъ я былъ) почти на

всякомъ домѣ видите вы надписи, иногда опмѣнно глупыя и смѣшныя. На прим. надъ домомъ одного Баденскаго горшечника написано: Dies Haus der liebe Gott behüt; hier ist Hafner Geschirr aufs Feuer, und glüht (*сей домъ Господь да сохранитъ! здѣсь глиняная посуда на огнѣ горитъ*) — а надъ другимъ: Behüt uns Herr für Feuer und Brand, denn dies Haus wird zum geduldigen Schaaf genannt (*сохрани насъ Господь отъ пожара ногою порою: ибо сей домъ называется терпѣливою овцою*). Но что скажете вы о слѣдующихъ двухъ надписяхъ, замѣченныхъ однимъ Нѣмецкимъ путешественникомъ въ Базелѣ и въ Шафгаузенѣ? Первая: ihr Menschen thut Buss, denn dies Haus heist zum Rindsfuss (*о человѣки! покайтесь душою, ибо сей домъ называется бычьею ногою*) — а вторая: Auf Gott deine Hoffnung bau, denn dies Haus

heist zur schwarzen Sau (*на Бога уповай ты мыслію своею , ибо сей домъ называется терною свиньею*).
 Друзья мои! въ вольной землѣ всякой воленѣ дурачипься, и писапъ, чпо ему угодно. Всякой желаепѣ оспавляпъ по себѣ памяпники — и сочинипели сихѣ надписей, конечно ничего болѣе въ жизнь свою не сочинявшіе, хотѣли въ риѣмахѣ своихѣ наслаждапъя безсмертіемѣ. Внукѣ чпипѣ произведепіе дѣдушкина ума, и надпись изѣ вѣка въ вѣкѣ переходипѣ. — Поселяне Швейцарскіе любяпѣ расписывапъ свои дома разными красками и фигурами; по большой часпи изображаюпъя пупѣ древніе Герои Швейцаріи и славные ихѣ подвиги; иногда же гербы Кантоновѣ сѣ сею надписью: Als Demuth weint', und Hochmuth lacht', da ward der Schweizer-Bund gemacht (*т. е. когда смиреніе проливало слезы и гордость смѣялась,*

тогда заключился союзъ Швейцаровъ).

Арау, въ 8 часовъ вечера.

Я проѣхалъ нынѣ мимо развалинъ Габсбурга. Вы знаете, любезные друзья мои, что въ семъ замкѣ жили нѣкогда Габсбургскіе Графы, отъ которыхъ произошелъ Австрійской Домъ — и по тому легко можете угадать, съ какими мыслями смотрѣлъ я на почтенныя развалины древнихъ башенъ, откуда храбрые Рудольфовы предки поражали враговъ своихъ. — Тутъ живетъ нынѣ спорожъ, который въ случаѣ пожара даетъ сигналъ окружнымъ деревнямъ, стрѣляя изъ ружья.

Мѣста и дороги въ Бернскомъ Кантонѣ лучше, нежели въ Цирихскомъ. Ничего не можетъ быть

прекраснѣе здѣшнихъ луговъ, обсаженныхъ плодовиными деревьями, и пересѣкаемыхъ многими ручейками, которые то соединяются, то опять на разные рукава раздѣляются, и образуя водной, запутанной лабиринтъ. Тамъ видны алеи, самою Природою насажденные; здѣсь густые лѣсочки, прохладу спранныкамъ обѣщающіе.—Въ деревняхъ находите вы порядокъ и чистоту. Всѣ крестьянскіе дома покрыты соломой, и раздѣляются обыкновенно на двѣ половины: одна состоитъ изъ двухъ горницъ и кухни, а другая изъ сѣннаго магазина, жипницъ и хлѣвовъ. Не увидите вы здѣсь ничего гніющаго, непочиненнаго; во всемъ соблюдена удобность, и все необходимое въ изобиліи и совершенствѣ. Сіе, можно сказать, цвѣтущее состояніе Швейцарскихъ земледѣльцевъ происходитъ наиболѣе отъ того,

что они не плащяшѣ почти никакихъ подашей, и живушѣ въ совершенной свободѣ и независимости, отдавая Правленію только десятую часть изъ собираемыхъ ими полевыхъ плодовъ. Хотя между ими есть такіе, которые имѣюшѣ по пятидесяти тысячъ рублей капишалу, однакожь всѣ они одѣваются очень просто, и лѣтомъ ходяшѣ обыкновенно въ камзолахъ изъ полспаго полотна; а въ праздники надѣваюшѣ суконные кафтаны, по большой части синіе или дикіе. Женщины носятѣ желтые соломенные шляпы, красные спамедные корсеты съ крючками, и юпки темнаго цвѣта; а волосы заплетаютѣ въ косы. Шею свою покрываютѣ бѣлою косынкою, перевязывая ее черною бархатною лентою. —

Я нанялъ кучера только до Арау, маленькаго, изрядно-выспроеннаго городка въ Бернскомъ Кан-

понѣ. Въ ожиданіи Базельскаго *дилижанса* (въ копоромѣ хочу ѣхашь до Берна, и котораго ожидаюшѣ сюда къ девяти часамѣ) велѣлъ я приготовить себѣ ужинѣ.

Бернѣ, 28 Августа.

Нынѣ рано поушру приѣхалѣ я въ Бернѣ, и съ прудомѣ могѣ найти для себя комнапу въ шпакпирѣ *вѣнца*: такѣ много здѣсь приѣзжихѣ! Одѣвшись, пошелѣ я къ молодому Докшору Ренггеру, копорой, по Лафатеровой рекомендаціи, принялъ меня очень ласково; и какѣ мнѣ прежде всего хотѣлось побродить по городу, то онѣ вызвался бытъ моимѣ путешеводителемѣ.

Бернѣ есть хошя спаринной, однакожѣ очень красивой городѣ. Улицы прямы, широки и хорошо вымощены; а въ срединѣ проведе-

ны глубокіе каналы, въ которыхъ съ шумомъ течетъ вода, уносящая съ собою всю нечистоту изъ города, и сверхъ того весьма полезная въ случаѣ пожара. Дома почти всѣ одинакіе: построены изъ бѣлаго камня, въ три этажа, и представляють глазамъ образъ равенства въ состояніи жилищей, не такъ, какъ въ иныхъ большихъ городахъ Европы, гдѣ часто низкая хижина преклоняется къ землѣ подъ тѣнію колоссальныхъ палатъ. Всего болѣе полюбились мнѣ въ Бернѣ аркады подъ домами, столь удобные для пѣшеходцовъ, которые въ сихъ покрытыхъ галереяхъ никакого ненастья не боясь.

Мы были въ здѣшнемъ Сиротскомъ домѣ, гдѣ нашелъ я удивительную чистоту и порядокъ. Въ самомъ дѣлѣ тутъ не много сиротъ, а болѣе пансіонеровъ, которые за небольшую сумму денегъ

учапся и хорошо содержапся вѣ семѣ домѣ. Опшуда пошли мы вѣ публичную Библіотеку. На прекрасномѣ маленькомѣ лужкѣ, между домовѣ, увидѣлѣ я прикованнаго медвѣдя, копорому мимоходящіе бросали хлѣбѣ и прочее, что онѣ ѣспѣ могѣ. Докпорѣ Ренггерѣ сказалѣ мнѣ, что вѣ Бернѣ всегда держапѣ живаго медвѣдя, копорой еспѣ гербѣ сего Кантона; что имя *Бернѣ* произошло отѣ Нѣмецкаго слова *Берѣ* (что еспѣ *медвѣдь*); что Герцогѣ Церингенской, начавѣ спроишѣ эшопѣ городѣ, поѣхалѣ на ловлю, и положилѣ назвапѣ его именемѣ перваго заправленнаго звѣря; что онѣ заправилѣ медвѣдя, и попому назвалѣ городѣ *Беромѣ*, имя, копорое послѣ преврапилося вѣ *Бернѣ*. — Вѣ Библіотекѣ видѣлѣ я много хорошихѣ книгѣ и нѣсколько изрядныхѣ картинѣ; но всего болѣе занималѣ меня *рельефѣ*, предсшав-

ляющій частъ Альпійскихъ горъ, и почто шѣхъ, на которыхъ я дни черезъ при бытъ надѣюсь. Тутъ видны сіи горы въ подлинныхъ своихъ фигурахъ, долины, озера, деревни, хижины, и даже маленькія дорожки. Но *рельефъ* Генерала Пфиффера, Луцернского гражданина, долженъ бытъ еще гораздо превосходнѣе. Сей человекъ съ удивительною неупомимоспію спрансповалъ по горамъ, срисовывалъ ихъ — снималъ мѣры — и все сіе представилъ попомъ въ маломъ видѣ съ величайшею точностію. Два раза былъ онъ захваченъ горными жишелями какъ шпіонъ, и наконецъ для безопасности своєї мѣрилъ горы по ночамъ при лунномъ сіяніи, скрываясь отъ людей и вода съ собою двухъ козъ, которыхъ молоко составляло всю его пищу.

Изъ Библіотеки прошелъ я на славную террасу, или гульбище

подлѣ кафедральной церкви, гдѣ, подлѣ пѣнію древнихъ каштановыхъ деревъ, въ самой жаркой полдень можно наслаждаться прохладой, и откуда видна цѣпь высочайшихъ снѣжныхъ горъ, копорыя, будучи освѣщаемы солнцемъ, представляются въ видѣ понкихъ, красноватыхъ облаковъ. Сія терраса, складенная человѣческими руками, вышиною будетъ въ шесть или въ семь сотъ футовъ. Внизу течетъ Ара, и съ великимъ шумомъ низвергается съ высокой плошины. Въ стѣнѣ, копорою обведено это гульбище, нашелъ я на камнѣ слѣдующую надпись: *Въ честь всемогущества и тудеснаго Божіа провидѣнія, и въ память потомству, положенъ сей камень, на томъ мѣстѣ, откуда Г. Теобольдъ Вейнценфли, Студентъ, 25 Мая 1654 года упалъ съ лошади, и потомъ, бывъ 30 лѣтъ Священникомъ церкви въ Керцерѣ, въ глубокой ста-*

рости блаженно скончался 25 Ноября 1694 года. Хопя иному чудно покажется, что человекъ, упавъ съ такой вышины, могъ живъ оспаться; однако жъ это происшествіе, по увѣренію Бернскихъ жителей, не подвержено никакому сомнѣнію. Сказываютъ, что на Спуденѣ былъ тогда широкой плащъ, копорой, захвативъ подъ себя много воздуха, удерживалъ его въ паденіи, и не далъ ему сильно удариться объ землю.

Послѣ обѣда былъ я у Проповѣдника Шпапфера, самаго добродушнаго Швейцара, и ввечеру ходилъ съ нимъ прогуливаться за городъ. Сидя въ бесѣдкѣ на возвышенномъ мѣстѣ, смопрѣли мы на горы, копорыхъ вершины пылали разноцвѣтными огнями. Тутъ понялъ я Галлеровъ стихъ: Und ein Gott ist's, der Berge Spitzen röthet mit Blitzen! (Богъ краситъ молніями вѣнцы горъ.) Между

пѣмѣ Шпапферѣ началъ говорить со мною, и мнѣ должно было на нѣсколько минутъ отъвертитъ глаза свои отъ сего прекраснаго зрѣлища. Когда же я опять взглянулъ на горы, увидѣлъ — вмѣсто розовыхъ и пурпуровыхъ огней — ужасную блѣдность. Солнце закапилось. Я былъ пораженъ сею скорою переменною, и готовъ былъ воскликнуть: *Такъ проходитъ слава міра сего! такъ увядаетъ роза юности! такъ угасаетъ свѣтильникъ жизни!* Мнѣ спало грустно — и мы тихими шагами возвратились въ городъ.

Нынѣ поутру былъ я у Проповѣдника Бишпенбаха, ученаго Напуралиста, копорой перевелъ на Нѣмецкой языкъ *Соссюрово путешествие по Швейцаріи*, выдалъ краткое наставленіе для путешествующихъ по Альпійскимъ горамъ, и сочиняетъ теперь опи-

саніе естественныхъ произведеній Швейцаріи. Хотя онъ не одного вкуса со мною, и никогда, по словамъ его, не читаетъ такихъ книгъ, которыя наполнены мечтами воображенія; и хотя въ любимыхъ его наукахъ я совершенной профанъ: однакожь мы нашли такую матерію для разговора, которая и для него и для меня была занимательна — а именно, мы говорили о Галлерѣ, которой былъ ему очень знакомъ. Между прочимъ сказывалъ онъ, что покойникъ, за два дни до смерти, не смотря на свою болѣзнь и слабость, съ великимъ любопытствомъ читалъ описаніе нѣкоторыхъ новыхъ физическихъ опытовъ, и иногда повѣрялъ ихъ. Такимъ образомъ самые послѣдніе часы жизни своей посвящалъ Галлеръ успѣхамъ наукъ, которыя любилъ онъ спрочно! — Вишпенбахъ, путешествуя всякой годъ по са-

мымъ опдаленнѣйшимъ горамъ, никогда еще не бывалъ въ Цирихѣ! „Я успѣю быть въ городахъ и тогда (говоритъ онъ), когда опъ спароспи не въ состояніи буду ходитъ по Альпамъ.“

На террасѣ вспрѣпился я нынѣ съ Графомъ д'Аршуа, копорой памъ прогуливался со многими знапными Французами. Онъ не дуренъ собою, и хочепъ показывапся веселымъ; но въ самыхъ его улыбкахъ видно спѣсненное сердце. Такія-по перемѣны бываюпъ въ жизни человѣческой! — Проживъ здѣсь недѣли двѣ въ загородномъ домѣ, ѣдепъ онъ теперь въ Ипалію, куда отправапся за нимъ и другіе эмигранты. *Щастливой путь!* говоряпъ Бернцы, копорые никакъ не рады были симъ незванымъ госпямъ.

Въ пракширѣ *вѣнца*, гдѣ я живу, не садипся за столъ менѣе придцапи челоѣкъ, Французовъ и Ан-

гличанѣ, между копорыми быва-
юшѣ жаркіе споры о теперешнихѣ
обспояшельспвахѣ Франціи.—Се-
годня за ужиномѣ бѣдной Италі-
янской музыкантѣ игралѣ на арфѣ
и пѣлѣ. Англичане набросали ему
цѣлую шарелку серебряныхѣ де-
негѣ, и хопѣли, чпобы онѣ раз-
сказалѣ намѣ свою испорію. *Слу-
шайте*, сказалѣ онѣ, и запѣлѣ:

Я вѣ бѣдности на свѣтѣ родился,
И вѣ бѣдности восмишанѣ былѣ;
Опца вѣ младенчествѣ лишился,
И вѣ свѣтѣ сиротою жилѣ.

Но богѣ, искусный вѣ пѣсноиѣньи,
Меня сиротку полюбилѣ;
Явился мнѣ во сновидѣньи,
И арфу съ ласкою вручилѣ;

Ошкрылѣ за шайну, какѣ струною
Сѣ сердцами можно говоришѣ,
И шомной, жалкою игрою
Всѣхѣ добрыхѣ вѣ жалость приводишѣ.

Я арфу взялъ — ударилъ въ струны;
Смотрю — и въ сердцѣ горя нѣтъ! . . .
Тому не надобно Фортуны,
Кто съ Фебомъ въ дружествѣ живетъ!

„Вопѣ вамъ моя испорія, государи мои! сказалъ онъ по-Французски (*): я спранспвую по свѣту, и вездѣ нахожу людей, умѣющихъ цѣнить таланты.“ *Браво! браво!* закричали Англичане, и бросили ему еще нѣсколько палетровъ. —

Завтра думаю отправишься къ Альпійскимъ горамъ. Чемоданъ свой оставлю здѣсь, а съ собою возьму только теплой серпукъ, половину бѣлья своего, записную книжку и карандашъ.

(*) Пѣсню пѣлъ онъ на Италіянскомъ языкѣ.

Тунъ, въ десять часовъ вечера.

Въ два часа по полудни выѣхалъ я изъ Берна, и въ шесть часовъ пріѣхалъ въ городокъ Тунъ, лежащій на берегу большого озера. Дорогою видѣлъ я вездѣ веселыхъ поселянъ, собирающихъ плоды съ богатыхъ полей своихъ. Между ими замѣтилъ я много такихъ, у которыхъ висѣли подъ бороною превеликіе зобы.

Здѣсь остановился я въ прак-тирѣ *Фрейгофъ*; заказавъ ужинъ, бродилъ по городу, и всходилъ на здѣшнюю высокую колокольню, откуда видны многія цѣпи горъ и все обширное Тунское озеро.

Завтра разбудилъ меня въ чепыре часа. Въ это время опхотилъ опсюда почтовая лодка, на которой переѣду я черезъ озеро.

Тунское озеро, 5 часовъ утра.

Темношаночи малопомалу исчезаешъ. Горы опкрываюпся минуша опъ минушы яснѣе. Все дымишся! Тонкія облака шумана носяпся во-кругъ нашей лодки. Влага проницаешъ сквозь мое плащье, и сонъ смыкаешъ глаза мои. Добродушной Швейцаръ подаешъ мнѣ черной мѣшокъ, копорой долженъ служишъ мнѣ вмѣсто пуховой подушки. Величеспвенная Напура! прости слабому! на нѣсколько часовъ опврацаешъ онъ взоръ свой опъ швоего великолѣпія.

Въ семь часовъ. По обѣимъ сторонамъ озера непрерывно продолжаются горы. Въ иныхъ мѣсцахъ покрышы онѣ виноградными садами, въ другихъ елями. Чиспые ручьи низпадаюшъ съ камней. Внизу дымишся хижины, жилища бѣдности, невѣжества и — можешъ бышъ — спокойствія. Вѣчная Пре-

мудрость! какое разнообразіе въ твоёмъ физическомъ и моральномъ мірѣ! —

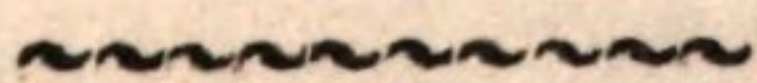
На сѣверной сторонѣ озера, въ пещерѣ высокой горы, гдѣ журчишь маленькой ручеекъ, провождалъ дни свои Св. Беапусъ, первѣйшій изъ Христіянъ въ Швейцаріи. Гора сія донынѣ называется его именемъ.

На южномъ берегу возвышается старой замокъ Шпицъ, копорой принадлежалъ нѣкогда Бубенбергской фамиліи, древнѣйшей и знашнѣйшей въ Бернской Республнкѣ. Многіе изъ Бубенберговъ оказали опечеспву важныя услуги, и пролили кровь свою для славы его. Послѣдними опраслями сего Дома были Леонардъ и Амалія, прекрасной юноша и прекрасная сеспра его. Всѣ благороднѣйшія фамиліи въ Бернѣ искали ихъ союза, и наконецъ, по нѣжной склонности сердца, Леонардъ женился на дѣ-

вицѣ Эрлахѣ, а сестра его вышла за брата ея. Бракосочетаніе ихъ совершилось въ одно время. Всѣ праздновали день сей, въ которой два первые Дома соединялись тѣснымъ союзомъ родства; всѣ радовались молодыми супругами, равно юными и равно прекрасными. Увеселенія свадебнаго торжества были безчисленны. Послѣ великолѣпнаго обѣда поѣхали новобрачные и всѣ госпи прогуливаясь въ лодкѣ по Тунскому озеру. Небо было ясно и чисто; легкой вѣтерокъ вѣяніемъ своимъ прохлаждалъ радостныхъ гребцовъ, и лобызалъ юныхъ красавицъ, играя ихъ волосами; мѣлкія волны плыли подъ лодкою, и журчаніемъ своимъ влияли помногу въ сердца супруговъ, которые съ нѣжнымъ препомомъ другъ ко другу прижимались и щещно хопѣли скрыпѣ во внутренности своей пламя любви, пылавшее на румяныхъ ще-

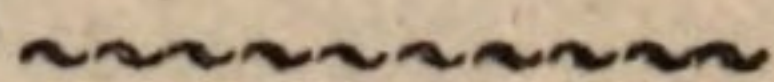
кахъ ихъ. Уже приближался вечеръ, и плаващели безпрестанно опъ береговъ удалялись. Солнце сѣло — и вдругъ, какъ будто бы изъ глубины ада, заревѣла буря; озеро спрашно взволновалось, и кормчій содрогнулся. Онъ хотѣлъ плыть къ берегу, но берегъ во мракѣ скрывался опъ глазъ его. Весла валились изъ рукъ обезсилѣвшихъ гребцовъ, и валъ за валомъ грозилъ поглотить лодку. Вообразите себѣ состояніе супруговъ! Сперва спарались они ободрять гребцовъ и кормчаго, и сами помогали имъ; но видя, что всѣ усилія ихъ оспающія щещными, и что гибель неизбежна, поручили судьбу свою Богу, обперли послѣднюю слезу о жизни, обнялись и дожидались смерти. Скоро громада волнъ обрушилась на лодку — и всѣ потонули, всѣ, кромѣ одного гребца, копорой щасливо доплылъ до берега, и принесъ вѣспъ

о погибели несчастныхъ. Такимъ образомъ пресѣкъся древній родъ Бубенберговъ, и замокъ ихъ достался въ наслѣдство Дому Эрлаховъ, копорой по сіе время считается знатнѣйшимъ въ Бернскомъ Кантонѣ.—Съ печальными мыслями разсмапривалъ я сей замокъ; вѣтеръ вѣялъ опѣ опустѣвшихъ стѣнъ его.

Унтерзеенъ, въ 10 часовъ. Приставъ къ берегу верспы за двѣ опсюда, шелъ я до Унтерзеена пріятною долиною, между луговъ и огородовъ. Снѣжныя горы кажутся здѣсь гораздо выше и ближе одна къ другой; я не видалъ уже полей съ хлѣбомъ, ни садовъ виноградныхъ; крестьянскія избы построены здѣсь опмѣннымъ образомъ, и самые люди имѣютъ въ лицахъ своихъ что-то особенное. — Я нанялъ теперь проводника, копорому извѣстенъ путь

по Альпійскимъ горамъ—и черезъ полчася пойду въ деревню Лаутербрунненъ, до которой считаешся опсюда около десяти верстъ.

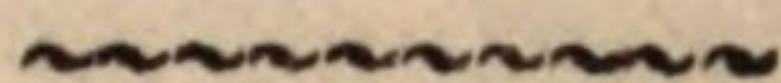

Лаутербрунненъ. Дорога отъ Унтерзеена до Лаутербруннена идетъ долиною между горъ подлѣ рѣчки Липшины, которая течетъ съ ужасною быспропою, съ пѣною и съ шумомъ, падая съ камня на камень. Я прошелъ мимо развалинъ замка Уншпуннена, за которымъ долина спановишся часъ опчасу уже, и наконецъ раздѣляется на двое: на лѣво идетъ дорога въ Гриндельвальдъ, а на право въ Лаутербрунненъ. Скоро открылась мнѣ сія послѣдняя деревенька, состоящая изъ разсѣянныхъ по долинѣ и по горѣ маленькихъ домиковъ.

Версты за двѣ не доходя до Лаутербруннена, увидѣлъ я такъ называемой *штауббахъ*, или ру-

чей, свергающійся съ вершины
 каменной горы, въ 900 футовъ
 вышиною. Въ семъ опдаленіи ка-
 жется онъ неподвижнымъ стол-
 бомъ млечной пѣны. Скорыми ша-
 гами приблизился я къ этому
 феномену, и разсмапривалъ его
 со всѣхъ сторонъ. Вода прямо ле-
 пилъ внизъ, почти не допроги-
 ваясь до ушеса горы, и разбива-
 ясь, пакъ сказать, въ воздушномъ
 пространствѣ, падаетъ на землю
 въ видѣ пыли, или тончайшаго
 серебрянаго дожда. Шаговъ на сто
 вокругъ разносяпся влажные брыз-
 ги, копорые въ нѣсколько минутъ
 промочили насквозь мое плаще.—
 Потомъ ходилъ я къ другому во-
 допаду, называемому *триммербахъ*,
 до котораго будетъ опсюда око-
 ло двухъ верспъ. Вода, прокопавъ
 огромную скалу, изъ внутренно-
 сти ея съ шумомъ падаетъ и
 спремилъ въ долину, гдѣ мало
 по малу упишая свою ярость, об-

разуеніѣ чистую рѣчку. Видѣ разсѣвшейся горы и шумное паденіе *триммербаха* соспавляюшѣ *дикую* красоту, плѣняющую любителей *Напуры*. Около часа пробылѣ я на семѣ мѣстѣ, сидя на возвышенномѣ камнѣ — и наконецѣ, въ великой усталости, возвратился въ *Лаупербрунненѣ*, гдѣ теперь отдыхаю въ *шракширѣ*.

Въ восемь часовѣ ветра. Свѣтлой мѣсяцѣ взошелѣ надѣ долиною. Я сижу на мягкой муравѣ, и смотрю, какѣ свѣтъ его разливается по горамѣ, осребряетѣ гранишныя скалы, возвышаетѣ густую зелень соснѣ, и блистаетѣ на вершинѣ *Юнгферы*, одной изѣ высочайшихѣ *Альпійскихѣ* горѣ, вѣчнымѣ льдомѣ покрытой. Два снѣжные холма, двѣческими грудямѣ подобныя, соспавляюшѣ ея корону. Ничто смертное къ нимѣ не прикасалося; самыя бури не могушѣ до нихѣ

возносишься ; одни солнечные и лунные лучи лобызають ихъ нѣжную округлость; вѣчное безмолвіе царствуетъ вокругъ ихъ — здѣсь конецъ земнаго творенія! — — Я смотрю , и не вижу выхода изъ сей узкой долины.

*Пастушья хижина на Альпійскихъ
горахъ, въ 9 часовъ утра.*

Въ четыре часа разбудилъ меня проводникъ мой. Я вооружился Геркулесовскою палицею — пошелъ — съ благоговѣніемъ спустилъ первый шагъ на Альпійскую гору, и съ бодростію началъ взбираться на крупизны. Утро было холодно ; но скоро почувствовалъ я жаръ , и скинулъ съ себя теплую серпукъ. Черезъ четверть часа усталость подкосила ноги мои — и по томъ каждую минуту надлежало мнѣ отдыхать. Кровь

моя волновалась такъ сильно, что мнѣ можно было слышать біеніе своего пульса. Я прошелъ мимо громады большихъ камней, копорые задесять лѣтъ передъ симъ свалились съ вершины горы, и могли бы превратитъ въ пыль цѣлой городъ. Почти безпрестанно слышалъ я глухой шумъ, происходящій отъ капящагося съ горъ снѣга. Горе тому несчастному страннику, копорой вспрѣпшся симъ падающимъ снѣжнымъ кучамъ! Смерть его неизбѣжна. — Болѣе чепырехъ часовъ шелъ я все въ гору, по узкой каменной дорожкѣ, копорая иногда совсѣмъ пропадала; наконецъ доспигъ до цѣли своихъ пламенныхъ желаній, и спупилъ на вершину горы, гдѣ вдругъ произошла во мнѣ удивительная перемѣна. Чувство усталости исчезло; силы мои возобновились; дыханіе мое спало легко и свободно; необыкновенное спо-

койспвіе и радость разлились въ моемъ сердцѣ. Я преклонилъ колѣна, устремилъ взоръ свой на небо, и принесъ жертву сердечнаго моленія — Тому, Кпо въ сихъ границахъ и снѣгахъ напечатлѣлъ споль явспвенно Свое всемогущеспво, Свое величіе, Свою вѣчностъ! Друзья мои! я споялъ на высочайшей ступени, на которую смерпные восходишь могутъ для поклоненія Всевышнему! Языкъ мой не могъ произнести ни одного слова; но я никогда такъ усердно не молился, какъ въ сію минушу.

Такимъ образомъ на самомъ себѣ испыталъ я справедливостъ того, что Руссо говоритъ о дѣйспвіи горнаго воздуха. Всѣ земныя попеченія, всѣ заботы, всѣтѣ мысли и чувспва, которыя унижаютъ благородное сущеспво человека, оспаются въ долину— и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ я

внизъ на жипелей Лаупербрунна, не завидуя имъ въ помъ, что они въ самую сію минуу увеселялись зрѣлищемъ серебрянаго *штауббаха*, освѣщаемаго солнечными лучами. Здѣсь смертною чувствуетъ свое высокое опредѣленіе, забываетъ земное свое опечесство и дѣлается гражданиномъ вселенной; здѣсь, смотря на хребты каменныхъ твердынь, ледяными цѣпями скованныхъ и сыпанныхъ снѣгомъ, на которомъ сползшія оставляютъ едва примѣтные слѣды (*), забываетъ онъ время, и мыслию своею въ вѣчность углубляется; здѣсь въ благоговѣйномъ ужасѣ препенетъ

(*) Всякое лѣто таетъ на горахъ снѣгъ, и всякую зиму прибавляющіяся на нихъ новые снѣжные слои. Если бы можно было перечесть сіи послѣдніе, то мы узнали бы тогда древность міра, или по крайней мѣрѣ древность сихъ горъ.

сердце его, когда онъ помышляетъ о той всемогущей Рукѣ, копорая вознесла къ небесамъ сіи громады, и повергнетъ ихъ нѣкогда въ бездну морскую. —

Съ бодростію и съ удовольствіемъ продолжалъ я путь свой по горѣ, называемой Венгенальпомъ, мимо вершинъ Юнгферы и Эйгера, копорыя возвыщающіяся на хребтѣ ея какъ на фундаментѣ. Тутъ нашелъ я нѣсколько хижинъ, въ копорыхъ пасухи живутъ только лѣтомъ. Сіи просподушные люди зазвали меня къ себѣ въ госпи, и принесли мнѣ сливокъ, шварогу и сыру. Хлѣба у нихъ нѣтъ; но проводникъ мой взялъ его съ собою. Такимъ образомъ я обѣдалъ у нихъ, сидя на бревнѣ — пошому что въ ихъ хижинахъ нѣтъ ни споловѣ, ни спульевѣ. Двѣ молодыя веселыя паспушки, смотря на меня, безпрестанно смѣялись. Я говорилъ имъ, что

проспая и безпечная жизнь ихъ мнѣ весьма нравишся, и что я хочу оспапсья у нихъ, и вмѣспѣ съ ними доипь коровъ. Онѣ опвѣчали мнѣ однимъ смѣхомъ. — Теперъ лежу на хижинѣ, на которую споило мнѣ полько шагнупь, и пишу карандашомъ въ своей дорожной книжкѣ. Какъ въ сію минупу низки передо мною всѣ Великаны земнаго шара! — Черезъ полчаса пойду далѣе.

Гриндельвальдъ, 7 часовъ вечера.

Шедши опѣ хижинѣ около часа по оплоному скапу—мимо спада, пасущихся на цвѣпной благовонной зелени—начали мы спускапсья съ горы. Гриндельвальдъ былъ уже видѣнъ. Долина, гдѣ лежипъ эша деревенька, состоящая изъ двухъ или прехъ сопъ разсѣянныхъ домиковъ, представляется

глазамъ въ самомъ пріятномъ видѣ. Въ то же самое время увидѣлъ я и верхній *глетшеръ*, или *ледникъ*; а нижній открылся гораздо уже послѣ, будучи заслоняемъ горою, съ которой мы спускались. Сіи ледники суть магнитъ, привлекающій путешественниковъ въ Гриндельвальдъ. Я пошелъ къ нижнему, которой былъ ко мнѣ ближе. Вообразите себѣ между двухъ горъ огромныя кучи льду, или множество высокихъ ледяныхъ пирамидъ, въ которыхъ хоша и не видалъ я ничего подобнаго хрустальнымъ волшебнымъ замкамъ, примѣченнымъ пупъ однимъ Французскимъ писателемъ, но которыя въ самомъ дѣлѣ представляють для глазъ нѣчто величественное. Не знаю, кто первой уподобилъ сіи ледники бурному морю, котораго валы отъ внезапнаго мороза въ одинъ мигъ преврапились въ ледъ; но могу ска-

зашь, что это сравненіе прекра-
сно и справедливо, и что сей пу-
тешественникъ или писатель и-
мѣлъ піишическое воображеніе.—
Посмотрѣвъ на ледникъ съ того
мѣста, гдѣ съ страшнымъ ревомъ
вышекаешъ изъ-подъ свода его
мушная рѣка Липшина, ворочая
въ волнахъ своихъ превеликіе кам-
ни, рѣшился я взойти выше. Къ не-
щаспію, проводникъ мой не зналъ
удобнѣйшаго ко всходу мѣста;
но какъ мнѣ не хопѣлось оставишь
своего намѣренія, то я прямо по-
шелъ вверхъ подлѣ льду, по кучамъ
маленькихъ камешковъ, копорые
разсыпались подъ моими ногами,
такъ что я безпрестанно сполы-
кался и почти ползъ, хватаясь
руками за большіе камни. Провод-
никъ мой кричалъ, что онъ пре-
даетъ меня судьбѣ моей; но я,
смотря на него съ презрѣніемъ и
не отвѣчая ему ни слова, взбирал-
ся выше и выше, и храбро преодолю-

валъ всѣ трудности. Наконецъ открылась мнѣ почти вся ледяная долина, усѣянная въ разныхъ мѣстахъ весьма высокими пирамидами; но далѣе къ Валлискимъ горамъ пирамиды уменьшаются и почти всѣ исчезающъ. Тутъ отдышалъ я около часа, и лежалъ на камнѣ, висѣщемъ надъ пропастью; а потомъ спустился опять внизъ, и пришелъ въ Гриндельвальдъ, естли не совсѣмъ безъ ногъ, по крайней мѣрѣ безъ башмаковъ. Хорошо что я взялъ изъ Берна въ запасъ новую пару!

У прекрасной дѣвушки купилъ я корзинку черной вишни, хопя мѣлкой, однакожь опмѣнно сладкой и вкусной, которая прохлдила внутренній жаръ мой. Теперь, сидя въ пракпирѣ за большимъ столомъ, дожидаясь ужина.

Гора Шейдекъ, 10 часовъ утра.

Въ пять часовъ утра пошелъ я изъ Гриндельвальда, мимо верхняго ледника, копорой показался мнѣ еще лучше нижняго, попому что цвѣтѣ пирамидѣ его гораздо чище и голубѣе. Болѣе четырехъ часовъ взбирался я на гору Шейдекъ, и съ такою же прудностію, какъ вчера на Венгенальпъ. Горныя ласпочки порхали надо мною, и пѣли печальныя свои пѣсни; а вдали слышно было блеяніе спадѣ. Цвѣты и травы курились ароматами вокругъ меня, и освѣжали увядающія силы мои. Я прошелъ мимо пирамидальной вершины Шрекгорна, высочайшей Альпійской горы, копорая, по измѣренію Г. Пфиффера, вышиною будепѣ въ 2400 сажень; а теперъ возвышаепся передо мною грозной Вепшергорнѣ, копорой часто привлекаепѣ къ себѣ громоносныя облака, и препоясываепся ихѣ молніями.

За два часа передъ симъ скапились съ вѣнца его двѣ лавины, или кучи снѣгу, размягченнаго солнцемъ. Сперва услышалъ я великой прескѣ, (которой заспавилъ меня вздрогнушь) — а по томъ увидѣлъ двѣ снѣжныя массы, валящіяся съ одного успуна горы на другой, и наконецъ упавшія на землю съ глухимъ шумомъ, подобнымъ опдаленному грому, — причемъ на нѣсколько сажень вверху поднялась снѣжная пыль.

На горѣ Шейдекъ нашелъ я папсуховъ, копорые также подчивали меня пварогомъ, сыромъ и густыми, палевыми, ароматическими сливками. Послѣ такого легкаго и здороваго обѣда, сижу теперь на бутрѣ горы, и смопрю на скопище вѣчныхъ снѣговъ. Здѣсь вижу я источникъ рѣкъ, орошающихъ наши долины; здѣсь запасная хранина Напуры, хранина, изъ которой она во время засухи черпаетъ

воду для освѣженія жаждущей земли. И есѣлибы сіи снѣга могли вдругѣ распоппсья, шо впо-рой попопѣ поглотиѣ бы все живущее въ нашемѣ мїрѣ.

Не лѣзя взираѣь безѣ нѣкопорого ужаса на сіи концы земнаго шворенія, гдѣ нѣпѣ никакихѣ слѣдовѣ жизни—нѣпѣ ни деревѣ, ни шравѣ—гдѣ меланхолическая пуспопа искони царспвуепѣ. Иногда, надѣ дикими, мерпвыми ушесами являепсь здѣсь величайшая изѣ ппицѣ, Альпійской орелѣ, копорому бѣдныя дикія козы служаѣь пищею. Тщепно сіи послѣднія спараюпсь спаспсь онѣ него легкоспїю ногѣ своихѣ, прыгая сѣ одной вышиы на другую! Люпой врагѣ гонипсь повсюду за своею добычею, и наконецѣ пригоняепѣ ее на край бездны, гдѣ нещаспная не находиѣь для себя никакого пуши. Тупѣ сильнымѣ ударомѣ крыла сшибаепѣ онѣ ее

въ пропасть, и бѣдная коза, не
смогря на все свое искусство въ
прыганіи, неизбѣжно погибаетъ.
Орелъ извлекаетъ ее ошпуда въ
острыхъ когтяхъ своихъ.

Но не одна пшица сія умерщ-
вляетъ безоружныхъ козъ: Альпій-
скіе охопники еще для нихъ спра-
шнѣ. Презирая всѣ опасности,
сѣ удивительнымъ проворствомъ
взбираются они на крупизны; од-
накожь многіе погибаютъ, падая
въ пропасти, или ушопая въ морѣ
снѣговъ. Спрашные анекдоты объ
нихъ рассказываютъ. На прим.
одинъ Гриндельвальдской охоп-
никъ, гонясь на Шрекгорнѣ за ко-
зою, перебирался сѣ камня на ка-
мень, и вдругъ на ужасной высо-
тѣ поскользнулся. Уже бездна
разверзла подъ нимъ зѣвъ свой —
уже острые гранипы топовы бы-
ли расперзаты несчастнаго — но
онъ зацѣпился ногою за камень, и
повисъ надъ пропастію. Представь-

те себѣ весь ужасъ его положенія ! Никто изъ товарищей не могъ помочь ему; никто не отваживался лѣзть на вершину утеса. Долго висѣлъ онъ между небомъ и землею, между жизни и смерти; наконецъ удалось ему схватиться руками за камень, спастись на ноги и спуститься внизъ.

Долина Гасли.

Пробывъ у паспуховъ два часа, пошелъ я далѣе, безпрестанно спускаясь съ горы. Первой примѣчанія достойной предметъ, коимъ воспользовался глазамъ моимъ на семъ пути, былъ такъ называемой *розенлавинглетшеръ*, самой прекраснѣйшей изъ Швейцарскихъ ледниковъ, состоящей изъ чистыхъ сафирныхъ пирамидъ, гордо возвышающихъ острия свои вершины. — Мракъ древнихъ вы-

сокихъ елей укрывалъ меня отъ
жара солнечнаго; нигдѣ не видалъ
я слѣдовъ человѣческихъ; дичь и
пустоша представлялись вездѣ
глазамъ моимъ. Съ сѣдыхъ, мши-
стыхъ скалъ упадали кипящіе
ручьи, и шумъ паденія ихъ разда-
вался по лѣсу. Но далѣе, спуска-
ясь въ долину, находилъ я пре-
красные благовонные луга, какихъ
лучше вообразить не лзя—и, къ
удивленію моему, не видалъ на
нихъ пасущагося скопа. Не може-
те вообразить, какъ пріятенъ
видъ зелени послѣ голыхъ камней
и снѣжныхъ громадъ, упомившихъ
мое зрѣніе! На всякомъ лужкѣ
опдыхалъ я по нѣскольку минутъ,
и есѣли не руками, то по край-
ней мѣрѣ глазами своими ласкалъ
каждую травку вокругъ себя. —
Я пришелъ въ маленькую горную
деревеньку, которой жипели ве-
дущъ пастушью жизнь во всей
пустотѣ ея, не зная ничего, кро-

мѣ скоповодства, и питаясь однимъ молокомъ. Они дѣлають большіе сыры, и черезъ Валисцовъ отправляють ихъ въ Италію. Сырные анбары построены изъ тонкихъ бревенъ на высокихъ столбахъ или подпорахъ, для того, чтобы воздухъ могъ отовсюду проходить въ нихъ.

Жажда меня помила. Я остановился подлѣ одной хижины, на берегу чистаго ручья, и видя молодого паспуха, у дверей сидящаго, попросилъ у него спакана. Онъ не скоро понялъ меня; но понявъ тотчасъ бросился въ свой домикъ и вынесъ чашку. *Она чиста*, сказалъ онъ худымъ Нѣмецкимъ языкомъ, показывая мнѣ дно ея; побѣжалъ къ ручью, зачерпнулъ воды, и опять вылилъ ее назадъ — посмотрѣлъ на меня и улыбнулся — зачерпнулъ въ другой разъ, и опять вылилъ — взглянулъ на меня и засмѣялся — почерпнулъ въ

третій разъ, и принесъ мнѣ, говоря: *пей, доброй теловѣкѣ, пей нашу воду!* Я взялъ чашку, — и еспьли бы не побоялся пролишь воды, то конечно бы обнялъ добродушнаго паспуха, съ такимъ чувспвомъ, съ какимъ обнимаетъ брагъ брата: споль любезенъ казался онъ мнѣ въ эту мину! — Ахъ, милые друзья мои! для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были паспухами и брагьями (*). Я съ радоспію опказался бы опъ многихъ удобноспей жизни (копорыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ), чпобы возврапиться въ первобытное состояніе челоѣка. Всѣми *истинными* удовольспвіями — тѣми, въ копорыхъ учаспвуетъ сердце, и копорыя насъ подлинно щасплыми дѣлаютъ — наслаждались люди и тогда, и еще болѣе, нежели

(*) Когда же?

нынѣ — болѣе наслаждались они любовью (ибо тогда ничто не за-прещало имъ говорить другъ дру-гу: *я люблю тебя*, и дарамъ При-роды не предпочитались дары слѣ-паго случая, не придающіе чело-вѣку никакой существенной цѣны), — болѣе наслаждались дружбою, болѣе красотою Природы. Теперь жилище и одежда наша покойнѣе: но покойнѣе ли сердца? Ахъ, нѣтъ! тысячи заботъ, тысячи безпо-койствъ, копорыхъ не зналъ че-ловѣкъ въ прежнемъ своемъ со-стояніи, терзающъ нынѣ внутрен-ность нашу, и всякая пріятность въ жизни ведетъ за собою тьму непріятностей. — Съ сими мы-слями пошелъ я опѣ паспуха; нѣ-сколько разъ оборачивался назадъ, и примѣтилъ, что онъ прово-жаетъ меня взорами своими, въ копорыхъ написано было же-ланіе: *поди, и будь счастливъ!* Богъ видѣлъ, что и я опѣ всего

сердца желалъ ему щаспія; — но онъ уже нашелъ его!

Сильной шумъ перервалъ нишъ моихъ размышленій. Чпо это значилъ? спросилъ я у проводника моего, оспановясь и слушая. „Мы приближаемся къ *Рейхенбаху*, опвѣчалъ онъ, славнѣйшему Альпійскому водопаду.“ — Хопя путешествующій по Швейцарскимъ горамъ безпрестанно видилъ каскады, безпрестанно орошается ихъ брызгами, и наконецъ смолрилъ на нихъ равнодушно; однакожь мнѣ очень хотѣлось видѣть первый изъ Альпійскихъ водопадовъ. Отдаленной шумъ обѣщалъ мнѣ нѣчто величественное; воображеніе мое спремилось къ причинѣ его; но шумъ вдругъ открылось мнѣ другое великолѣпіе, которе заспавило меня на время забыть *Рейхенбахъ*. Ахъ! для чего я не живописецъ! для чего не могъ въ ту же минути изобразить на бу-

магѣ плодоносную, зеленую долину Гасли, которая въ видѣ прекраснѣйшаго цвѣтущаго сада предспавилась глазамъ моимъ, между дикихъ, каменныхъ, небеса подпирающихъ горъ! Плодовитые лѣсо-чки, и между ими маленькіе деревянные домики, составляющіе мѣстечко Мейрингенъ—рѣка Ара, спремающаяся вдоль по долині — множество ручьевъ, низпадающихъ съ крупныхъ утесовъ, и съ серебряною пѣною текущихъ по бархатной муравѣ: все сіе вмѣстѣ образовало нѣчто романическое, пѣнистое—нѣчто такое, чего я опѣ роду не видывалъ. Ахъ, друзья мои! не должно ли мнѣ благодарить Судьбу за все великое и прекрасное, видѣнное глазами моими въ Швейцаріи? Я благодарю ее — опѣ всего сердца! — Наконецъ проводникъ напомнилъ мнѣ *Рейхенбахъ*, и чобы посмотреть на него вблизи, я долженъ

былъ , не взирая на свою устало-
 лость, взойши опять на высокой
 пригорокъ и спустился съ него,
 но только уже не по камнямъ, а по
 зеленой травѣ , увлажненной водя-
 ной пылью, лепящею отъ каскада.
 Еще шаговъ за пятьдесятъ отъ
 паденія, облака сей пыли меня по-
 чти совсѣмъ ослѣпили. Однако жъ
 я подошелъ къ самому кипящему
 водоему , или той яростию воды
 ископанной ямъ, въ которую *Рей-*
хенбахъ падаетъ съ высоты своей,
 съ ужаснымъ шумомъ, ревомъ, гро-
 момъ, срывая превеликіе камни и
 цѣлыя деревья, имъ на пути встрѣ-
 чаемыя. Трудно представить се-
 бѣ ту ужасную быструю, съ ко-
 порою волна за волною несется въ
 неизмѣримую глубину сего водое-
 ма , и опять вверхъ подымается ,
 будучи отвержена его вѣчнокипя-
 щей пучиною, и распространяя во-
 кругъ себя бѣлыя облака влажнаго
 дыму ! Тщешно воображеніе мое

ищеть сравненія, подобія, образа!.. Рейнъ и Рейхенбахъ, великолѣпныя явленія, величественныя чудеса Природы! въ молчаніи удивляться будеть вамъ всякой, имѣющей чувство; но кто можетъ изобразить васъ кистію или словами?—Я почти совсѣмъ чувствъ лишился, будучи оглушенъ *гремящимъ громомъ* паденія, и упалъ на землю. Моря водяныхъ частицъ лились на меня, и припомъ съ такими порывами вихря (производимого въ воздухъ силою падающей воды), что боясь смертельной проспуды, я долженъ былъ черезъ нѣсколькоминутъ удалиться отъ сего мѣста. Всякой, взглянувъ на меня, подумалъ бы, что я вышелъ изъ рѣки; ни одной сухой нитки на мнѣ не осталось, и вода текла съ меня ручьями, подобно какъ съ какойнибудь Альпійской горы.

До Мейрингена оставалось мнѣ не болѣе трехъ верстъ, и дорога

была уже не такъ трудна, какъ на сходѣ съ вершины Шейдека; но сіи при верспы довели усталость мою до высочайшей степени, попому что жаръ въ долинахъ бываеѣтъ неносенъ. Лучи солнечные оппрыгиваюѣтъ опъ голыхъ скалъ, и согрѣвая воздухъ, производяѣтъ духоту, весьма рѣдко въ-перкомъ прохлаждаемую. Женщины, встрѣчавшіяся мнѣ, смотрѣли на меня съ сожалѣніемъ, и говорили: *какъ жарко, молодой путешественникъ!*

Мѣспечко или деревня Мейрингенъ состоиѣтъ изъ маленькихъ деревянныхъ домиковъ, разсѣянныхъ по долинѣ въ великомъ разстояніи одинъ опъ другаго; въ Альпійскихъ селеніяхъ совсѣмъ нѣѣтъ каменнаго строенія.

Обишатели долины Гасли живутъ въ непрестанномъ шумѣ, происходящемъ какъ опъ Рейхенбаха, такъ и опъ другихъ каска-

довѣ. Иногда сіи ручьи, будучи наполнены снѣжною водою, низвергаются въ долину съ такою яростію, что заливаютьъ дома поселянѣ, сады и луга ихѣ. За нѣсколько лѣтъ передѣ симѣ причинили они страшное опустошеніе, и всю прекрасную долину покрыли пескомѣ и камнями; но жители не могли оставишь милой своей родины, гдѣ предки ихѣ и они сами пользовались безчисленными благодѣянiями Природы — скоро земля была очищена и снова покрылась цвѣтами и зеленью.

Сколь прекрасна здѣсь Напура, столь прекрасны и люди, а особливо женщины, изѣ которыхъ рѣдкая не красавица. Всѣ онѣ свѣжи, какѣ горныя розы — и почти всякая могла бы представлять нѣжную Флору. Удивитесь ли вы, естли я пробуду здѣсь нѣсколько дней? Можетѣ быть въ цѣломѣ свѣтъ нѣтъ другаго Мейрингена.

Но жаль, что здѣшнія красавицы немного безобразятъ себя одеждою; на прим. подвязываютъ юбку подъ самыми плечами, и кажутся, будто онѣ въ мѣшкахъ зашиты. — Здѣсь нашелъ я очень хорошій пракпиръ.

Въ 11 часовъ ночи. Вечеръ проведенъ мною пріятно. Я гулялъ по долині, въ рощицахъ, по лугамъ, и возвращаясь въ деревню, нашелъ подлѣ одного домика множество молодыхъ мужчинъ и дѣвушекъ, копорыя между собою играли, прыгали и рѣзвились. Тутъ праздновали сговоръ. Мнѣ не трудно было узнать жениха съ невестою: самая прекраснѣйшая чепса, какую только вы себѣ вообразить можете! Румянецъ безпрестанно игралъ на ихъ щекахъ; они хопѣли рѣзвиться вмѣстѣ съ другими, но нѣжная помноспь, видимая во всѣхъ ихъ движеніяхъ, опличала ихъ отъ прочихъ паспуховъ и па-

спушекъ. Я подошелъ къ жениху, взялъ его за руку, и сказалъ ему: „ты щаспливъ, мой другъ!“ Невѣста взглянула на меня, и съ выразительною благодарностію за мое привѣтствіе. Какъ нѣжно чувство въ Альпійскихъ паспущкахъ! какъ хорошо понимаютъ онѣ языкъ сердца! Паспухъ съ улыбкою посмопрѣлъ на свою любезную — взоры ихъ встрѣпились. Тутъ странная мысль пришла въ мою голову: мнѣ захопѣлось оставить будущимъ супругамъ какой нибудь памятникъ, копорой бы, въ печеніе благополучныхъ дней любви ихъ, могъ наминать имъ, что одинъ путешественникъ, изъ отдаленнѣйшей страны сѣвера, былъ при ихъ сговорѣ и бралъ участіе въ радости невинныхъ сердецъ. Подумавъ, я вынулъ изъ кармана медаль, не золопую, а мѣдную; но у меня не было ничего болѣе — медаль, на копорой из-

ображена голова Греческаго юноши, и копорую подарилъ мнѣ пріятель мой Б*. „Возьми ее — сказалъ я невѣстѣ — въ знакъ моего доброжелательства.“ Она съ удивленіемъ взглянула на медаль, на меня и на жениха своего, и не знала, что дѣлать. „Родясь въ такой землѣ, продолжалъ я, гдѣ обыкновенно дарятъ невѣстѣ, прошу тебя принять отъ меня эту бездѣлку, копорую предлагаю тебѣ отъ добраго сердца.“ — *А въ какой землѣ родились вы?* спросилъ спарикъ, сидѣвшій на бревнѣ. — „Въ Россіи.“ — *Въ Россіи! . . . Да, я слыхалъ объ этой землѣ отъ стариковъ нашихъ. Да гдѣ-бишь она?* — „Далеко, мой другъ — тамъ, за горами, прямо къ сѣверу.“ — *Точно, я это помню.* — Между тѣмъ женихъ съ невѣстою перешептались; послѣдняя взяла медаль, сказала *спасибо!* и опдала первому, копорой повернулъ ее

въ рукахъ, и опять возвратилъ ей. Я радовался щастливою чешою, и въ мысляхъ своихъ чиналъ Галлеровы стихи (изъ его Поэмы: Die Alpen, т. е. Альпійскія горы):

Die Liebe brennt hier frey, und scheut
kein Donner-Wetter.
Man liebet für sich selbst, und nicht für
seine Vätter.
So bald ein junger Hirt die sanfte Glut
empfunden,
Die leicht ein schmachtend Aug in mun-
tern Geistern schürt,
So wird des Schäfers Mund von keiner
Furcht gebunden;
Ein ungeheuchelt Wort bekennet, was
ihn rührt;
Sie hört ihn, und, verdient sein Brand
ihr Herz zum Lohne,
So sagt sie, was sie fühlt, und thut, wor-
nach sie strebt;
Denn zarte Regung dient den Schönen
nicht zum Hohne,

Die aus der Anmuth flieszt , und durch
die Tugend lebt.

— — — — —
— — — — —

Die Sehnsucht wird hier nicht mit eitler
Pracht belästigt;
Er liebet sie , sie ihn , dies macht den
Heuraths-Schluss.

Die Eh wird oft durch nichts , als bey-
der Treu befestigt,
Für Schwüre dient ein Ja , das Siegel
ist ein Kuss.

Die holde Nachtigall grüsst sie von
nahen Zweigen;

Die Wollust deckt ihr Bett auf sanft
geschwollnes Mooss,
Zum Vorhang dient ein Baum, die Ein-
samkeit zum Zeugen;

Die Liebe führt die Braut in ihres Hir-
ten Schooss.

O dreymahl seligs Paar! Euch muss ein
Fürst beneiden (*).

(*) „Здѣсь любовь пылаетъ свободно,
никакой грозы не спрашася ; здѣсь

Между пѣмъ солнце сѣло ; паспухи и паспушки начали расходиться по домамъ. Я проспился съ женихомъ, съ невѣстою — и еспьли бы Альпійскія красавицы были не такъ спыдливы, то, мо-

любящъ для себя, а не для опцовъ своихъ. Когда молодой паспухъ почувспвуетъ нѣжную спрасъ, которую прекрасные глаза легко воспаляющъ въ веселомъ ссрдцѣ, то усша его не шаятъ ее. Паспушка внимаепъ ему, сказываепъ свои чувства, и слѣдуетъ движенію своей склонности, еспьли онъ достоинъ ея сердца ; ибо сіе движеніе, раждаемое пріятностію и питаемое добродѣтелію, не постыдно для красавицы. Суешная пыщность не пягошитъ спрасныхъ желаній ; онъ любитъ ее, она его любитъ — симъ заключаепся бракъ, копорой часто одною взаимною вѣрностію ушверждаепся ; согласіе служиетъ вмѣсто клятвъ, поцѣлуй вмѣсто печати. Любезный соловей поздравля-

жешъ бытъ , пришло бы мнѣ на
мысль попотребовать опѣ нее. . . .
невиннаго поцѣлуя!

*Деревня Трахтѣ, на берегу Бринц-
скаго озера, въ 8 часовъ вечера.*

Вотъ конецъ моего пѣшеход-
ства! Ноги у меня очень болятъ,
и лице мое опѣ солнечнаго жара
покраснѣло и почернѣло; впрочемъ
я въ духѣ своемъ бодръ и веселъ.

Дорога опѣ Мейрингена до Трах-
та идетъ долиною , и хопя очень
пріятна , однакожь не могу ска-
зать объ ней ничего примѣчанія

ешъ ихъ съ ближнихъ въшьвей ;
мягкая шрава естъ брачное ложе
ихъ , дерево завѣсъ , уединеніе сви-
дѣтель, и любовь приводитъ невѣ-
сту въ обѣщанія молодаго пастуха.
Блаженная чета ! Цари должны за-
видовать вамъ.“

достойнаго. Здѣсь нашелъ я шумной праздникъ. Всѣ поселяне собрались на лугу, пьютъ и поютъ пѣсни. Нѣкоторые молодые люди борются; и когда одинъ друга повалилъ, зрители кричатъ: *браво!* Между тѣмъ я сижу подъ окномъ, посмаприваю на веселящихся и на небо, которое начинаеъ покрываться облаками. Хорошо, что я теперь не на горахъ! — Между тѣмъ пракширица гошобила мнѣ для ужина блюдо рыбы, только что теперь въ озерѣ пойманной. Завтра поплыву на лодкѣ въ Унперзеенъ, а опшуда назадъ въ Тунъ.

Гдѣ вы, мои любезные? Какъ проводите время? Вѣрно не такъ, какъ спранспвующій другъ вашъ, которой на горахъ и въ долинахъ объ васъ думаетъ! — Будьте здоровы и благополучны!

У н т е р з е е н ъ.

Сей часъ пришелъ я въ здѣшній пракпиръ. Почтовая лодка, въ которой плылъ я изъ Трахша, приспала къ берегу въ двухъ верстахъ отсюда. Сильной дождь промочилъ меня насквозь; однакожь, плывя по озеру, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на горы, которыя будучи покрыты облаками, дымилась какъ Эпны или Везувіи. Теперь, въ ожиданіи обѣда, сушусь и приготавливаюсь опять къ путешествію. Дождь все еще не пересталъ.

Тунѣ, 8 часовъ вечера.

Я благополучно доплылъ до Туна, не смотря на сильное волненіе озера. Валы играли нашею лодкою какъ шарикомъ. Три женщины, бывшія со мною, безпрестанно кричали; одна изъ нихъ

упала въ обморокъ, и мы съ трудомъ могли привести ее въ память. Чѣмъ принадлежишь до меня, то я ни мало не боялся, а еще веселился волнами, которыя разбивались о каменные берега. Наконецъ дождь переспалъ, и благодѣтельное солнце высушило мое плащье. Приѣхавъ сюда, чувствовалъ я ознобъ; но выпивъ чашекъ пять хорошаго чаю, спалъ опять совершенно здоровъ. — Завтра въ четыре часа отправлюсь въ Бернъ, гдѣ остались мои пожитки.

Бернъ, 10 Сентября 1789.

Возвращаясь съ Альпійскихъ горъ, прожилъ я въ Бернъ семь дней, и при томъ не скучно: то посѣщалъ своихъ знакомцевъ, которые обходились со мною очень дружелюбно; то прогуливался за городомъ — читалъ — писалъ. Треть-

яго дня водилъ меня Паспорѣ Шшапферѣ къ Господину Шпренгли, имѣющему полное собраніе Швейцарскихъ ппицѣ, множество древнихъ медалей и другихъ рѣдкостей. Самъ онѣ, по жизни своей, достоинѣ примѣчанія не менѣе своего кабинета. Домикѣ у него прекрасной, за городомѣ на высокомѣ мѣстѣ, откуда видны окрестныя селенія и снѣжныя горы. Ему теперь около семидесяти лѣтъ. Въ домѣ, кромѣ его самого, мы никого не видали; пожилая служанка опправляетѣ должностѣ приворопника. Комнаты прибраны со вкусомѣ, и все опмѣнно чисто. Сей спарикѣ богатѣ — наслаждается Напурою, изобиліемѣ, спокойствіемѣ. За нѣсколько лѣтъ передѣ симѣ онѣ былѣ бѣденѣ, и разбогатѣлѣ опѣ наслѣдства, полученнаго имѣ нечаянно послѣ одного дальняго свойспвенника. — Учася Орнипологиі въ молодыхѣ

своихъ лѣтахъ, покупалъ онъ разныхъ пищъ, анапомировалъ ихъ и отдавалъ дѣлашь изъ нихъ чучелы: вошъ основаніе того полного собранія, которое нынѣ привлекаетъ къ нему въ домъ почти всѣхъ путешественниковъ, и котораго не отдастъ онъ ни за пятьдесятъ тысячъ рублей! — Ему очень знакомъ нашъ Докторъ Оз*.

Вчера ходилъ я пѣшкомъ въ деревню Гиндельбанкъ, находящуюся въ двухъ Французскихъ миляхъ отсюда. Въ тамошней церкви сооруженъ монументъ такъ называемой *прекрасной женѣ*. Думаю, что вы читали или слышали о семъ памятникѣ, котораго исторія достойна примѣчанія. Господинъ Эрлахъ, знашой Бериской гражданинъ и помѣщикъ деревни Гиндельбанкъ, призвалъ Нѣмецкаго художника Наля, и подрядилъ его сдѣлашь мраморной монументъ

опцу своему. Наль, занимаяся сею работою, жилъ въ домѣ у Проповѣдника той деревни, Г. Ланганса. Когда работа совершилась, пышной Эрлахъ вздумалъ прибѣгнуть къ золошу, чтобы придать памятнику болѣе великолѣпія. Наль говорилъ, что золото все испортишь; но его не слушали, и гордый художникъ, сжавъ сердце, долженъ былъ повиноваться. Въ сіе время умерла родами жена Лангансова, молодая прекрасная женщина, которую Наль любилъ сердечно за милыя свойства ея. Онъ плакалъ вмѣстѣ съ неутѣшнымъ супругомъ; но вдругъ, подобно молніи, блеснула въ головѣ его мысль: *искусство мое да сохранитъ память ея въ теченіе временъ!* Обнявъ Ланганса, сказалъ онъ: „Слезы наши „пекутъ, и въ прахъ исчезають; „изящныя произведенія художествъ живутъ вѣки — рука „моя, повинуюсь сердцу, изобра-

„зипѣ на камнѣ швою любезную ;
 „жишли опдаленныхъ земель за-
 „хопяпѣ видѣпѣ сіе изображеніе,
 „и въ сравненіи съ нимѣ будупѣ
 „презирапѣ Эрлахской памятникѣ.“
 — Сказалѣ, и сдѣлалѣ.

Онѣ представилѣ мапѣ (прекрасная Греческая фигура!), воскресающую вмѣстѣ съ младенцемѣ. Камень гробный распался. Она поднимаетѣ голову; одною рукою держипѣ сына, а другою хочетѣ опвалипѣ камень, и между тѣмѣ съ великимѣ вниманіемѣ слушаетѣ небесную музыку, пробуждающую мертвыхъ. Сія мысль прекрасна, и доказываетѣ піишической духѣ Художника; работа опвѣчаетѣ ей. Галлерѣ сочинилѣ къ памятнику слѣдующую надпись (заставляя говорить воскресающую): „Се шру-
 „бный гласѣ! онѣ проникаетѣ въ мо-
 „гилу. Пробудись, сынѣ мой, сынѣ
 „печали, и сложи съ себя плѣн-
 „ность! Спѣши во срѣщеніе шво-

„ему Искупителю, отъ Котораго
 „бѣжитъ смерть и время; въ вѣч-
 „ное благо превращается все спра-
 „даніе.“ Надпись хороша; но
 для перваго мгновенія, въ копо-
 ромъ представлена воскресаю-
 щая, слишкомъ плодовица. Лучше
 есѣли бы она сказала только:
Трубный гласъ! . . . Пробудись ,
сынъ мой! се Спаситель! — Нѣко-
 торые думающъ, что Художникъ
 не искусственно представилъ рас-
 павшійся камень, а въ самомъ дѣлѣ
 разломилъ его, вырѣзавъ прежде
 на немъ надпись; но ревностные
 защитники искусства смѣются
 надъ сею мыслию. Повыше Галле-
 ровой надписи вырѣзанъ стихъ
 изъ Св. Писанія: *Се азъ и гадѣ*
мое, еже далъ ми еси Ты. Жаль
 только, что сей прекрасной мо-
 нументъ поставленъ очень дур-
 но! Онъ совсѣмъ скрытъ подъ по-
 ломъ, и чтобы видѣть его, по на-
 добно поднять двѣ доски. Объ Эр-

лахскомъ пышномъ памятникъ не скажу ни слова: Художникъ не хотѣлъ, чтобы объ немъ говорили. — Нынѣшній Гиндельбанкской Проповѣдникъ не могъ бы подружиться съ Налемъ; въ физиономіи его не примѣтилъ я ничего паспырскаго, и ничего шакого, чтобы показывало чувство. Какъ онъ училъ своихъ поселянъ, не знаю. — Въ Гиндельбанкъ есть бѣдной пракширъ, въ копоромъ я едва могъ утолить свой голодъ; опобѣдавъ тамъ, возвратился къ вечеру въ городъ.

Кажется, я еще не писалъ къ вамъ о здѣшнемъ славномъ Цейггаузѣ. Тамъ видите вы множество всякаго оружія и всѣхъ воинскихъ попребностей; но болѣе вниманія заслуживаютъ лапы древнихъ Бернскихъ Героевъ, славныхъ храбростію и дѣлами своими. Самыя большія изъ нихъ принадлежали основателю Берна, Герцогу Церингенскому. Надобно, чтобы онъ былъ

Гигантѣ — и есѣли не хотѣлъ
 взять приступомѣ неба, то по
 крайней мѣрѣ ужасѣ былѣ его пред-
 печею, когда онѣ шелѣ прошивѣ
 непріятелей. Не знаю, любезные
 друзья мои, какой хладѣ разливаеш-
 ся по моимѣ жиламѣ при видѣ
 памятниковѣ рыцарскаго времени,
 когда люди всего болѣе вѣрили
 рукѣ своей и—Провидѣнію; когда
 число побѣдѣ бывало числомѣ до-
 стоинствѣ человека, и когда вѣ
 храброспи вмѣщалося понятиѣ
 всѣхѣ добродѣтелей. — Писпо-
 леты Карла *смѣлаго*, Герцога Бур-
 гундскаго, украшенные серебромѣ
 и слоновою костью, показались
 мнѣ также примѣчанія достои-
 ными; я смотрѣлъ на нихѣ нѣсколь-
 ко минуѣ, и воображалѣ руку,
 ихѣ нѣкогда державшую. —

Здѣсь нравы не такѣ уже спроги,
 какѣ вѣ Цюрихѣ. Женщины и му-
 щины сходящся вмѣстѣ — обык-
 новенно послѣ обѣда, часа вѣ че-

пыре—и первыя говорящъ свободно, шутящъ и бывающъ душею общества. Нѣкоторыя дѣвицы играютъ на клавесинѣ, поющъ и восхищающъ слушателей. Знакомцы мои два раза водили меня въ сіи собранія, которыя были довольно многочисленны. Но въ карты здѣсь не играютъ, также какъ и въ Цирихѣ. Съ иностранцами говорящъ всегда по-Французки, и припомъ гораздо лучше, нежели въ другихъ городахъ Швейцаріи; что же принадлежищъ до здѣшняго Нѣмецкаго языка, то онъ весьма испорченъ и непріятенъ слуху.

Бернской Аристократизмъ почитается самымъ спрожайшимъ въ Швейцаріи. Нѣкоторыя фамиліи присвоили себѣ всю влассть въ Республикѣ; изъ нихъ составляется большой Совѣщъ и Сенащъ (изъ копорыхъ первой имѣетъ законодательную, а послѣдній исполнительную влассть); изъ нихъ вы-

бираются судьи, такъ называемые Ландфохты или правители въ округахъ, на копорые раздѣленъ Бернской Кантонъ; всѣ прочіе жители не имѣютъ участія въ правленіи. Число сихъ аристократическихъ или господствующихъ семей безпрестанно уменьшается; онѣ могутъ сообщать свои права другимъ семействамъ, но это рѣдко бываетъ. —

По вечерамъ обыкновенно выходилъ я на террасу, и гулялъ при свѣтѣ лунномъ подъ вѣпьями каштановыхъ деревъ, будучи углубленъ въ пріятную задумчивость. Ахъ, любезные друзья мои! только на горахъ сердце мое не было сиротою! Тамъ казалось мнѣ, что я къ вамъ ближе.

Завтра поѣду въ Лозану, и проспился уже со всѣми своими знакомыми, кромѣ Проповѣдника Штапфера. Сей доброй Швейцаръ полюбилъ меня и мнѣ полюбился.

Всякой день проводилъ я въ его кабинетѣ нѣсколько пріятныхъ часовъ. Все семейство его очень мило. Онъ запретилъ мнѣ сказывать, когда я выйду изъ Берна, и не хочетъ прощаться со мною. Чувствительной человекъ!

Здѣсь расстаюсь съ Нѣмецкимъ языкомъ, и не безъ сожалѣнія.

Проспите, мои друзья! Пакетъ свой опнесу на почту. Если бы вы съ такимъ удовольствіемъ читали мои письма, съ какимъ я пишу ихъ!

Лозана.

Отъ Берна до Лозаны ѣхалъ я садомъ, и прекраснѣйшимъ садомъ. Деревя вокругъ дороги гнулись подъ сочными, тяжелыми плодами, и злая осень являлась вездѣ въ самомъ блистательнѣйшемъ видѣ. День былъ воскресной; нарядные

поселяне веселились въ кругахъ и пили пѣнисное вино, съ восклицаніемъ: *да здравствуетъ Швейцарія!*

Пробѣхавъ городокъ Муршенъ, кучеръ мой остановился, и сказалъ мнѣ: *хотите ли видѣть остатки нашихъ непріятелей? — „Гдѣ?“ — Здѣсь, на правой сторонѣ дороги. — Я выскочилъ изъ кареты, и увидѣлъ за желѣзною решепкою огромную кучу — костей человѣческихъ.*

Карлъ дерзостный, Герцогъ Бургундскій, одинъ изъ сильнѣйшихъ Европейскихъ Государей своего времени, бичъ человѣчества, ужасъ сосѣдственныхъ народовъ, но воинъ храбрый, вознамѣрился въ 1476 году покорить жишелей Гельвеціи, и гордость независимыхъ смирилъ желѣзнымъ скипетромъ пиранства. Двинулось его воинство; разноцвѣтные знамена возвѣялись, и земля заспонала подъ тяжестію

его огнеспрѣльныхъ орудій. Уже полки Бургундскіе во многочисленныхъ рядахъ расположились на берегахъ Мурпенскаго озера, и Карлъ, зависплымъ окомъ взирая на тихія долины Гельвеціи, именовалъ ихъ *своими*. Въ одинъ часъ (*) разнесся по всей Швейцаріи слухъ о близости враговъ, и миролюбивые паслухи, оставивъ хижины и спада свои, вооружились мгновенно сѣкирами и копьями, соединились, и при гласѣ трубъ, при гласѣ любви къ опечесшву, громко раздавшемся въ сердцахъ ихъ, съ высоты холмовъ успремились на многочисленныхъ непріятелей, подобно шумнымъ рѣкамъ, съ горъ падающимъ. Громы Карловы загремѣли; но храбрые, непобѣдимые Швейцары сквозь дымъ и мракъ ворвались въ ряды его воинства, и громы умолкли, и

(*) Посредствомъ сигналовъ.

ряды исчезли подъ сокрушитель-
ною ихъ рукою. Самъ Герцогъ въ
опчаяніи бросился въ озеро, и
сильный конь вынесъ его на дру-
гой берегъ. Одинъ вѣрный служи-
тель вмѣстѣ съ нимъ спасся; но
Карлъ, обративъ взоръ на поле
сраженія, и видя гибель всѣхъ
своихъ воиновъ, въ испугѣ
бѣшенствѣ заспѣшилъ его изъ пи-
столепа, воскликнувъ: *тебѣ ли
одному оставаться?* — Побѣдите-
ли собрали кости мертвыхъ вра-
говъ, и положили ихъ близъ до-
роги, гдѣ лежалъ онъ и по нынѣ.

Я запрепечалъ, друзья мои, при-
семъ плачевномъ видѣ нашей плѣн-
ности. Швейцары! не уже ли мо-
жете вы веселиться такимъ пе-
чальнымъ *трофеемъ*? Бургундцы
по человѣчеству были вамъ братья.
Ахъ! если бы вы, омочивъ сле-
зами сіи оспашки прицѣпили ты-
сячъ несчастныхъ, съ благослове-
ніемъ предали ихъ землѣ, и на

мѣстѣ побѣды своей соорудили
 черной монументѣ, вырѣзавъ на
 немъ сіи слова: *Здѣсь Швейцары*
сражались за свое отечество, побѣ-
дили и оплакали свою побѣду —
 тогда бы я похвалилъ васъ въ сер-
 дцѣ своемъ. Сокройте, сокройте
 сей памятникъ варварства! Гор-
 дясь именемъ Швейцара, не забы-
 вайте благороднѣйшаго своего и-
 мени — имени человека!

Множество надписей читалъ я
 на стѣнахъ, копорыми обведенъ
 сей открытой гробъ. Вы знаете
 одну изъ нихъ, сочиненную Галле-
 ромъ:

Steh still, Helvetier! hier liegt das kühne
 Heer,
 Vor welchem Lüttich fiel, und Frank-
 reichs Thron erbebte.
 Nicht unsrer Ahnen Zahl, nicht künst-
 licher Gewehr,
 Die Eintracht schlug den Feind, die
 ihren Arm belebte.

Kennt, Brüder, eure Macht: sie liegt in
unsrer Treu.

O würde sie noch heut in jedem Leser
neu! (*).

Сверхъ того написаны шупъ
тысячи именъ и примѣчаній. Гдѣ
не обнаруживаеися склонность
человѣка къ распространенію бы-
тія своего, или слуха 'о бытіи
своемъ? Для сего открывають
новыя земли; для сего путеше-
ственникъ пишетъ имя свое на
гробѣ Бургундцевъ. Многіе, въ па-
мять того, что они посѣщали

(*) „Остановись сынъ Гельвеціи! здѣсь
лежитъ дерзостное воинство, предъ
которымъ палъ Липпихъ и пре-
пешалъ престолъ Франціи. Не чи-
сло нашихъ предковъ, не искусѣн-
шее оружіе, но *согласіе*, оживлявшее
руку ихъ, побѣдило врага. Познайте,
братья, силу свою: она состоитъ
въ нашей *вѣрности* — ахъ! да обно-
вится и нынѣ вѣрность сія въ сер-
дцахъ вашихъ.“

эпошѣ гробѣ, берущѣ изѣ него кости; я не могѣ слѣдовать ихѣ примѣру — вы догадаетесь, для чего. — Впрочемѣ всѣ кости такѣ высохли, что опѣ нихѣ нѣтъ никакого дурнаго запаха.

Далѣе за Муршеномѣ представились мнѣ развалины Абенпикума, древняго Римскаго города, — развалины, состоящія въ оспапкѣ колонадѣ, стѣнѣ, водяныхѣ трубѣ, и проч. Гдѣ великолѣпіе сего города, копорой былѣ нѣкогда первымѣ въ Гельвеціи? гдѣ его жили? Исчезающѣ царства, города и народы — исчезнемѣ и мы, любезные друзья мои!... гдѣ будутѣ стоятъ гробы наши? — Наспала ночь, взошла луна и освѣтила могилу шѣхѣ, копорые нѣкогда ликовали при ея свѣтѣ.

Лозана.

Я прїѣхалъ въ Лозану ночью. Городъ спалъ, и все молчало, кромѣ пакъ называемаго ночнаго караульщика, копорой, ходя по улицамъ, кричалъ: *ударило тасъ, граждане!* Мнѣ хопѣлось оспановипись въ пракпирѣ *золотаго льва*; но на спукъ мой опвѣчали шамъ: *tout est plein, Monsieur! tout est plein!* (все занято, государь мой, все занято!) Я поспучался въ другомъ пракпирѣ, *à la Couronne*; но и шамъ опвѣчали мнѣ: *tout est plein, Monsieur!* — Вообрази мое положеніе! Ночью на улицѣ, въ неизвѣстномъ для меня городѣ, безъ пристанища, безъ знакомыхъ! Ночной караульщикъ, или *тасовѣщатель*, сжалился надо мною, и подошедши къ запертымъ дверямъ пракпира, увѣрялъ сонливаго опвѣчателя, что *Monsieur est un voyageur de qualité* (что прїѣхавшій господинъ не изъ простыхъ

путешественниковъ); но намъ пѣмъ же голосомъ опѣвѣчали: *все занято; желаю доброй ночи Господину Путешественнику!* — *C'est impertinent* ça (это безстыдно!) сказалъ мой часовѣщатель: „походите за мною въ пракширъ оленя, гдѣ васъ вѣрно примутъ.“ — Тамъ въ самомъ дѣлѣ меня приняли, и опвели мнѣ изрядную комнапу. Добродушной караульщикъ съ улыбкою сердечнаго удовольствія пожелалъ мнѣ пріятнаго сна, опказался опъ двадцати копѣекъ, предложенныхъ ему опъ меня, — пошелъ и закричалъ: *ударило тасъ, любезные граждане!* Я развернулъ карманную книжку свою и записалъ: *такого-то числа, въ Лозанѣ, нашелъ добраго теловѣка, которой безкорыстно услуживаетъ ближнимъ.*

На другой день поутру исходилъ я весь городъ, и могу сказать, что онъ очень нехорошъ; лежишъ опчаспи въ ямѣ, опча-

спи на косогорѣ, и куда ни поди, вездѣ надобно спускаѣся съ горы или всходиѣ на гору. Улицы узки, нечиспы и худо вымощены. Но на всякомѣ возвышенномѣ мѣстѣ опкрывающа живописные виды. Чистое обширное Женевское озеро; цѣпь Савойскихъ горъ, за нимъ бѣлѣющиха, и разсѣяныя по берегу его деревни и городки — Моржъ, Роль, Ніонъ — составляютъ прелеснную, разнообразную картину. Друзья мои! когда Судьба величѣ вамъ быѣ въ Лозанъ, то взойдите на шпирасу кафедральной церкви, и вспомните, что нѣсколько часовъ моей жизни пропекли шупъ въ удовольствіи и тихой радости! Если бы теперь спросили меня: чѣмъ не лзя никогда насыпѣся? то я отвѣчалъ бы: хорошими видами. Сколько я видѣлъ прекрасныхъ мѣстъ! и при всемъ томъ смопрю на новыя съ самымъ живѣйшимъ удовольствіемъ.

У меня было письмо къ Г. Леваду (Напуралисту и Автору разныхъ піесъ, напечатанныхъ въ сочиненіяхъ Лозанскаго Ученаго Общества). Домъ и садъ его мнѣ очень понравились; въ послѣднемъ встрѣчающіяся глазамъ Лапинскія, Французскія и Англійскія надписи, выбранныя изъ разныхъ Поэтовъ. Между прочими нашелъ я строфу изъ Аддиссоновой Оды, въ которой Поэтъ благодаритъ Бога за всѣ дары, пріятныя имъ отъ руки Его — за сердце, чувствительное и способное къ наслажденію — и за друга, вѣрнаго, любезнаго друга! Щастливъ Г. Левадъ, если въ Аддиссоновыхъ стихахъ находитъ онъ собственныя свои чувства! — Сія ода напечатана въ Англійскомъ Зрителѣ. Нѣкогда просидѣлъ я цѣлую лѣтнюю ночь за переводомъ ея, и въ самую ту минуту, когда написалъ послѣдніе два стиха:

И въ самой вѣчности не можно

Воспѣть всей славы Твоея!

восходящее солнце освѣпило меня первыми лучами своими. Это упря было одно изъ лучшихъ въ моей жизни!

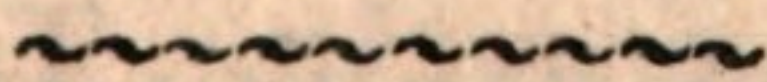
Вмѣстѣ съ Гм. Левадомъ былъ я въ Café littéraire, гдѣ можно чипать многіе Французскіе, Англійскіе и Нѣмецкіе Журналы. Я намѣренъ часто посѣщать этоу кофейной домъ, пока буду въ Лозанѣ. Теперь же, къ несчастію, нельзя прогуливаться; почти съ самаго упря идетъ пресильной дождь.

Лозана бываетъ всегда наполнена молодыми Англичанами, которые прѣзжаютъ сюда учиться по-Французски и — дѣлають разныя глупости и проказы. Иногда и наши любезные соотечественники присоединяются къ нимъ, и вмѣсто того, чшобы успѣвать въ наукахъ, успѣвають въ шалостяхъ.

По крайней мѣрѣ я никому бы не совѣпвалъ посылать дѣшей своихъ въ Лозану, гдѣ развѣ только одному Французскому языку можно хорошо выучиться. Всѣ прочія науки преподаются въ Нѣмецкихъ Университетахъ гораздо лучше, нежели здѣсь; чему доказательствомъ служишь и то, что самыя Швейцары, желающіе посвятить себя учености, ѣздятъ въ Лейпцигъ, а особливо въ Геттингенъ. Нигдѣ *способы ученія* не доведены до такого совершенства, какъ нынѣ въ Германіи; и кого Плапнеръ, кого Гейне не заспашишь полюбить науки, тотъ конечно не имѣетъ уже въ себѣ никакой способности. — Молодые чужестранцы живутъ и учатся здѣсь въ Пансіонахъ, плаща за то шесть или семь луидоровъ въ мѣсяцъ: что составишь на наши деньги около пятидесяти рублей.

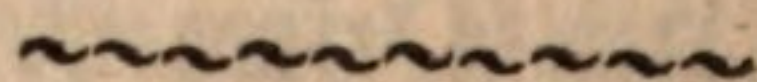
Здѣсь поселился нашъ соопе-

честпвенникъ, Графъ Григорій Кириловичъ Разумовскій, человекъ ученой и великой Напуралистъ. По любви къ наукамъ, опказался онъ опъ чиновъ, на которые знапный родъ его давалъ ему право — удаллся въ шакую землю, гдѣ Напура споль великолѣпна, и гдѣ склонноспъ его находилъ для себя болѣе пищи — живепъ въ пишинѣ, прудился надъ умноженіемъ знаній человеческихъ въ царствахъ Природы, и дѣлаепъ честъ своему опечеству. Еспъли не ошибаюсь, то онъ первой изъ Россіянъ извѣспенъ въ Европѣ какъ испинно-ученой человекъ. Сочиненія его всѣ на Французскомъ языкѣ. — За нѣсколько недѣль передъ симъ уѣхалъ онъ въ Россію, но съ тѣмъ, чпобы опяшъ возврапишся въ Лозану.

Сію минупу пришелъ я изъ каеедральной церкви. Тамъ изъ чер-

наго мрамора сооруженъ памятникъ Княгинѣ Орловой, которая въ цвѣтущей молодости скончала дни свои въ Лозанѣ, въ объятіяхъ нѣжнаго, неуспѣшнаго супруга. Сказываютъ, что она была прекрасна — прекрасна и чувствительна!... Я благословилъ память ея. — Бѣлая мраморная урна стоить на томъ мѣстѣ, гдѣ погребена Герцогиня Курляндская, которая была предметомъ почтенія и любви всѣхъ здѣшнихъ жителей. Она любила Науку и Поэзію; Наука и Музы Британніи, вмѣстѣ съ Музами Германскими, образовали духъ и сердце ея.

Въ пять часовъ поутру вышелъ я изъ Лозаны, съ весельемъ въ сердцѣ и — съ Руссовою Элоизою въ рукахъ. Вы конечно угадаете цѣль сего путешествія. Такъ, друзья мои! я хотѣлъ видѣть собственными глазами тѣ прекрасныя мѣ-

ста, въ копорыхъ безсмертной Руссо поселилъ своихъ романическихъ любовниковъ. Дорога отъ Лозаны идетъ между виноградныхъ садовъ, обведенныхъ высокою каменною стѣною, которая на обѣихъ сторонахъ была границею моего зрѣнія. Но гдѣ только стѣна перерывается, тамъ видны съ лѣвой стороны разнообразныя успуны и возвышенія горы Юры, на копорыхъ представляются глазамъ или прекраснѣйшіе виноградные сады, или маленькіе домики, или башни съ развалинами древнихъ замковъ; а на правой зеленые луга, обсаженные плодовиыми деревьями, и гладкое Женевское озеро, съ грозными скалами Савойскаго берега. — Въ девять часовъ былъ я уже въ Вевъ (до копораго отъ Лозаны чепыре Франц. мили), и оспановясь подъ тѣнію каштановыхъ деревъ гульбища, смопрѣлъ на каменные утесы Мельери, съ копорыхъ опча-

янной Сенѣ - Прѣ хотѣлъ низверг-
нувшись въ озеро, и опкуда писалъ
онѣ къ Юліи слѣдующія строки:

„Въ ужасныхъ испусленіяхъ и
„въ волненіи души моеи не могу
„я бытъ на одномъ мѣстѣ; брожу,
„съ усиленіемъ взбираюсь на высо-
„ты, усремляюсь на вершины
„скалъ; скорыми шагами обхожу
„всѣ окрестности, и вижу во
„всѣхъ предметахъ пошъ самой
„ужасъ, копорой царствуетъ въ
„моей внутренности. Нигдѣ уже
„нѣтъ зелени; права поблекла и
„пожелтѣла, деревья стоятъ безъ
„листвы, холодной вѣтеръ на-
„дуваетъ сугробы, и вся Напура
„мертва въ глазахъ моихъ, подоб-
„но надеждѣ въ моемъ сердцѣ. —
„Между скалами сего берега на-
„шелъ я, въ уединенномъ убѣжи-
„щѣ, маленькую равнину, опкуда
„видѣнъ щастливой городъ, въ ко-
„поромъ ты обитаешь. Вообрази,
„съ какою жадностію усремился

„взорѣ мой къ сему любезному мѣ-
 „сцу! Въ первой день я всячески
 „старался найши глазами домѣ
 „твой; но опѣ чрезмѣрной опда-
 „ленности всѣ мои усилія оспа-
 „вались тщетными, и я, примѣ-
 „шивъ, что воображеніе обманыва-
 „етъ глаза мои, пошелъ къ Свя-
 „щеннику и взялъ у него пеле-
 „скопѣ, посредствомъ котораго у-
 „видѣлъ жилище твое....

„Съ того времени цѣлые дни
 „провожду въ семѣ убѣжищѣ, и
 „смотрю на блаженные стѣны,
 „закрывающія въ себѣ источникѣ
 „жизни моей. Не взирая на дур-
 „ную погоду, прихожу туда по-
 „утру, и возвращаюсь оттуда но-
 „чью. Листья, сухія вѣтви, мною
 „зажигаемыя, и безпрестанное
 „движеніе защищающѣ меня опѣ
 „чрезвычайнаго холода. Сіе дикое
 „мѣсто мнѣ такъ полюбилось, что
 „я приношу туда бумагу съ чер-
 „нилицею, и теперь пишу тамъ

„письмо, на камнѣ, опвалившемся
„отъ ближней скалы.“

Вы можете имѣть понятіе о
чувствахъ, произведенныхъ во мнѣ
сими предметами, зная, какъ я
люблю Руссо, и съ какимъ удо-
вольствиемъ читалъ съ вами его
Элоизу! Хотя въ семъ романѣ мно-
го неестественнаго, много уве-
личеннаго — однимъ словомъ, мно-
го *романтескаго* — однакожь на
Французскомъ языкѣ никогда не о-
писывалъ любви такими яркими,
живыми красками, какими она въ
Элоизѣ описана — въ Элоизѣ, безъ
копорой не существовалъ бы и
Нѣмецкой *Вертеръ* (*). — Надоб-
но, чтобы красота здѣшнихъ
мѣстъ сдѣлала глубокое впечатлѣ-
ніе въ Руссовой душѣ; всѣ описа-

(*) *Оснoзаніе* романа то же, и многія
положенія (situations) въ *Вертерѣ*
взяты изъ *Элоизы*; но въ немъ бо-
лѣе *нашуры*.

нія его такъ живы , и припомъ такъ вѣрны! Мнѣ казалось, что я нашелъ глазами и ту равнину (esplanade), которая была столь привлекательна для несчастнаго Сенъ-Прё. Ахъ, друзья мои! для чего въ самомъ дѣлѣ не было Юліи! для чего Руссо не великъ искалъ здѣсь слѣдовъ ея! Жестокой! ты описалъ намъ такое прекрасное существо , и послѣ говоришь: *его нѣтъ!* Вы помните это мѣсто въ его Confessions: „Я скажу всѣмъ имѣющимъ вкусъ, всѣмъ чувствительнымъ: побѣждайте въ Веве , осматривайте его окрестности , гуляйте по озеру — и вы согласитесь, что сіи прекрасныя мѣста достойны Юліи, Клеры и Сенъ-Прё; но не ищите ихъ тамъ.“ — Коксъ, извѣстной Англійской Путешественникъ , пишетъ , что Руссо сочинялъ Элоизу , живучи въ деревнѣ Мельери; но это не справедливо. Господинъ

де Л*, о которомъ вы слыхали, зналъ Руссо и увѣрялъ меня, что онъ писалъ сей романъ въ то время, когда жилъ въ Эрмитажѣ, въ трехъ или чепырехъ миляхъ отъ Парижа (*).

(*) Тогда я не читалъ еще продолженія Руссовыхъ признаній или Confessions, которое вышло въ свѣтъ въ бытность мою въ Женевѣ, и въ которомъ описано происхожденіе всѣхъ его сочиненій по порядку. Я приведу здѣсь мѣста, касающіяся до Элоизы. Руссо, прославясь въ Парижѣ своею Оперою Devin du Village и другими сочиненіями, пріѣхалъ въ Женеву, и былъ принятъ тамъ ошмѣнно ласково; всѣ увѣряли его въ своей любви, къ почтеніи къ его дарованіямъ, и чувствительной, распроганной Руссо общалъ своимъ согражданамъ навсегда къ нимъ переселишься, и только на короткое время сѣздишь въ Парижѣ, чтобы учредишь тамъ дѣла свои. „Послѣ сего рѣшенія (говоритъ онъ) я осна-

Отдохнувъ въ пракширѣ и напившись чаю, пошелъ я далѣе по берегу озера, чшобы видѣть главную сцену романа, селеніе *Кла-*

„вилъ всѣ важныя упражненія, что-
 „бы веселился съ друзьями до вре-
 „мени моего отъѣзда. Всего болѣе
 „полюбилась мнѣ тогда прогулка съ
 „семействомъ пріятелиа моего Де-
 „люка. Въ самое прекрасное время
 „наняли мы лодку, и въ семь дней
 „обѣѣхали все озеро. Мѣста на дру-
 „гомъ концѣ его впечатлѣлись въ
 „моей памяти, и черезъ нѣсколь-
 „ко лѣтъ послѣ того я описалъ
 „ихъ въ *Новой Элоизѣ*.“ — Госпо-
 „динъ де Л* сказалъ мнѣ правду:
 Руссо точно сочинялъ свою *Эло-*
изу въ то время, когда жилъ въ *Эр-*
митажѣ подлѣ Парижа. Вотъ что
 говоритъ онъ о происхожденіи сво-
 его романа: „Я представлялъ себѣ
 „любовь и дружбу (двухъ идиловъ
 „моего сердца) въ самыхъ восхищи-
 „пельнѣйшихъ образахъ; украсилъ
 „ихъ всѣми прелестями нѣжнаго

ранѣ. Высокія густыя деревья со-
крывающѣ его отъ неперпѣливыхъ
взоровъ. Подошелъ, и увидѣлъ —
бѣдную маленькую деревеньку, ле-

„пола, всегда мною любимаго; вооб-
„ражалъ себѣ сихъ друзей не мущи-
„нами, а женщинами (если такой
„примѣръ и рѣже, то по крайней
„мѣрѣ онъ еще любезнѣе). Я далъ
„имъ два характера сходные, но
„не одинакіе; два образа, не со-
„вершенные, но по моему вкусу; до-
„броша и чувствительность оду-
„шевляли ихъ. Одна была черново-
„лосая, другая бѣлокурая; одна раз-
„судительна, другая слаба, но въ
„самой слабости своей любезная и
„добродѣтельная. Одна изъ нихъ
„имѣла любовника, которому другая
„была нѣжнымъ другомъ, и еще бо-
„лѣе нежели другомъ; но только
„безъ всякаго совмѣстничества, безъ
„ревности и ссоры: ибо душѣ моей
„шрудно вображать противныя чув-
„ства, и при томъ мнѣ не хотѣлось
„помрачить сей картины ничѣмъ,

жащую у подошвы горъ, покры-
тыхъ елями. Вмѣсто жилища
Юліина, споль прекрасно описан-
наго, представился мнѣ спарой

„унижающимъ натуру. Будучи вое-
„хищенъ сими двумя прекрасными
„образцами, я всячески сближалъ
„себя съ любовникомъ и другомъ;
„однакожь представилъ его моло-
„дымъ и прекраснымъ, давъ ему
„мои добродѣтели и пороки. Чшобы
„поселилъ моихъ любовниковъ въ
„пристойной для нихъ странѣ, я
„проходилъ въ памяти своей всѣ
„лучшія мѣста, видѣнныя мною въ
„пушешествіяхъ; но не могъ найти
„ни одного совершенно - хорошаго.
„Долины Фессалійскія могли бы
„меня удовольствовать, есшлы бы
„я видѣлъ ихъ; но воображеніе мое,
„упомленное выдумками, хотѣло ка-
„кого нибудь существеннаго мѣста,
„кошорое могло бы служить ему
„основаніемъ. Наконецъ я выбралъ
„берега шого озера, вокругъ кошо-
„раго сердце мое не переставало

замокъ съ башнями; суровая наружность его показываетъ суровость тѣхъ временъ, въ которыя онъ построенъ. Многіе изъ тамошнихъ

„носишься“—и проч. Съ неописаннымъ удовольствіемъ читалъ я въ Женевѣ сіи Confessions, въ которыхъ такъ живо изображается душа и сердце милаго Руссо. Нѣсколько времени послѣ того воображеніе мое только имъ занималось, и даже во снѣ. Духъ его парилъ надо мною. —Одинъ молодой знакомой мнѣ живописецъ, прочитавъ Confessions, такъ полюбилъ Руссо, что нѣсколько разъ принимался писать его въ разныхъ положеніяхъ, хопя (сколько мнѣ извѣстно) не кончилъ ни одной изъ сихъ картинъ. Я помню, что онъ между прочимъ изобразилъ его цѣлующаго фланелевую юпку, присланную ему на жилетъ отъ Госпожи Денине. Молодому живописцу казалось это очень прогашельнымъ. Люди имѣютъ разные глаза и разные чувства !

жишелей знають Новую Элоизу, и весьма довольны тѣмъ, что великой Руссо прославилъ ихъ родину, сдѣлавъ ее сценою своего романа. Рабопашій поселянинъ, видя тамъ любопытнаго пришельца, говоритъ ему съ усмѣшкою: *баринъ конечно читалъ Новую Элоизу?* Одинъ старикъ показывалъ мнѣ и попъ лѣсокъ, въ которомъ, по Руссову описанію, Юлія поцѣловала въ первой разъ спрасшнаго Сенъ-Прё, и симъ магическимъ прикосновеніемъ попрысала въ немъ всю нервную систему его. — За деревенькою волны озера омываютъ стѣны укрѣпленнаго замка Шильйона; унылой шумъ ихъ склоняетъ душу къ меланхолической дремотѣ. Еще далѣе, при концѣ озера (гдѣ впадаетъ въ него Рона) лежатъ Вильнёвъ, маленькой городокъ; но я посмопрѣлъ на него издали, и возвратился въ Веве.

О семъ городѣ скажу вамъ, что

положеніе его—на берегу прекра-
снѣйшаго въ свѣтѣ озера, прошивъ
дикихъ Савойскихъ утесовъ, и
подлѣ плодоносныхъ горъ — очень
пріятно. Онъ несравненно лучше
Лозаны; улицы ровны и регуляр-
ны; есть хорошіе дома и прекра-
сная площадь. Здѣсь живутъ по-
чти всѣ дворяне Французской
Швейцаріи, или Pays-de-Vaud; за
всѣмъ тѣмъ Веве не кажется
многолюднымъ городомъ.

Въ здѣшній пракпиръ вмѣстѣ
со мною вошли чепыре человекъ
въ дорожныхъ плащяхъ, и вмѣстѣ
со мною попребовали обѣда. Въ
нѣсколько минутъ мы познакоми-
лись, и я узналъ, что трое изъ
нихъ Веспфальскіе Бароны, а чеп-
вертой Польской Князь. Послѣд-
ній возвращается изъ Франціи въ
свое опечество, и заѣхалъ въ
Швейцарію только для того, что-
бы взглянуть на Мельери и Кла-
ранъ. Бароны *по довѣренности* ска-

зали мнѣ (когда Полякѣ вышелъ изъ комнапы), чпо они весьма недовольны его поварищеспвомѣ ; чпо онѣ навязался на нихѣ въ городкѣ Моржѣ, и съ того времени не даепѣ покою ушамѣ ихѣ, безпреспанно бранясь или съ кучеромѣ, или съ гребцами, или съ пракпирщиками ; и чпо онѣ, по ихѣ примѣчанію, еспѣ великой лжецѣ. Скоро я имѣлѣ случай увѣрипсья въ справедливоспи сказаннаго ими. Лишь только мы сѣли за сполѣ, Польской Князь началѣ бранипѣ хозяина за кушанье ; все было для него дурно, всего мало. Тракпирщикѣ напомнилѣ ему, чпо онѣ не въ Варшавѣ ; но Полякѣ не унялся до послѣдняго блюда. По помѣ вздумалѣ онѣ рассказывать мнѣ о Баспильскомѣ шпурмѣ, на копоромѣ будто бы проспрѣблили ему шляпу и кафшанѣ. Я не могѣ его долго слушапѣ, чувспвуя нужду въ отдох-

новеніи, и ушелъ въ опведенную
мнѣ комнапу.

Всякой, кто чипалъ примѣчанія
Коксова Переводчика, Рамона, взой-
депѣ конечно на перрасу здѣшней
церкви, чшобы сидя между гроба-
ми, подѣ мрачною пѣнію сполѣп-
нихъ деревъ, проводишь глазами
заходящее солнце, насладишься
пишиною вечернею, и видѣшь сгу-
щеніе ночныхъ пѣней на романи-
ческой картинѣ Вевейскихъ окре-
спностей. Я былъ шамъ, и погру-
зся въ самого себя, не чувство-
валъ, какъ черная, величеспвенная
ночь окинула покровомъ своимъ и
небо и землю. — Проспише.

Лозана.

Вчера возвратился я изъ Веве,
и насилу дошелъ до Лозаны, бу-
дучи измученъ зноемъ и жаромъ.

Опѣ сильного волненія въ крови провелъ я ночь безпокойно, и видѣлъ сны, изъ которыхъ одинъ показался мнѣ примѣчанія доспойнымъ. Мнѣ привидѣлось, что я въ большой залъ спою на каѣедрѣ, и при множествѣ слушателей говорю рѣчь о темпераментахъ. Проснувшись, схватилъ я перо и написалъ, что оспалось у меня въ памяти, изъ чего, къ моему удивленію, вышло нѣчто порядочное. Судите сами — вотъ сей отпрыскъ:

„Темперментъ есть основаніе
 „моральнаго существа нашего, а
 „характеръ случайная форма его.
 „Мы родимся съ темпераментомъ,
 „но безъ характера, которой об-
 „разуется мало по малу опѣ внѣ-
 „шнихъ впечатлѣній. Характеръ
 „зависитъ конечно опѣ темпера-
 „мента, но только опчаспи, за-
 „вися впрочемъ опѣ рода дѣйстви-
 „ющихъ на насъ предметовъ.

„Особливая способность принимать
 „впечатлѣнія есть темперamenti;
 „форма, которую дають сіи впе-
 „чатлѣнія нашему моральному су-
 „ществу, есть характеръ. Одинъ
 „предметъ производитъ разныя
 „дѣйствія въ моральныхъ суще-
 „ствахъ — отъ чего? отъ различ-
 „ности темперamenti, или отъ
 „разнаго свойства *моральной мас-*
 „*сы*, копорая есть младенецъ.“

Вы мнѣ повѣрите, что я не прибавилъ и не убавилъ, и напи- салъ слова точно такъ, какъ сно- видѣніе впечатлѣло ихъ въ моей памяти. Кто изъяснитъ связь идей, во снѣ намъ представляю- щихся? и какимъ образомъ онѣ возбуждаются? Я совсѣмъ не ду- малъ назву о темперamenti и характерахъ: отъ чего же мечталъ объ нихъ?

Я завтракалъ нынѣ у Г. Левада, съ двумя Французскими Маркиза- ми, пріѣхавшими изъ Парижа. Они

сообщили мнѣ весьма худое понятие о Парижскихъ дамахъ, сказавъ, что нѣкоторые изъ нихъ, видя нагой пррупъ несчастнаго дю-Фулона, перзаемый на улицѣ бѣшеннымъ народомъ, восклицали: *какъ же онъ былъ нѣженъ и бѣлъ!* И Маркизы рассказывали объ этомъ съ такимъ чистосердечнымъ смѣхомъ!! У меня сердце поворопилось.

Лозанскія общества опличающіяся отъ Бернскихъ во первыхъ тѣмъ, что въ нихъ всегда играютъ въ карпы, а вовпорыхъ и большею свободою въ обращеніи. Мнѣ кажешся, что здѣшніе жиители переняли не только языкъ, но и самыя нравы у Французовъ, по крайней мѣрѣ опчаспи, по еспь, удержавъ въ себѣ нѣкоторую жесткость и холодноспь, свойственную Швейцарамъ. Сіе смѣшеніе для меня прошивно. Цѣлоспь, ори-

гинальность ! вы во всемъ драго-
цѣнны ; вы занимаете , пишете
мою душу — всякое подражаніе
мнѣ непріятно.

Я слушалъ нынѣ проповѣдь въ
каѳедральной церкви. Проповѣд-
никъ былъ распудренъ и разря-
женъ; въ шлодвиженіяхъ и въ го-
лосѣ акперспвовалъ до крайности.
Все поученіе состояло въ высоко-
парномъ пустословіи , а компли-
ментъ начальника и всему кра-
сному городу Лозанъ былъ заклю-
ченіемъ. Я посмапривалъ то на
проповѣдника, то на слушапелей;
вообразилъ себѣ нашего П., Знам.
Священника, Лафапера — пожалъ
плечами, и вышелъ вонъ. Кспапи
или не кспапи скажу вамъ , что
изъ всѣхъ церковныхъ Рипо-
ровъ , копорыхъ мнѣ удалось чи-
тапъ или слышапъ, нравипся мнѣ
болѣе — Йорикъ.

На здѣшнемъ загородномъ гуль-
бищѣ, называемомъ Mont - Venon ,

нашелъ я нынѣ ввечеру множество
людей. Какое смѣшеніе націй!
Швейцары, Французы, Англичане,
Нѣмцы, Италіянцы, толпились
вмѣстѣ. Я сѣлъ на уединенной
лавкѣ, и дождался захожденія
солнца, которое, спускаясь къ о-
зеру, освѣщало на споронѣ Савойи
дичь, пустошу, бѣдность, а на
берегу Лозанскомъ плодоносные
сады, изобиліе и богатство; мнѣ
казалось, что въ вѣперкѣ, несущемся съ противоположнаго бере-
га, слышу я вздохи бѣдныхъ посе-
лянъ Савойскихъ.

Женева, Октября 2, 1789.

Вдругъ при письмѣ отъ васъ,
милые! Есѣли бы вы видѣли, какъ
я обрадовался! По крайней мѣрѣ
вы живы и здоровы! Благодарю
Судьбу! Есѣли щастіе ваше не-
совершенно; есѣли — — — —

(*) Друзья мои! болѣе ничего не скажу; но я хотѣлъ бы опдѣлать вамъ всѣ свои пріятныя минушны, чшобы сдѣлать жизнь вашу цѣпію минушъ, часовъ и дней пріятныхъ. Когда нибудь—мы будемъ щасливы! вѣрно, вѣрно будемъ!

Отъ Лозаны до Женевы ѣхалъ я по берегу озера, между виноградныхъ садовъ и полей, копорыя впрочемъ не такъ хорошо обрабатаны, какъ въ Нѣмецкой Швейцаріи, и поселяне въ Pays-de-Vaud гораздо бѣднѣе, нежели въ Бернскомъ и Цирихскомъ Кантонахъ. — Изъ городковъ, лежащихъ на берегу озера, лучше всѣхъ полюбілся мнѣ Моржъ.

Вы конечно удивитесь, когда скажу вамъ, что я въ Женевѣ намѣренъ прожить почти всю зиму. Окрестности Женевскія прекра-

(*) Здѣсь выпущено нѣсколько строкъ, писанныхъ не для Публики.

сны , городъ хорошъ. По рекомендацельнымъ письмамъ опворенъ мнѣ входъ въ первые дома. Образъ жизни Женевцовъ свободенъ и пріятенъ—чего же лучше? Въдъ мнѣ надобно пожить на одномъ мѣстѣ! Душа моя упомилася опъ множества любопытныхъ и безпреспанно новыхъ предметовъ, которые привлекали къ себѣ ея вниманіе; ей нужно опдохновеніе—нуженъ шонкой, сладостной, шипательной сонъ на персяхъ любезной Природы.

Тракширная жизнь моя кончилась. За девять рублей въ мѣсяць я нанялъ себѣ большую, свѣплую, изрядно прибранную комнату въ домѣ; завелъ свой чай и кофе; а обѣдаю въ Пансіонѣ, плаща за шо рубли чепыре въ недѣлю. Вы не можете вообразить себѣ, какъ пріятенъ мнѣ теперь новой образъ жизни и маленькое заведенное мною хозяй-

спво ! Вспавши рано поуспру , и надѣвъ свой походной серпукъ , выхожу изъ города, гуляю по берегу гладкаго озера, или шумящей Роны, между садовъ и прекрасныхъ сельскихъ домиковъ, въ которыхъ богатые Женевскіе граждане проводятъ лѣто ; по помѣ отдыхаю и пью чай въ какомъ нибудь пирѣ , или во Франціи , или въ Швейцаріи, или въ Савоіи (вы знаете, что Женева лежитъ на границѣ сихъ земель) — по помѣ еще гуляю, возвращаюсь домой, пью съ густыми сливками кофе, копорой варитъ мнѣ хозяйка моя, Мадамъ Лажье — читаю книгу или пишу, — въ двѣнадцать часовъ одѣваюсь, въ часъ обѣдаю ; послѣ обѣда бываю въ кофейныхъ домахъ, гдѣ всегда множесво людей, и гдѣ разсказываются вѣспи ; гдѣ разсуждаютъ о Французскихъ дѣлахъ , о декретахъ Національнаго Собранія , о Неккерѣ , о Графѣ

Мирабо, и проч. Въ шесть часовъ иду или въ театрѣ, или въ собраніе — и такимъ образомъ кончипся вечерѣ.

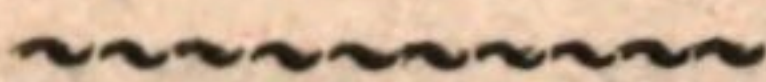
Въ разсужденіи здѣшнихъ обществъ скажу вамъ, что Женевцы обыкновенно зовутъ гостей на вечерѣ *пить чай*. Въ шесть часовъ сходятся, пьютъ кофе, чай, и ѣдятъ бисквиты; по томъ садятся играть въ карты, по большой части въ Вискъ, и проигрываютъ или выигрываютъ рубли два, три; въ десятомъ часу всѣ расходятся, кромѣ трехъ или четырехъ корешкихъ хозяину пріятелей, которые остаются у него ужинають. На сихъ *ветеринкахъ* собирается человекъ по шестидесяти; тутъ видите вы знаемыхъ Французовъ, оставившихъ свое отечество — Нѣмецкихъ Принцовъ, Англичанъ, и всего менѣе Женевцовъ. Обѣдаютъ или ужинають зовутъ рѣдко. Г. Кела, одинъ изъ Начальниковъ или Син-

диговъ здѣшней Республики, пригласилъ меня однажды къ обѣду въ загородной домъ свой. Столъ былъ очень хорошъ. Тутъ познакомился я съ Гишпанцомъ, копорой десять лѣтъ жилъ въ Петербургъ, осправляя должность Совѣтника при Гишпанскомъ Посольствѣ, и копорой, по нѣкоторымъ обстоятельствомъ, долженъ былъ оставить свое опечесство; зиму проводитъ онъ въ Ліонѣ, а лѣто въ Швейцаріи. — Баронъ де-Лю, Лафатеровъ пріятель, познакомилъ меня съ Готскими молодыми Принцами, копорые учашся здѣсь *свѣтской наукѣ*, или *пріятному обхожденію*. Я у нихъ обѣдалъ; меньшей гораздо живѣе и оспроумнѣе большаго, Наслѣдника высокаго Готскаго прона. Вы слышались о Баронѣ Г*: я улыбнулся, вспомнивъ, что имѣю честь сидѣть подлѣ его будущаго повелителя, копорой можетъ безъ

всякаго суда — опѣ чего Боже сохрани! — снятъ съ него шляпу... и голову. — Вѣчера позвалъ меня ужинашь Г. Конклеръ. Я пришелъ въ девять часовъ, но хозяинъ совсѣмъ еще неготовъ былъ принимать гостей, и сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Черезъ полчаса вошла хозяйка, и по томъ начали собираться гости. Между прочими былъ шутъ одинъ глухой Баронъ, надъ которымъ Женевскія дамы весьма забавлялись. Онъ загадывали ему загадки; Баронъ брался всѣ отгадывать, но къ несчастію не отгадалъ ни одной. На примѣръ: *для сего Генрихъ IV, врагъ всякой пышности, имѣлъ золотыя шпоры?* Баронъ пять разъ улыбался; пять разъ отвѣчалъ, но все не въ попадъ. Наконецъ вывели его изъ недоумѣнія, сказавъ: *pour piquer son cheval* (чтобы колошь свою лошадь). *О! я это думалъ!* закричалъ Баронъ: *c'est tout clair!* ни-

что не можетъ быть ясна! — Еще: что находится au milieu de Paris (въ срединѣ Парижа)? Баронъ, копорой недавно пріѣхалъ изъ Парижа, опвѣчалъ: городъ — люди — камни — грязь. Надъ каждымъ опвѣстомъ смѣялись, и наконецъ объявили, что au milieu de Paris находится г. Я только лишь хотѣлъ это сказать! закричалъ Баронъ, и всѣ захохотали. Хозяйка, копорая почищается одною изъ разумнѣйшихъ женщинъ Женевской Республики, спрашивала меня о Московскихъ дамахъ. Вопросъ: хороши ли онѣ? Опвѣтъ: прекрасны. Вопросъ: умны ли онѣ? Опвѣтъ: безпримѣрно. Вопросъ: сочиняютъ ли онѣ стихи? Опвѣтъ: неподобныя. Вопросъ: какого роду? Опвѣтъ: молитвы. — Vous badinez, Monsieur! Вы шутите! — „Извините, сударыня; я говорю почную правду.“ — Да развѣ онѣ очень много грѣшатъ? — „Нѣтъ,

сударыня ; онѣ молятся о томѣ ,
чтобы не грѣшить.“ — *А! это дру-*
гое дѣло! — Госпожа Конклерѣ по-
дала мнѣ руку, и мы пошли ужи-
нашь. —

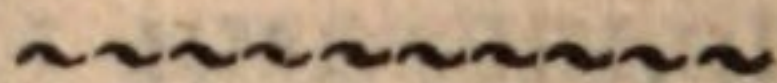

Въ полночь. Нынѣ ввечеру чув-
ствовалъ я въ душѣ своей вели-
кую тѣготу и скуку ; каждая
мысль, копорая приходила ко мнѣ
въ голову, давила мозгъ мой ; мнѣ
не ловко было ни сстоять, ни хо-
дить. Я пошелъ въ Баспіонѣ, здѣ-
шнее гульбище — легъ на углу
вала , и далъ глазамъ своимъ волю
перебѣгать отъ предмета къ
предмету. Мало помалу голова
моя облегчалась вмѣстѣ съ мо-
имъ сердцемъ. Вечеръ былъ са-
мой теплой и пріятной. На обѣ-
ихъ сторонахъ представлялись
мнѣ горы , окруженные облаками ,
копорыя носились выше и ниже
ихъ вершинъ : видъ величествен-
ной и грозной! Прямо передо мною

проспиралась большая равнина, усѣянная рощицами, деревеньками и уединенными домиками. Все было тихо. Отъ времени до времени — по большой дорогѣ, идущей вдоль равнины — мчались въ коляскахъ молодые Англичане, копорые, боясь слѣдствія скоплавшихся облаковъ, погоняли кургузыхъ коней своихъ, чпобы скорѣе возвратиться въ городъ. Въперокъ какъ ппичка прилетѣлъ отъ Юры и шеппалъ мнѣ на ухо — не знаю, чпо. Тутъ вдругъ ударили въ барабанъ. Боясь, чпобы меня не заперли въ баспiонъ, я вскочилъ и вышелъ опшуда; но не желая разспаться съ вечеромъ, пошелъ на *Трель*, другое гульбище подлѣ Рапуши, и сѣлъ на лавкѣ подъ орховыми деревьями, гдѣ предспавились мнѣ тѣ же виды, копорыми веселился я въ баспiонъ. Темнопа сгущалась; въперъ усиливался, и шумѣлъ ужасно между

деревами; облака неслись быстро, напекли на городъ , и пошелъ дождь. Обращивъ глаза на долину, вдругъ увидѣлъ я множество огней, копорые въ темнотѣ предспавляли романическое зрѣлище. Мнѣ казалось, что я вижу тамъ замки благодѣтельныхъ Фей—и всѣ сказки, копорыя воспаляли младенческое мое воображеніе , и дѣлали меня въ ребячествѣ маленькимъ Донъ - Кишопомъ , оживились въ моей памяти. Между прочими погдашними подвигами моими вспомнилъ я одинъ вечеръ, сумрачной и бурной , въ копорой , ощутивъ вдохновеніе божественныхъ Фей , укрался я отъ своего , впрочемъ весьма бдишельнаго дядьки, забрался въ ту горницу , гдѣ хранились разныя оружія , покрышыя почпенною ржавчиною —схвапилъ саблю, копорая пришлась мнѣ по рукъ , и зашкнувъ ее за кушакъ шулупа своего, отправился на гу-

мно (*) искапъ приключеній, и пропививсья силѣ злыхъ волшебниковъ; но чувствуя въ себѣ на каждомъ шагу умноженіе страха, махнулъ саблею нѣсколько разъ по черному воздуху, и благополучно возвратился въ свою комнату, думая, что подвигъ мой былъ довольно важенъ. Лѣта младенчества! кто помышляетъ объ васъ безъ удовольствія? И чѣмъ спарѣе мы станемъ, тѣмъ пріятнѣе вы намъ кажетесь.

Кто, будучи въ Женевской Республикѣ, не почтетъ за пріятную должность быть въ Ферне, гдѣ жилъ славнѣйшій изъ Писателей нашего вѣка?

Я ходилъ туда пѣшкомъ съ однимъ молодымъ Нѣмцомъ. Бывшій Вольперовъ замокъ построенъ на возвышенномъ мѣстѣ, въ нѣко-

(*) Я жилъ тогда въ деревнѣ.

ромъ разспояніи опѣ деревни Ферней, откуда идемъ къ нему прекрасная алея. Передъ домомъ, на лѣвой сторонѣ, увидѣли мы маленькую церковь, съ надписью: *Вольтеръ Богу.*

„Вольшеръ былъ одинъ изъ ревностныхъ почитателей Божества (говоритъ де-ла-Гарпъ въ похвальномъ Словѣ Фернейскому мудрецу). Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer (если бы не существовалъ Богъ, то надлежало бы Его выдумать) — сей прекрасной стихъ написанъ имъ въ спароспи, и показываетъ его „Философію.“

Человѣкъ, вышедшій къ намъ на встрѣчу, не хотѣлъ-было веспити насъ въ домъ, говоря, что господинъ его, копорому извѣстная наслѣдница Вольперова продала сей замокъ, не велѣлъ никого пускатъ туда; но мы увѣрили его въ нашей благодарности, и въ минушу

отворилась намъ дверь во святилище, то есть въ тѣ комнапы, гдѣ жилъ Вольтеръ, и гдѣ все осталось такъ, какъ при немъ было. Комнатные приборы хороши и довольно богаты. Въ той горницѣ, гдѣ спойтъ Вольтерова кровать, было погребено его сердце, которое Гжа Денисъ увезла съ собою въ Парижъ. Остался одинъ черной монументъ, на которомъ написано въ срединѣ: *son esprit est partout, & son coeur est ici* (*духъ его вездѣ, сердце его здѣсь*), а въ верху: *mes manes sont consolés, puisque mon coeur est au milieu de vous* (*тѣнь моя утѣшена, ибо сердце мое посреди васъ*). На стѣнахъ висятъ портреты: первый нашей Императрицы, шитый на шелковой матеріи, съ подписью: *présenté à Mr. Voltaire par l'Auteur*, — и на сей портретъ смотрѣлъ я съ большимъ примѣчаніемъ и съ большимъ удовольствіемъ.

емъ, нежели на другіе); — второй покойнаго Прускаго Короля; претій Ле-Кеня, славнаго Парижскаго Актера; четвертой самого Вольпера, и (пятой) Маркизы де Шапле, копорая была ему другомъ, и болѣе нежели другомъ. Между гравированными изображеніями замѣшилъ я портретъ Невтона, Буало, Мармоншеля, д'Аланберта, Франклина, Гельвеція, Клименпа XIV, Дидроша и Делиля. Прочіе эстампы и каршины не важны. — Спальня Вольперова служила ему и кабинетомъ, изъ котораго онъ научалъ, прогалъ и смѣшилъ Европу. Такъ, друзья мои! должно признасться, что никто изъ Авторовъ осьмагонадесять вѣка не дѣйствовалъ такъ сильно на своихъ современниковъ, какъ Вольперъ. Къ чести его можно сказать, что онъ распространилъ сію взаимную терпимость въ Вѣрахъ, копорая сдѣлалась ха-

ракшеромъ нашихъ временъ, и наиболѣе посрамилъ гнусное лжевѣріе, которому еще въ началѣ осьмагонадесять вѣка приносились кровавыя жертвы въ нашей Европѣ (*). — Вольшеръ писалъ для чипапелей всякаго рода, для ученыхъ и неученыхъ; всѣ понимали его, и всѣ плѣнялись имъ. Никто лучше его не умѣлъ показывать смѣшнаго во всѣхъ вещахъ, и никакая Философія не могла устоять противъ Вольперовой ироніи. Публика всегда была на его споронѣ, пошому что онъ доставлялъ ей удовольствіе смѣяться! — Вообще въ сочиненіяхъ его не най-

(*) Но я не могу одобрить Вольпера, когда онъ отъ суевѣрія не отличалъ истинной Христіанской Религіи, которая, по словамъ одного изъ его соопечественниковъ, находится къ первому въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находится правосудіе къ ябедѣ.

демъ мы пѣхъ великихъ идей, которыя Геній Напуры, такъ ска-
зашъ, непосредственно вдыхаетъ
въ избранныхъ смертныхъ; но сіи
идеи и понятны бывають только
не многимъ людямъ, и потому са-
мому кругъ дѣйствія ихъ весьма
ограниченъ. Всякой любитъся па-
реніемъ весенняго жаворонка; но
чей взоръ дерзнетъ за орломъ къ
солнцу? Кто не чувствуетъ кра-
соты *Заиры*? но многіе ли удив-
ляются *Отеллу* (*)?

Положеніе Фернейскаго замка
такъ прекрасно, что я позавидо-
валъ Вольперу. Онъ могъ изъ оконъ
своихъ видѣть *бѣлую* Савойскую
гору, высочайшую въ Европѣ, и
прочія снѣжныя громады, вмѣстѣ
съ зелеными равнинами, садами
и другими пріятными предметами.
Фернейской садъ разведенъ имъ
самимъ, и показываетъ его вкусъ.

(*) Тогда я такъ думалъ!

Всего болѣе полюбилась мнѣ длинная алея; при входѣ въ нее кажется, что она примыкаетъ къ самымъ горамъ. — Большой, чистой прудъ служи́тъ зеркаломъ для высокихъ деревь, осѣняющихъ берега его.

Имя Вольперово подтвержда́тъ всѣ жители Фернея. Тамъ, сѣвъ подъ вѣтвями каштановаго дерева, прочиталъ я съ чувствомъ сіе мѣсто въ ла-Гарповомъ похвальномъ Словѣ:

„Подданные, лишенные отца и
„господина своего, и дѣти ихъ,
„наслѣдники его благодѣяній, ска-
„жутъ спраннику, которой со-
„врашится съ пупи своего, чтобы
„видѣть Ферней: *Вотъ дома, или*
„построенные — убежище, которое
„далъ онъ полезнымъ искусствамъ
„(*) — поля, которыя обогатилъ

(*) Известно, что Вольперъ принялъ къ себѣ въ Ферней многихъ худож-

„онъ плодами. Сіе многолюдное
 „и цвѣтущее селеніе родилось подъ
 „его смотрѣніемъ, родилось среди
 „пустыни. Вотъ рощи, дороги и
 „тропинки, едѣ мы столь тасто
 „его видали. Здѣсь горестное Ка-
 „ласово семейство окружило своего
 „покровителя; здѣсь сіи несчастные
 „обнимали колѣна его. Сіе дерево
 „посвящено благодарностію, и сѣ-
 „кира никогда не отдѣлитъ его
 „отъ корня. Онъ сидѣлъ подъ его
 „тѣнію, когда разоренные поселяне
 „пришли требовать его помощи;
 „тутъ проливалъ онъ слезы сожа-
 „лѣнія, и скорбь бѣдныхъ превра-
 „тилъ въ радость. Въ семъ мѣстѣ
 „видѣли мы его въ послѣдній разъ
 „— — и внимающій спранникъ,
 „копорою при чпеніи Заиры не
 „могъ удержашъ слезъ своихъ,
 „прольепъ можетъ быть еще при-

никовъ, которые принуждены были
 оснавыпъ Женеву.

„япнѣйшїя въ память благопво-
ришеля.“

Мы обѣдали въ Фернейскомъ
пракпирѣ съ двумя молодыми Ан-
гличанами, и пили очень хорошее
Французское вино, желая блажен-
ства душъ Вольперовой.

Отъ Женевы до Фернея не бо-
лѣе шести верстѣ, и я въ семь
часовъ вечера былъ уже дома.

Нѣкоторые изъ здѣшнихъ граж-
данъ ввели меня въ свои такъ на-
зываемые *Серкли*, которыхъ здѣсь
очень много, и въ которыхъ Же-
невцы послѣ обѣда пьютъ кофе
и курятъ табакъ. Тутъ не быва-
етъ женщинъ; говоря же бо-
лѣе всего о Парижскихъ ново-
стяхъ. Здѣшніе богачи повѣрили
Франціи миліоны, и до сего вре-
мени получали съ нихъ большіе
проценты; но теперь боятся,
чтобы Французы не сказались
банкрутами, отъ чего могутъ ра-
зориться въ Женевѣ первые дома.

Но тебя, бѣдной сѣверѣ, тебя не
удостоиваетъ Женевецъ своего
вниманія! Тотъ, кто знаетъ всѣ
подробности Парижскихъ проис-
шествій, едва ли знаетъ, что у
Россіи со Швеціею война. Визирь
два раза разбилъ, Бѣлградъ взялъ
— никто объ этомъ не говоритъ,
никто не радуется. Любезная
Германія! въ нѣдрахъ твоихъ зву-
чатъ рюмки и спаканы, когда
Слава пропрубитъ щасливый
подвигъ сыновъ твоихъ; Рейнвейнъ
и вино Токайское пѣнятся въ куб-
кахъ; раздаются поржесвенныя
пѣсни вдохновенныхъ Бардовъ.
Германія! для чего я оставилъ
тебя такъ скоро?

На сихъ дняхъ обѣдалъ я за
городомъ въ сельскомъ домикѣ,
вмѣстѣ со многими Женевцами
и чужестранными. Обѣдъ былъ са-
мой веселой; всѣ мы сидѣли въ
шляпахъ и пѣли пѣсни. Послѣ
школа иные кашались въ лодкѣ по

озеру, другіе играли *въ шары*, или, сидя на крыльцѣ, спокойно курили свои прубки. — Пробывъ тамъ до вечера, пошелъ я назадъ въ городъ — и могъ ли думать, чѣмъ на семъ пуши ожидала меня опасность? Вы конечно не угадаете, какая? Я шелъ задумавшись, наступилъ на змѣю, и увидѣлъ ее только тогда, какъ она начинала уже обвиваться вокругъ ноги моей, и подымала вверхъ голову, чѣмъ сквозь чулокъ ужалила меня.... Но не бойтесь! я сбросилъ ее съ ноги, прежде нежели она могла влить въ нее ядъ свой. *Злобная тварь!* думалъ я, смотря, какъ она ползла отъ меня по желтому песку: *злобная тварь! жизнь твоя теперь въ моихъ рукахъ; но если Иматура терпитъ тебя въ своемъ царствѣ, то я не хоту прекращать бѣднаго бытія твоего — пресмыкайся!*

Не помню, писалъ ли я къ вамъ,

чтобы вы адресовали письма свои
à la grande rue, No 17. На сей
разъ просите!

Женева, Ноября 1, 1789.

Послѣ письма, пересланнаго че-
резъ Лафатера, не получалъ я
отъ васъ ни одной строки. Не
совсѣсно ли вамъ такъ долго мол-
чать? Вы знаете, что я только
посредствомъ васъ сообщаюсь съ
любезнымъ моимъ опечесствомъ.

Здѣшняя жизнь моя довольно
единообразна. Прогуливаюсь и чи-
таю Французскихъ Авторовъ, и
старыхъ и новыхъ, чтобы имѣть
полное понятіе о Французской
Литтературѣ; бываю на Женев-
скихъ вечеринкахъ и въ Оперѣ.
Спрогой, любезной Гуссо! соопе-
чественники твои не послушались
тебя, построили Театръ и лю-

III.

бятѣ его спраспно (*). Здѣсь и-
 грають двѣ Дижонскія Трупы :
 одна лѣтомъ и осенью , а другая
 зимою и весною; первая оперы , а
 вторая комедіи и трагедіи. Двѣ
 или три актрисы , два или три
 актера , играють и поють очень
 изрядно. Недавно представляли
 Апису , большую оперу , копорой
 музыку сочинялъ славной Пичини.
 Въ композиціи есть нѣчто вели-
 кое, возвышающее душу. Арія :
Vivre ou mourir, копорую поють
 несчастные любовники , гонимые
 судьбою и ревностію жестокой
 Цибеллы, прекрасна, несравненна.
 Изъ маленькихъ Французскихъ *опе-
 ретокъ* полюбилась мнѣ болѣе всѣхъ
les petits Savoyards (маленькіе
 Савояры); есть прогавельная мѣ-
 ста , и почти всѣ голоса очень
 хороши.

(*) Руссо съ великимъ жаромъ утвер-
 ждалъ , что Театръ вреденъ для
 нравовъ.

Въ Пансіонѣ вмѣстѣ со мною
обѣдають челоѣкъ двѣнадцать.
Данской Баронъ , Французской
Маркизъ, недавно прѣбывавшій изъ
Парижа , и Капитанъ Женевскаго
полку, играютъ за столомъ первыя
роли. Баронъ путешествовалъ въ
Германіи, Франціи и Англіи, гово-
ритъ хорошо по-Нѣмецки, и увѣ-
ряетъ всѣхъ Французовъ, что онъ
лучше ихъ знаетъ Французской
языкъ , хотя не всѣ ему въ томъ
вѣрятъ. По крайней мѣрѣ онъ бра-
нился по - Французски не хуже
площадныхъ Парижскихъ рыцарей.
Г. Баронъ не терпитъ никакихъ
противорѣчій , и гошовъ драпья
всякую мину ; съ презрѣніемъ
говоритъ о Женевцахъ , и весьма
спрого судитъ бѣдныхъ здѣшнихъ
актеровъ. — Маркизъ рассказываетъ,
что онъ прѣбывалъ въ Женеву от-
дыхать , и никакъ не хочетъ за-
водить знакомствъ, находя въ уе-
диненіи несказанное удовольствіе.

Даешъ чувствовати, что онъ Ав-
 торъ ; хвалишъ Ж. Жака , и *увѣ-*
ряетъ, что онъ писалъ электри-
 ческимъ перомъ ; а Корнель , по
 его мнѣнію, есть величайшій изъ
 мужей, когда-либо произведенныхъ
 Нашурою. Вольперъ , говоришъ
 онъ, былъ человекъ умной, но раз-
 суждалъ очень худо. Однакожь Г.
 Маркизъ собирается бѣжать въ
 Ферней, думая, что въ Вольперо-
 вомъ кабинетѣ крылатое вдохно-
 веніе спустился на его голову.
 — Женевской бравой Капитанъ,
 служившій нѣсколько лѣтъ Коро-
 лю Прусскому , говоришъ весьма
 охотно , и по временамъ осмѣли-
 вается пропиворѣчить Барону ;
 но всегда принужденъ бываетъ
ретироваться , когда загремятъ
 громы изъ устъ Баронскихъ. Всѣ
 піесы, играемыя на здѣшнемъ Те-
 атрѣ, хвалишъ онъ одинакимъ об-
 разомъ. *Эдинъ* , по его словамъ,
est rempli de sentiment (испол-

ненѣ чувствва); и опера *Кузнецъ* est rempli de sentiment (исполнена чувствва). Проспосердечіе и невѣжество его часпо заспавляють насѣ смѣяпсья. — Между прочими еспѣ еще одинѣ примѣчанія доспойной человѣкѣ, родомѣ Женевецѣ, копорой обѣѣздилѣ всѣ чепыре часпи свѣта, присвоилѣ себѣ право лгати немилосердо, и хотѣлѣ увѣрипѣ меня, что многіе изѣ жипелей Папагоніи бывають роспомѣ вѣ чепыре аршина.

Докторѣ Беккерѣ пріѣхалѣ вѣ Женеву. Мы вспрѣпились на улицѣ и бросились обнимапѣ другѣ друга, какѣ спаринные друзья обнимаются послѣ долгой разлуки. Съ того времени мы всякой день видимся, иногда вмѣспѣ гуляемѣ и пьемѣ чай передѣ каминомѣ; онѣ нанялѣ себѣ комнапу вѣ той же улицѣ, гдѣ я живу. Единоземцы его, Графѣ Молпке и Поэпѣ Багзенѣ, остались вѣ Бернѣ. Послѣд-

ній скоро женився, и самымъ романтическимъ образомъ. Я писалъ къ вамъ, что Беккеръ побѣхалъ съ ними въ Луцернъ. Опшуда пробрались они черезъ горы въ Унтерзеенъ, и пришедши въ великомъ изнеможеніи на берегъ озера, сѣли въ лодку, чтобы плыть въ городъ Тунъ. Въ самую ту мину, какъ лодшникъ хотѣлъ уже опвалитъ отъ берега, явилась молодая дѣвушка съ пожилымъ мужчиною, — дѣвушка лѣтъ въ двадцать, пріятная, миловидная, въ зеленой шляпкѣ, въ бѣломъ плащѣ, съ простью въ рукахъ, — приближилась къ лодкѣ, порхнула въ нее какъ пшичка, и съ улыбкою сказала нашимъ путешественникамъ (которые, какъ *рыцари петальнаго образа*, сидѣли повѣся головы): *Bonjour, Messieurs!* Они изумились отъ сего нечаяннаго явленія, приспально посмопрѣли на дѣвушку, взглянули другъ на друга, и на силу вспом-

нили, что имъ надлежало отвѣ-
чать на привѣтствіе милостивой
незнакомки. Докторъ Беккеръ у-
вѣряетъ меня — а онъ человекъ
правдивой — Беккеръ увѣряетъ,
что они отвѣчали ей весьма хо-
рошо, хотя Графъ на второмъ
словѣ заикнулся, а Багзенъ и онъ
Докторъ ничего не сказали. Уже
волны Тунскаго озера помчали
лодку ихъ на влажныхъ хребтахъ
своихъ — или, просто сказать,
они плыли, и начинали мало по
малу разговаривать. Дѣвушка ска-
зала Дашчанамъ, что она съ дядею
своимъ посѣщала въ Унперзеенъ
больную, добрую свою кормилицу,
и возвращается въ Бернъ. Какъ
же вы оставили ее? спросили чув-
ствительные путешественники
съ видомъ заботливости. „Слава
Богу! ей спало гораздо легче“ —
отвѣчала незнакомка. По томъ
она захотѣла знать отечество и
фамилію своихъ сопутниковъ;

узнавъ же, что Графъ есть внукъ бывшаго Датскаго Министра, начала говорить о семъ почтенномъ мужѣ, объ исторіи его времени, и показала, что ей извѣстны Европейскія происшествія. Въ Тунѣ приспали къ берегу. Графъ подалъ ей руку, и вмѣстѣ съ товарищами своими проводилъ ее до пракпира, гдѣ и для нихъ нашлась комната. Тунѣ свѣдали они отъ пракпирищика, что прелестная соупница ихъ есть дѣвица Галлеръ, внука великаго Философа и Поэта сего имени. Багзенъ вспрыгнулъ отъ радости, и побѣждалъ къ ней снова рекомендоваться, и увѣрялъ ее въ своемъ неограниченномъ почтеніи къ твореніямъ покойнаго ея дѣдушки. „Ахъ! естѣли бы вы знали его лично!“ сказала она съ чувствомъ: „въ самой спароспи плѣнялъ онъ любезностію своею и большихъ и малыхъ. Я не могу

удержаться отъ слезъ, воображая, какъ онъ въ свободные часы, — послѣ важныхъ, для человѣчества полезныхъ трудовъ — безпечно и весело игривалъ съ нами, малыми дѣтьми; бралъ меня на колѣни, цѣловалъ и называлъ своею милою Софьею.“ — — Тупъ милая Софія бѣлымъ платкомъ обтерла слезы свои. Багзенъ плакалъ вмѣстѣ съ нею, и въ восторгѣ чувствительности осмѣлился поцѣловать ея руку. — Наши путешественники забыли свою усталость, просидѣли весь вечеръ съ дѣвцею Галлеръ, и ужинали вмѣстѣ съ нею. На другой день имъ надлежало рано ѣхать въ Бернъ; а Софія и дядя ея оставались еще въ Тунъ. „Не уже ли мы навсегда простимся?“ сказалъ молодой Графъ, смотря въ глаза Софіи. Багзенъ также смотрѣлъ ей въ глаза, и еще съ живѣйшимъ выраженіемъ нѣжности. Докторъ Бек-

керъ пропянулъ голову впередъ , въ ожиданіи опвѣта ея. Она улыбнулась , и подала Графу карпочку : *вотъ адресъ нашей фамиліи, которая потѣтъ за великое удовольствіе угостить любезныхъ путешественниковъ.* Дашчане изъявили ей благодарность свою , и пошли въ опведенную имъ комнату. — На другой день по пріѣздѣ своемъ въ Бернъ сочли они за пріятную должностъ явиться съ почщеніемъ къ дѣвицѣ Галлеръ. Ее не было дома ; однакожь дядя и шепка ея приняли ихъ очень ласково. *Скоро ли будетъ домой дѣвица Галлеръ? скоро ли возвратится дѣвица Софія? скоро ли увидимъ мы пріятную нашу сопутницу?* вотъ вопросы, на которые эпопъ дядя и эпа шепка принуждены были опвѣчать всякую мину. Наконецъ пришла дѣвица Галлеръ , возвратилась дѣвица Софія; Дашчане увидѣли свою пріятную сопутни-

цу, и не могли удержаться отъ радостнаго восклицанія при ея входѣ. Она обошлась съ ними какъ съ знакомыми, и показалась имъ еще прелестнѣе, еще милѣе. Графъ, Багзенъ, Беккеръ, хотѣли говорить съ нею вдругъ, и вдругъ дѣлали ей вопросы. Одному отвѣчала она словами, другому улыбкою, третьему движеніемъ руки — и всѣ были довольны. Вечеру предложили гулянье; собрались пріятели и пріятельницы — но Дашчане никого не видали, никого не слышали, кромѣ Софіи. Разспались съ тѣмъ, чѣмъ на другой день опять видѣться. Другой, третій и четвертый день были проведены почти такъ же. Въ сіе время Беккеръ примѣтилъ, что онъ не можетъ быть *первымъ* для Софіи, умѣрилъ жаръ свой въ обхожденіи съ нею, и оставилъ всѣ пріисканія на опличную благосклонность ея. Графъ примѣтилъ мо-

жепѣ бытъ по же, сдѣлался пасмуренѣ, скоро совсѣмѣ пересталъ ходишь къ Софіи, и началъ искапъ разсѣянiя въ Бернскихъ обществахъ. Чпо принадлежишь до Багзена, по едва ли Лезбійская Пѣснопѣвица могла такъ спрашно любишь своего Фаона, какъ онѣ полюбилъ Софію; и никогда жрица Аполлонова, сидя на златомѣ треножникѣ, не препепала такъ сильно въ свяпыхъ воспоргахъ своихъ, какъ препепалъ нашъ молодой Поэтѣ, прикасаясь устами къ Софіиной рукѣ. Всякое слово его одушевлялось чувствомѣ, когда онѣ говорилъ съ нею, и чувспва его былъ — пламя. Онѣ не осмѣливался сказапъ ей: *я люблю тебя!* но нѣжная Софія понимала его, и не могла бытъ равнодушна къ такому любовнику. Она спала не такъ жива и весела, какъ прежде — иногда задумывалась, и глаза ея блиспали какъ

молніи. Часпо по вечерамъ гуляли они двое вѣ алеяхъ Бернской террасы; густыя тѣни каштановыхъ деревъ и лучи свѣтлаго мѣсяца были свидѣтелями ихъ непорочнаго обхожденія, до самаго того времени, какъ плапониической любовникъ, вѣ одинъ изъ сихъ пріятныхъ вечеровъ упавъ на колѣни передъ Софіею и схвативъ ея руку, сказалъ: *она моя! твое сердце образовано для моего сердца! мы будемъ щастливы!* . . . „Она твоя“ — отвѣчала Софія, посмопрѣвъ на него съ нѣжностію; „она твоя! и я надѣюсь быть съ тобою щастлива!“ — Пусть другой, а не я, опишетъ сію минушу! — Вѣ тотъ же самой вечеръ всѣ родственики дѣвицы Галлеръ обняли Багзена какъ ея жениха и своего друга, и черезъ нѣсколько недѣль положили быть свадьбѣ. — Теперь Поэтъ нашъ наслаждается прекрасною зарею того щастія, ко-

торое ожидаетъ его въ объятіяхъ милой супруги, и въ воспоргѣ своемъ прославляетъ берегъ Тунскаго озера, гдѣ глаза его увидѣли, и гдѣ душа его полюбила Софію. — Между тѣмъ Графъ Молпке совершенно успокоился и радуется щастію своего друга. Беккеръ также радуется — и рассказалъ мнѣ все то, что вы теперь читали.

Осень дѣлаетъ меня меланхоличкомъ. Вершина Юры покрылась снѣгомъ; деревья желтѣютъ, и права сохнутъ. Брожу sur la Treille, съ уныніемъ смотрю на развалины лѣша; слушаю, какъ шумитъ въперъ — и горестъ мѣшается въ сердцѣ моемъ съ какимъ-то сладкимъ удовольствіемъ. Ахъ! никогда еще не чувствовалъ я столь живо, что печеніе Напурры есть образъ нашего жизненнаго печенія!... Гдѣ ты, весна жизни моей? Скоро, скоро прохо-

дитѣ лѣто — и въ сію минутоу
сердце мое чувствуетъ холодъ
осенній. Простите, друзья мои!

Гора Юра, 8 Маября 1789.

Тавернье, копорой обѣздитъ
большую часть свѣта, — Тавернье
говорилъ, что онъ, кромѣ одного
мѣста въ Арменіи, нигдѣ не на-
ходилъ такого прекраснаго вида,
какъ въ Обонѣ. Сей городокъ ле-
житъ на скалѣ высокой Юры,
не далеко отъ Моржа, верстахъ
въ тридцати отъ Женевы: и такъ,
взявъ въ руки Діогенской посохъ,
отправился я въ путь, чтобы соб-
ственными глазами видѣть эту кар-
тину, копорою восхищался славной
Французской путешественникъ.

Теперь, любезные друзья мои,
сидю я на голубой Юрѣ, выше
городка Обоня — смотрю, и взоръ
мой перелетаетъ въ безчисленныхъ

красотахъ видимой мною страны, освѣщаемой вечернимъ солнцемъ.

Все Женевское свѣтлое озеро какъ зеркало предспавляется глазамъ моимъ — по сую сторону множество городовъ, деревень, сельскихъ домиковъ, луговъ, лѣсочковъ и дорогъ, которыя одна другую пересѣкающъ, расходящся и опять соединяющся, и на которыхъ движущся люди какъ дѣятельные муравьи — а по шу сторону, на Савойскомъ берегу, страшныя скалы, нѣсколько хижинъ, и наконецъ гордая *бѣлая гора* въ снѣжной своей мантіи, въ алоцвѣтной коронѣ, красимой солнечными лучами, — какъ царица среди прочихъ окружающихъ ее горъ, высокихъ и гордыхъ, но передъ нею низкихъ и смиренныхъ. . . . Вознося къ небсамъ главу свою, она вопрошаетъ Европу: *что выше меня?* и Европа опвѣщствуетъ ей почтительнымъ молчаніемъ.

Насыщайся, мое зрѣніе! Я долженъ оставить сію землю. . . .
 Для чего же, когда она споль прекрасна? Поспрою хижину на голубой Юрѣ, и жизнь моя пропечетъ какъ восхищительной сонъ!...
 Но ахъ! здѣсь нѣтъ друзей моихъ!

Величественный *рельефъ* Напуры! впечатлѣйся въ моей памяти! Увижу ли тебя еще разъ въ жизни моей, не знаю; но естли огнедышущіе Вулканы не превратятъ въ пепелъ красотъ твоихъ — естли земля не распушилась подъ тобою, не осушитъ сего свѣтлаго озера, и не поглотитъ береговъ его — ты будешь всегда удивленіемъ смертныхъ! Можетъ быть дѣти друзей моихъ придутъ на сіе мѣсто: да чувствуютъ они, что я теперь чувствую, и Юра будетъ для нихъ незабвенна! —

Солнце закатилось; но горы блистаютъ. Темнѣетъ синяя твердь — еще сіяютъ при холма *бѣлой*

горы. Шумишѣ въперѣ — облака показывающіеся на западѣ, разливаются по небу, и мрачная завѣса скрываетъ отъ глазъ моихъ великолѣпную картину.

Обонъ, II часовъ вечера.

Тавернье, возвращаясь изъ Индіи съ великимъ богатствомъ, купилъ Обонское Баронство, и хотѣлъ здѣсь провести остатокъ дней своихъ. Но мысль къ путешествіямъ снова пробудилась въ душѣ его — будучи осьмидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду, поѣхалъ онъ на край сѣвера, и скончалъ многопрудную жизнь свою въ столицѣ нашего Государства, въ 1689 году. Возвращаясь въ Москву, я постараюсь найти гробъ сего примѣчанія достойнаго человека, который объѣздилъ всю Европу и Азію, шесть разъ былъ въ Туре-

ціи, Персіи, Індії, и все еще не насытился пупешесствіями. — Опець его торговалъ географическими картами; сынъ любилъ ихъ разсмапривать, и часпо говорилъ опцу: *Ахъ, батюшка! какъ бы хорошо было видѣть всѣ тѣ земли, которыя изображены здѣсь на бумагѣ!* Вопрь начало его спраспи! —

Какое различіе въ судьбѣ человеческой! Одинъ родился и умираетъ въ опцевской своей хижинѣ, не зная, что дѣлается за полями его; другой хочетъ все знать, все видѣть — и необозримые Океаны не могутъ ограничить его любопытства.

Въ человеческой натурѣ есть двѣ прошивныя склонности: одна влечетъ сердце наше всегда къ *новымъ* предметамъ, а другая привязываетъ насъ къ *старымъ*; одну называютъ *непостоянствомъ*, *любовью* къ *новостямъ*, а другую при-

выткою. Мы скучаемъ единообра-
зіемъ и желаемъ перемѣнъ; одна-
кожь, распаваясь съ тѣмъ, къ
чему душа наша привыкла, чув-
ствуемъ горестъ и сожалѣніе.
Щасливъ попъ, въ комъ сіи двѣ
склонности равносильны! Но въ
комъ одна другую перевѣситъ,
попъ будетъ или вѣчнымъ бродя-
гою, вѣтреннымъ, безпокойнымъ,
мѣлкимъ въ духѣ; или холоднымъ,
лѣнивымъ, нечувствительнымъ.
Одинъ, перебѣгая безпрестанно опъ
предмета къ предмету, не мо-
жетъ ни во что углубиться, дѣ-
лается разсѣяннымъ, и слабѣетъ
сердцемъ; другой, видя и слыша
всегда *то же да то же*, грубѣетъ
въ чувствахъ, и наконецъ засыпа-
етъ душою. Такимъ образомъ сіи
двѣ крайности сближаются, по-
тому что и та и другая ослаб-
ляетъ въ насъ душевныя дѣйствія.
— Читайте Тавернье, Павла Лю-
каса, Шарденя и прочихъ славныхъ

путешественниковъ, которые почти всю жизнь свою провели въ странствіяхъ: найдете ли въ нихъ нѣжное, чувствительное сердце? Тронутъ ли они душу вашу? — Ахъ, друзья мои! человекъ, который десять, двадцать лѣтъ можетъ пробыть въ *тужихъ* земляхъ, между *тужими* людьми, не посякая о тѣхъ, съ которыми онъ родился подъ однимъ небомъ, питался однимъ воздухомъ, учился произносить первые звуки, игралъ въ младенчествѣ на одномъ полѣ, вмѣстѣ плакалъ и улыбался — сей человекъ никогда не будетъ мнѣ другомъ! —

Проспите! Перо выпадаетъ изъ рукъ моихъ, и мягкая постеля манитъ меня въ свои объятія.

Женева, 26 Ноября 1789.

Долго я не писалъ къ вамъ, друзья мои, для того что не могъ писать. Около двухъ недѣль мучила меня такая жестокая головная боль, какой я опъ роду не чувствовалъ, и копорая не только не давала мнѣ за перо приняться, но даже и спать мѣшала. Опершись на столъ, просиживалъ я дни и ночи, почти безъ всякаго движенія, и закрывъ глаза. Добродушная хозяйка моя, Мадамъ Лажье, приводила ко мнѣ Доктора; но лекарства его не помогали.

Наконецъ благодѣтельная Натура сжалилась надъ бѣднымъ страдальцомъ, и сняла съ головы моей свинцовую пягосъ. Вчера я въ первой разъ вздохнулъ свободно, и въ первой разъ, вышедши на чистый воздухъ, поднялъ на небо глаза свои. Мнѣ казалось, что вся Природа радовалась со мною — я плакалъ какъ младенецъ, и узналъ,

что болѣзнь не ожесточила моего сердца — оно не разучилось наслаждаться, — чувствуюсь такъ же, какъ и прежде, и любезный образъ друзей моихъ снова сіяетъ въ немъ во всей своей ясности. Ахъ, милые! въ сію минушу исчезло раздѣляющее насъ пространство — я обнималъ васъ вмѣстѣ съ Напурою, вмѣстѣ съ цѣлою вселенною!

Исчезни воспоминаніе о прошедшей болѣзни! Я не хочу быть злопамятенъ пропивъ мапери моей Природы, и забуду все, кромѣ того, чѣмъ она улаживаетъ чашу дней моихъ!

Женева, Декабря 1, 1789.

Нынѣ минуло мнѣ двадцать чепыре года! Въ шесть часовъ утра вышелъ я на берегъ Женевскаго озера, и устремивъ глаза на

голубую воду его, думалъ о жизни
человѣческой.

Друзья мои! дайше мнѣ руку,
и пусть вихрь времени мчитъ насъ,
куда хочешъ! — Довѣренность къ
Провидѣнію — довѣренность къ
той невидимой Рукѣ, копорая дви-
жетъ и міры и апы; копорая
бережетъ и червя и человекъ —
должна бытъ основаніемъ нашего
спокойствія.

Этотъ день хотѣлъ бы я про-
вести съ вами; но какъ бытъ! —
Спану хотя въ мысляхъ вами ра-
доваться. И вы конечно вспомни-
те нынѣ своего друга.

Вмѣстѣ съ Беккеромъ намѣренъ
я обѣдать у Барона де Лю, а у-
жинаеть въ пражирѣ золотыхъ
ѣсовъ, гдѣ у насъ будетъ веселой
концертъ.

Женева.

Вы можете быть удивляешесь, друзья мои, что я по сіе время ничего не говорилъ вамъ о великомъ Боннетѣ, копорой живеѣ въ верспахъ въ чепырехъ отъ Женевы, въ деревнѣ Жанпу. Мнѣ сказали, что онъ весьма нездоровъ, глухъ и слѣпъ, и никого кромѣ ближнихъ родственниковъ не принимаетъ; по чему я не имѣлъ надежды видѣть сего славнаго Философа и Напуралиста. Но прешлаго дня Г. Кела, свойственникъ его, вызвался самъ ѣхать къ нему со мною, увѣривъ меня, что посѣщеніе мое не будетъ ему въ тягосъ. Мы пріѣхали къ нему поутру, но не зашли его дома: онъ прогуливался. Г. Кела велѣлъ ему сказать, что одинъ Руской путешественникъ желаетъ быть у него — и на другой день Боннетъ прислалъ звать меня. Въ назначенное время поступался я у

дверей сельскаго его домика, былъ введенъ въ кабинетъ Философа, увидѣлъ Боннепа, и удивился. Я думалъ найти слабаго спарца, угнетеннаго бременемъ лѣтъ — обвѣщающую скинію, копорой временный обитатель, небесный гражданинъ, упомленный безпокойствомъ тѣлесной жизни, ежедневно сбирается лепѣтъ обратно въ свою опчизну — однимъ словомъ, развалины великаго Боннепа. Чпо же нашелъ? хопя спарца, но весьма бодраго — спарца, въ глазахъ котораго блискаетъ огонь жизни — спарца, котораго голосъ еще пвердъ и пріятенъ — однимъ словомъ, Боннепа, опъ котораго можно ожидать впорой *Палингенезіи* (*). Онъ встрѣшилъ меня почти у самыхъ дверей, и съ ласковымъ взоромъ подалъ мнѣ руку свою. „Вы видите передъ собою такого

(*) Титулъ одного изъ его сочиненій.

человѣка, сказалъ я, копорой съ великимъ удовольствіемъ и съ пользою читалъ ваши сочиненія, и копорой любилъ и почиталъ васъ сердечно.“ *Я всегда радуюсь, отвѣчалъ онъ, когда слышу, что сочиненія мои приносятъ пользу или удовольствіе благороднымъ душамъ.*

Мы сѣли передъ каминомъ, Боннепъ на большихъ своихъ креслахъ, а я на стулѣ подлѣ него. *Подвиньтесь ближе,* сказалъ онъ, приспавляя къ уху длинную мѣдную трубку, чшобы лучше слышать: *чувства мои тупѣютъ.* Я не могу опъ слова до слова описать вамъ разговора нашего, копорой продолжался около трехъ часовъ. Довольствуйтесь нѣкоторыми опрывками.

Боннепъ очаровалъ меня своимъ добродушіемъ и ласковымъ обхожденіемъ. Нѣтъ въ немъ ничего гордаго, ничего надменнаго. Онъ говорилъ со мною какъ съ

ровнымъ себѣ ; и всякой комплиментъ мой принималъ съ чувствительностію. Душа его столь хороша, столь чиста и неподозрительна, что онъ всѣ учтивыя слова почитаетъ за языкъ сердца, и не сомнѣвается въ ихъ искренности. Ахъ! какая розница между Нѣмецкимъ ученымъ и Боннетомъ! Первой съ гордою улыбкою принимаетъ всякую похвалу какъ должную дань, и мало думаетъ о томъ человѣкѣ, копорой хвалятъ его; но Боннетъ за всякую учтивость спарается плашить учтивостію. Правда, что бой между нами не могъ быть ровенъ: я говорилъ съ Философомъ, всему свѣту извѣстнымъ, и всѣми превозносимымъ; а онъ говорилъ съ молодымъ, обыкновеннымъ, неизвѣстнымъ ему человѣкомъ.

Боннетъ позволилъ мнѣ переводить его сочиненія на Руской языкъ. „Съ чего же вы думаете

начать?“ спросилъ онъ. Съ *Разсма-
триванія Матуры* (Contempla-
tion de la Nature) отвѣчалъ я,
которое по справедливости мо-
жетъ быть названо магазиномъ ин-
тереснѣйшихъ знаній для человѣ-
ка. — „Никогда не приходило мнѣ
на мысль, сказалъ онъ, чпобы это
сочиненіе было такъ благосклонно
принято публикою и переведено
на столько языковъ. Вы знаете
(изъ предисловія къ Contemplation),
что я хотѣлъ бросить его въ ка-
минъ. Но переведя *Палингенезію*,
вы переведете лучшее и полезнѣй-
шее мое сочиненіе. Ахъ, государь
мой! въ нашемъ вѣкѣ много невѣ-
рующихъ!“ — Ему непріятно, что
на Англійской и Нѣмецкой языкъ
переведено *Разсма триваніе Мату-
ры* безъ его вѣдома. Когда Ав-
торъ еще живъ, сказалъ онъ, то
надлежало бы у него спроситься. —
Спалланцаніеву переводу отдастъ
онъ преимущество передъ всѣми

прочими; а Нѣмецкимъ Переводчикомъ, Профессоромъ Тиціусомъ, весьма не доволенъ пошому, что сей ученой Германецъ думалъ поправлять его, и собственныя свои мнѣнія сообщалъ за мнѣнія Сочинительныя. Я сказалъ Боннепу, что Тиціусъ, не смотря на свою ученость, во многихъ мѣстахъ не понималъ его. На примѣръ, начало *Разсматриванія Матюры*: je m'élève à la Raison Eternelle, перевелъ онъ: ich erhebe mich zu der ewigen Vernunft: грубая ошибка! Въмѣсто Vernunft надлежало бы сказать Ursache; подъ словомъ raison разумѣлъ Авторъ *притину*, а не *разумъ*. Боннепъ пожалъ плечами, услышавъ отъ меня о сей ошибкѣ.

Онъ любилъ Лафатера, хвалилъ его сердце и таланты, но не совѣщуетъ никому учиться у него Философіи. — Лафатеръ, будучи не давно въ гостяхъ у Боннепа, вдругъ схватилъ съ него парикъ

и сказалъ сыну своему , которой
пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ: *смотри,*
Генрихъ! гдѣ ты увидишь такую
голову, тамъ угись мудрости.

Говоря о честолюбіи Авпор-
скомъ, Боннетъ сказалъ : „Пусть
Сочинители ищутъ славы! Тру-
дяся для собственной своей вы-
годы, они приносятъ пользу чело-
вѣчеству; ибо премудрый Творецъ
неразрывнымъ союзомъ соединилъ
частное благо съ общимъ.“

Жанъ-Жака называетъ онъ ве-
ликимъ Рипоромъ , слогъ его му-
зыкаю , а Философію — воздуш-
нымъ замкомъ. Будучи усерднымъ
патріотомъ, Боннетъ не можетъ
проспихъ согражданину своему ,
что онъ въ *Lettres écrites de la*
Montagne не пощадилъ Женевского
правительства.

„Въ цѣлой Европѣ, говоритъ Бон-
нетъ, не найдете вы такого про-
свѣщеннаго города, какъ Женева;
наши художники, ремесленники,

купцы, женщины и дѣвушки, имѣ-
ющѣ свои библіотеки, и читающѣ
не только романы и стихи, но и
философическія книги.“—И я мо-
гу сказать, что Женевскіе парик-
махеры пвердять наизустъ цѣлыя
пирады изъ Вольтера, и что Же-
невскія Дамы въ домѣ у Господина
К*, слушающѣ съ великимъ внима-
ніемъ одного молодаго Графа, Мар-
шенева друга, когда онъ изъясня-
етъ имъ пайну пворенія.

Боннетъ вызвался словесно или
письменно обьяснять для меня пѣ
мѣста въ своихъ сочиненіяхъ, ко-
торыя показуются мнѣ темными;
но я избавлю его отъ сего труда.

Почтенной старецъ проводилъ
меня до крыльца. — Знаете ли,
какъ въ просвѣщенной Женевѣ обы-
кновенно зовутъ его? *Инсектомъ*
— для того, что онъ писалъ о
насекомыхъ!

Женева, Января 23, 1790.

Въ здѣшней маленькой Республикѣ начинаются несогласія. Спранные люди! живущѣ въ спокойствіи, въ довольствѣ, и все еще хопятъ чего-то. Нынѣ слышалъ я папешическую проповѣдь, на текстъ: *если забуду тебя, о Иерусалимъ! то да забудетъ себя рука моя, и да прилипнетъ языкъ мой къ сортани моей, если ты не будешь главнымъ предметомъ моей радости (*)!* Разумѣется, что Иерусалимъ значилъ Женеву. Проповѣдникъ говорилъ о любви къ отечеству; доказывалъ, что Республика ихъ щаслива со всѣхъ споронъ; что для соблюденія сего благополучія всѣмъ гражданамъ должно жить въ согласіи, и что на семъ общемъ согласіи основывается личная безопасность каждаго. Въ церкви было множество людей, а осо-

(*) По французскому переводу.

III.

бливо женищинѣ, хопя Рипторѣ обрацался всегда къ братьямъ, а не къ сестрамъ. Всѣ вокругъ меня вздыхали, всѣ плакали — я самъ несказанно былъ пронутъ, видя слезы красавицъ, матерей и супруговъ.

Вотъ письмо къ Боннепу, писанное мною вчера поутру:

Monsieur,

Je prends la liberté de Vous écrire, parce que je crois qu'une petite lettre, quoique écrite en mauvais françois, Vous importunera moins qu'une visite qui pourroit interrompre Vos occupations quelques moments de plus.

J'ai relu encore une fois Votre *Contemplation* avec toute l'attention possible. Oui, Monsieur, je puis dire sans ostentation, que je me sens capable de traduire cet excellent ouvrage sans le défigurer,

ni même affoiblir beaucoup l'énergie de Votre style ; mais pour conserver toute la fraîcheur des beautés, qui se trouvent dans l'original, il faudroit être un second *Bonnet*, ou doué de son génie. D'ailleurs notre langue , quoique fort riche , n'est pas assez cultivée, & nous avons encore très peu de livres de philosophie & de physique écrits ou traduits en russe. Il faudra faire de nouvelles compositions , & même créer de nouveaux noms, ce que les Allemands ont été obligés de faire, quand ils ont commencé à écrire en leur langue ; mais sans être injuste envers cette derniere , dont je connois toute l'énergie & la richesse , je dirai que la notre a plus de souplesse & d'harmonie. Le sentiment de l'utilité de mon travail me donnera la force necessaire pour en surmonter les difficultés.

Vous êtes toujours si clair, & Vos expressions sont si precises , que pour aprésent je n'ai qu'à Vous remercier de la permission, que Vous avez bien voulu

me donner , de m'adresser à Vous , en cas que quelque chose dans Votre ouvrage m'embarassât. Si j'ai de la peine , ce sera de rendre clairement en russe ce qui est très clair en françois , pour peu que l'on sache ce dernier.

Je me propose aussi de traduire Votre *Palingénésie*. J'ai un ami (Mr. N. N. à Moscou), qui s'estime heureux, ainsi que moi, d'avoir lu & medité Vos ouvrages, & qui m'aidera dans mon agréable travail; & peut-être que dns l'instant même où j'ai l'honneur de Vous écrire, il s'occupe à traduire un chapitre de Votre *Contemplation* ou de Votre *Palingénésie* , pour en faire un present à son ami, à son retour dans sa patrie.

En présentant au Public ma traduction , je dirai: *je l'ai vu lui-même* , & le lecteur m'enviera dans son coeur.

Daignez agréer mes remerciements de l'accueil favorable que Vous avez eu la

bonté de me faire, & le respect profond,
avec lequel je suis (*),

Monsieur,

Votre très-humble

& très-obeissant serviteur

N. N.

(*) „Я осмѣливаюсь писать къ вамъ,
„думая, что письмо мое обезпо-
„коитъ васъ менѣе, нежели посѣ-
„щеніе, которое могло бы на нѣ-
„сколько минутъ перервать ваши
„упражненія.

„Съ величайшимъ вниманіемъ чи-
„талъ я снова ваше *Разсматриваніе*
„*Натуры*, и могу сказать безъ тщес-
„лавія, что надѣюсь перевести его
„съ довольною точностію; надѣюсь,
„что не совсѣмъ ослаблю слогъ вашъ.
„Но для того, чтобы сохранить
„ всю свѣжестъ красотъ, находящихся
„ся въ подлинникѣ, мнѣ надлежало
„бы имѣть Боннешовъ духъ. Сверхъ
„того языкъ нашъ хотя и богатъ,
„однакожь не такъ обработанъ, какъ
„другіе, и по сіе время еще весьма
„немногія философическія и физи-

Вашъ отвѣтъ :

Genthod, Vendredi au soir, 22 Janvier, 1790.

Si je n'avois pas su , Monsieur , que vous êtes Russe de naissance, je ne m'en serois pas douté à la lecture de votre obligeante lettre. Vous maniez notre

„ческія книги переведены на Ру-
„ской. Надобно будетъ составлятъ
„или выдумывать новыя слова, подо-
„бно какъ составляли и выдумывали
„ихъ Нѣмцы, начавъ писать на соб-
„ственномъ языкѣ своемъ ; но опи-
„давая всю справедливость сему по-
„слѣднему , котораго богатство и
„сила мнѣ извѣстны , скажу, что
„нашъ языкъ самъ по себѣ гораздо
„пріятнѣе. Переводъ мой можетъ
„быть полезенъ — и сія мысль по-
„служитъ мнѣ ободреніемъ къ пре-
„одоленію всѣхъ трудностей.

„Вы пишете такъ ясно , и вы-
„раженія ваши такъ опредѣленны,
„что на сей разъ я долженъ поль-
„ко благодарить васъ за данное
„мнѣ позволеніе, пребывать у васъ

langue comme un François qui l'a cultivée, & je ne puis trop me féliciter d'avoir rencontré un Traducteur aussi capable que vous l'êtes de rendre bien son original. Vous ne rendrez sûrement pas moins bien la *Palingénésie* que la *Contemplation*,

„избясненія въ такомъ случаѣ ,
 „если бы что нибудь показалось
 „для меня непонятнымъ въ *Разсма-*
 „триваніи *Натуры*. Можетъ быть,
 „трудно будетъ мнѣ выражать ясно
 „на Рускомъ языкѣ то , что на
 „Французскомъ весьма понятно
 „для всякаго , кто хотя не много
 „знаетъ сей языкъ.

„Я намѣренъ переводить и вашу
 „*Палингенезію*. Одинъ пріятель мой,
 „живущій въ Москвѣ, такъ же какъ
 „и я люблю читать ваши сочи-
 „ненія и будетъ моимъ сотрудни-
 „комъ; можетъ быть въ самую сію
 „минуту, когда имѣю честь писать
 „къ вамъ , онъ переводитъ главу
 „изъ *Разсматриванія* или *Палинге-*
 „незіи.

„Предлагая публикѣ переводъ мой,

& ces deux ouvrages vous devront un honneur auquel l'Auteur sera extrêmement sensible, celui d'être connus d'une Nation que votre patriotisme désire d'éclairer, & qui est très susceptible d'instruction.

J'ai, Monsieur, un plaisir à vous demander ; ce seroit d'accepter pour lundi prochain, 25 du courant, un petit diner philosophique dans ma retraite champêtre. Si ce jour peut vous convenir, je vous attendrois sur le midi, & nous nous entretiendrions ensemble d'un travail dont je vous suis si redevable. Veuillez me donner un mot de réponse.

Je suis charmé d'apprendre que vous

„скажу: я видѣлъ Его самого, и чин-
„патель позавидуемъ мнѣ въ сер.
„дцѣ своемъ.

„Изъявляя благодарность мою за
„благосклонной приѣмъ, кошорой вы
„мнѣ сдѣлали, съ глубочайшимъ по-
„чтеніемъ имѣю честь быть“ —
„и проч.

ayez à Moscow un Ami inspiré par les mêmes vues qui vous animent, & la satisfaction qu'il goûte à me lire & à me méditer, m'en donne beaucoup à moi-même.

Agréez les assurances bien vraies des sentimens pleins d'estime & de considération avec lesquels j'ai l'honneur d'être,

Monsieur,

Votre très humble

& très obéissant serviteur,

Le Contemplateur d. l. Nature ()*.

(*) Начало письма есть ничто иное, какъ одна Французская учтивость. — „Я радуюсь, нашедши такого переводчика: вы конечно хорошо переведете и *Палингенезію* и *Разсма-триваніе*. Авторъ будетъ вамъ весьма благодаренъ за то, что вы познакомите съ его сочиненіями такую націю, которую онъ уважаетъ.

„Не можно ли вамъ въ понедѣльникъ, то есть 25 числа сего мѣсяца, отобѣдать со мною ло-фи-

Женева, 26 Января, 1790.

День вчера былъ очень хорошъ, и я отправился въ Жаншу пѣшкомъ; но скоро небо помрачилось, и сильной дождь принудилъ меня искать убѣжища. Я зашелъ въ крестьянской домикъ, гдѣ многочисленное семейство сидѣло за обѣдомъ. Хозяинъ, узнавъ причину нечаяннаго посѣщенія моего, при-

„лософски въ сельскомъ моемъ уединеніи? Если можно, то около двѣнадцати часовъ буду ожидать васъ, и мы поговоримъ о томъ трудѣ, которымъ вы намѣрены обязать меня. Прошу объ оловѣнѣ.

„Мнѣ пріятно слышать, что у васъ есть пріятель, которой вмѣстѣ съ вами любите просвѣщеніе, и находите удовольствіе въ чтеніи моихъ сочиненій.

„Увѣряя васъ въ моемъ почтеніи, имѣю честь быть,

Государь мой,

Вашъ покорный слуга

Созерцатель Натуры.

несъ мнѣ стулъ изъ другой горницы, и просилъ меня опѣдаться картофелей, сваренныхъ его женою. Я опѣдалъ, похвалилъ, и положилъ вилку. — „Что же вы не ѣдите?“ — Я иду обѣдать въ Жаншу, къ Г. Боннепу. — „Къ Господину Боннепу? И такъ вы съ нимъ знакомы?“ — Знакомъ, хотя очень недавно. — „Какой доброй человѣкъ! Всѣ поселяне любятъ его сердечно, а бѣдные называютъ опцомъ и благодарятъ.“ — Развѣ онъ помогаетъ имъ? — „Конечно; никто еще не уходилъ отъ него съ печальнымъ лицомъ.“ — И такъ онъ много раздаетъ денегъ? — „Очень много; и сверхъ того говоритъ всегда такъ ласково, такъ умно, такъ хорошо, что у всякаго слезы на глазахъ навертываются, и всякому хочется схватить и поцѣловать руку его.“ — *Правда, правда, батюшка!* сказалъ большой сынъ моего хозяина.

Правда, повторила молодая жена его, взглянув на мужа и на меня. — — Дождь пересталъ, и я пошелъ, изъяснивъ благодарность мою гостепріимному и добросердечному поселянину. И такъ Жеванской мудрецъ не только по сочиненіямъ, но и по дѣламъ своимъ есть другъ человѣчества!

Я нашелъ его въ саду; но онъ тотчасъ повелъ меня въ домъ, примѣпивъ на кафтанъ моемъ слѣды дождевыхъ капель, — посадилъ въ кабинетъ своемъ передъ каминомъ, и велѣлъ мнѣ грѣть ноги, боясь, чтобы я не простудился. Судите по сему объ искусствѣ его плѣнять людей! Но душа его родилась съ симъ искусствомъ — и если, по словамъ Биландовымъ, сочиненія Боннеповы заставляютъ чисташелей любить Автора, то милое обхожденіе его еще увеличиваетъ эту любовь. — Ни съ кѣмъ не говорю я такъ смѣло,

такъ охотно, какъ съ нимъ. И слова и взоры его ободряютъ меня. Онъ все выслушиваетъ до конца, во все входитъ, на все отвѣчаетъ. Какой человекъ!

„Вы рѣшились переводить *Разсматриваніе Матуры*, сказалъ онъ: начните же переводить его въ глазахъ Автора, и на томъ столѣ, на которомъ оно было сочиняемо. Вотъ книга, бумага, чернилица, перо.“ — Съ радостію исполнилъ я волю его; съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ приблизился къ письменному столу великаго Философа, сѣлъ на его кресла, взялъ перо его — и рука моя не дрожала, хотя онъ стоялъ за мною. Я перевелъ пишуль — первой параграфъ — и прочиталъ вслухъ. *Слышу и не понимаю*, сказалъ любезной Боннетъ съ усмѣшкою: но соотестественники ваши будутъ конечно умиѣе меня. — Эта бумага

останется здѣсь въ память нашего знакомства.

Онѣ хотѣлъ знать, во сколько времени могу перевести Contemplation, въ какой форматѣ буду печатать эту книгу, и самѣ ли стану чистить корректуру? Мнѣ очень пріятно было, что великой Боннепѣ входилъ въ такія подробности; но еще пріятнѣе было для меня то, что онѣ обѣщались мнѣ дать новыя, и самой Французской Публикѣ неизвѣстныя примѣчанія къ *Разсматриванію Матюры*, которыя написаны у него на карпочкахъ, и въ которыхъ сообщаетъ онѣ извѣстія о новыхъ открытіяхъ въ наукахъ, дополняетъ, объясняетъ, поправляетъ нѣкоторыя невѣрности, и проч. и проч. „Я человекъ (сказалъ онѣ), и попому ошибался; не могъ самѣ дѣлать всѣхъ опытовъ, вѣрилъ другимъ наблюдателямъ, и послѣ узнавалъ ихъ заблужденія. Спара-

ясь о возможномъ совершенствѣ моихъ сочиненій, поправляю всякую ошибку, которую нахожу въ нихъ.“ — Онъ хочетъ, чѣобы я прислалъ къ нему два экземпляра перевода моего: одинъ для его собственной, а другой для Женевской публичной библіотеки.

Почтенный спарецъ бережетъ слабые свои глаза, и почти ничего самъ не пишетъ, а все диктуетъ Секретарю своему.

На вопросъ, чью Философію преподаютъ у насъ въ Московскомъ Университетѣ? отвѣчалъ я: Вольфову — отвѣчалъ наугадъ, не зная того вѣрно. *Вольфъ есть хорошій философъ, сказалъ Боннепъ: но только онъ слишкомъ любитъ демонстрацію; я предпочелъ его методъ аналитическую, которая гораздо вѣрнѣе и безопаснѣе.*

Въ часъ мы сошли въ залу нижняго этажа, гдѣ готовъ былъ обѣдъ, и гдѣ ждала насъ Госпожа Бон-

непѣ , которая лѣтами моложе
своего мужа, но здоровѣе гораздо его слабѣе. Она также обла-
скала меня; и между пѣмъ , какъ
Боннепѣ ѣла супъ , хвалила мнѣ
тихонько доброшу его сердца. „О
„его разумѣ, о его знаніяхъ пущь
„судитъ Публика; но я знаю то ,
„что любовь его , добронравіе и
„нѣжныя попеченія соспавляющъ
„мое щасіе. Мнѣ кажется, что
„безъ него я давно бы лишилась
„жизни, будучи такъ слаба и нездо-
„рова ; видя же его подлѣ себя,
„перпѣливо переносивъ припад-
„ки, всякую болѣзнь, и вмѣстѣ ро-
„панія изъясляю Небу благодар-
„носъ мою за такого супруга.“
— О чемъ вы говорите? спросилъ
Боннепѣ, перемѣнивъ парелку. О
хорошей погодѣ , отвѣчала Госпо-
жа Боннепѣ, и уперла плашкомъ
глаза свои.

Я сидѣлъ между ими, какъ меж-
ду Филемономъ и Бавкидою. Обѣдѣ

былъ очень хорошъ, и такъ изобилень, какъ Природа, описанная хозяиномъ. — Когда мы пили кофе, пришелъ попъ Дашчанинъ, живописецъ, о которомъ говорилъ Боннетъ въ Contemplation, и которой живетъ у него въ домъ. Онъ началъ рассказывать о болѣзни Гжи. Соссюръ, племянницы Боннеповой, и говоря по-Французски не очень хорошо, на прѣшемъ словѣ остановился, и нѣскольکو времени не могъ сыскать выраженія. Почпенной старецъ сидѣлъ, приспавя къ уху мѣдную трубку, и съ величайшимъ терпѣніемъ дожидался, пока живописецъ могъ изъясниться. Эта черта для меня характерна, и показываетъ крепость Боннеповой души, которая никого и ничѣмъ оскорбить не хочетъ.

Онъ вздумалъ проводить меня до Женевы, призвалъ кучера и велѣлъ ему закладывать карету.

III.

Есшлы бы вы видѣли, какими глазами смопрѣлѣ на него эпопѣ кучерѣ! и какимѣ голосомѣ опвѣчалѣ ему: *слышу, доброй, любезной господинѣ мой, слышу!* Всѣ домашніе любяшѣ его какѣ опца.

Жалѣшѣ ли о томѣ, чпо онѣ не имѣешѣ дѣшей, копорыя могли бы развеселишѣ мрачную осень дней его? Но мудрецѣ, дружелюбно бесѣдующій сѣ Геніемѣ Напуры — мудрецѣ, почищающій весь родѣ человѣческой однимѣ семейспвомѣ, и шрудами своими споспѣшеспвующій его просвѣщенію и благополучію — можешѣ бышѣ щаспливѣ и безѣ сего удовольспвія.

Гжа. Боннешѣ любешѣ и держишѣ у себя ппицѣ всякаго рода: попугаевѣ, чижей, горлицѣ, и проч. „Не удивляюсь вашему вкусу, сказалѣ я: кпо не любешѣ пого, чпо описано вашимѣ супругомѣ?“ Боннешѣ вслушался, и пожалѣ руку мою. — „Однакожь знаете ли, ска-

залъ онъ, что я часто ссорюсь съ моею женою за книги? Вчера, на примѣръ, былъ у насъ великой споръ о Письмахъ дю-Папи (*): слогъ ихъ кажется ей прекраснымъ, а мнѣ фигурнымъ и принужденнымъ; она находить въ нихъ сердечное краснорѣчіе, а я — однѣ антипезы“ — Гжа. Боннепъ смѣялась, и говорила, что Сочинитель *аналитическаго опыта*, (**) не всегда чувствуетъ красоты піишескія. — Они довели меня въ своей каретѣ до самыхъ городскихъ воротъ. —

По сіе время здѣсь нѣтъ зимы, и дни бывають такъ ясны и теплы, какъ у насъ въ исходѣ Августа или въ началѣ Сентября, хотя во всей Женевѣ безпрестанно пылають огонь въ каминахъ. Только одинъ разъ шелъ снѣгъ, и че-

(*) Lettres sur l'Italie.

(**) Essai analytique sur l'ame.

чимъ замѣтилъ я слѣдующее :
Госпожа Н. Н. звала меня къ себѣ
еѣ гости — я не пошла къ ней —
она не звала моего учителя.—Уль-
 рихъ ѣздилъ въ Парижъ за тѣмъ
 только, чтобы видѣться съ Абба-
 томъ л'Епе, которой завелъ тамъ
 особое училище для нѣмцевъ.
 Чему дивиться болѣе : разуму ли
 учителя, или пониманію учениковъ?
 Конечно сему послѣднему; но все
 вмѣстѣ заспавляетъ меня удив-
 ляясь способностямъ души чело-
 вѣческой.

На сихъ же дняхъ узналъ я и
 молодого Верна. Вамъ извѣстны
 его *Франсіада* и *Voyageur senti-*
mental, въ которыхъ много хоро-
 шаго и прогашельнаго. Онъ обѣ-
 даетъ иногда въ нашемъ пансіонѣ.

К О Н Е Ц Ъ Т Р Е Т Ъ Я Г О Т О М А .

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Sočinenīja Karamzina

Bd.: 3

Moskva 1803

Opp. 659 b-3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10605656-2